

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1990
ISSN 0131—0097
КОНВЕРСАНТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 35 (3293)

ИЗДАТЕЛЬ —
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

25 августа — 1 сентября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Конверсия... Какой ей быть? (См. материал «Конверсия самотеком»).

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Оформление А. В. ХРОМОВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 06.08.90. Подписано к печати 21.08.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2658. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото А. БЕЛЕНЬКОГО

ЦЕНА СЛОВА

Свободу не купишь, надо пострадать.

Журналисты из ленинградской молодежной газеты «Смена» вышли на Исаакиевскую площадь, расположились у Мариинского дворца и объявили голодовку. Коллектив редакции, возмечтав о свободе, пожелал уйти из-под опеки комсомола и учредить независимую газету. Обком комсомола воспрепятствовал. Ленгорисполком отказал в регистрации.

Двое из редакции поехали в Москву к Михаилу Полторанину — за правдой. Министерство печати и массовой информации РСФСР зарегистрировало независимую молодежную общественно-политическую газету. Вышли ее первые номера. Голодовка окончена. Ходоки вернулись с победой.

С победой?..

РЕГИСТРАЦИЯ «ОГОНЬКА»: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Сначала — сводка сообщений: как с театра военных действий (или из театра абсурда?).

Понедельник. Первый заместитель председателя Госкомпечати СССР Д. Мамлеев по телефону официально сообщает редакции «Огонька», что подано еще одно заявление с просьбой о регистрации нашего журнала — от издательства ЦК КПСС «Правда».

Вторник. Представители руководства издательства «Правда» в ответ на прямой вопрос редакции заявили, что никакого заявления о регистрации «Огонька» издательство никуда не подавало.

Среда. Пытаемся дозвониться по всем телефонам Госкомпечати СССР, чтобы узнать о нашей судьбе,— ни один номер в течение дня не отвечает.

Цитата из газеты «Правда» (репортаж из Госкомиздата СССР): «...Был задан вопрос и о газете «Правда»: подала ли редакция заявку на регистрацию? Заместитель председателя комитета А. Горковлюк подтвердил этот факт, но уточнил, что просьба главной партийной газеты страны о регистрации подана издательством «Правда» в «пакете» — наряду с другими газетами и журналами, выходящими под крышей этого издательства. Заявка будет рассматриваться в сентябре».

(В очередной раз — заметим в скобках — поражает пренебрежительное отношение этого ведомства к закону: в сентябре, если деятели Госкомпечати СССР действительно дотянут волокиту до осени, будут рассматриваться в суде иски к ним со стороны коллектива «Огонька», да, наверное, и не одного его — см. ст. 14 Закона СССР о печати.)

Четверг. В Госкомпечати по-прежнему не берут трубку.

Руководители издательства «Правда» отрицают факт подачи какой-либо «заявки» на регистрацию журналов. Приведенные «Правдой» сведения о «пакете» — стопроцентная ложь. Единственно, с чем на эту тему обращалось издательство в Госкомпечать, была просьба предоставить график регистрации изданий, которые оно печатает.

Пятница. Наконец дозваниваемся до нашего хорошего знакомого из Госкомпечати — Владимира Ивановича Колышева (который, как читатель помнит, обещал, что к концу недели наш вопрос будет решен). Хотя обхождение, как и раньше, вежливое, но новости неутешительные: «...Да, издательство «Правда» претендует на учредительство «Огонька»... Заявление? Заявления нет, но пришло «письмо» по поводу всех газет и журналов, издающихся в «Правде»... Указан ли в «письме» «Огонек»? Кажется, да... Кроме того, есть заявка на издание «Огонька» от частного лица... Вопрос с «Огоньком», как видите, спорный. Решать его судьбу будет суд...»

Пора свести воедино все сведения, поступившие в редакцию из Госкомпечати СССР, издательства ЦК КПСС «Правда», хозяйственных подразделений Центрального Комитета компартии, и назвать, наконец, вещи своими именами.

Правда заключается в том, что высокопоставленные партийные «менеджеры» выкручивают руки подчиненному им издательству, силой заставляя его стать учредителем «Огонька» и ряда других изданий. Постыдную роль подручного в этой некрасивой акции согласился играть Госкомитет по печати, столь безоглядно уверенный во всепобеждающей силе сановников со Старой площади, что бесстрашно идет на дезинформацию общественности. Нет заявления о регистрации? — Не важно,

будет завтра. Или послезавтра. **Куда они денутся!** Как говорится, сила ломит и соломушку.

Истинная подоплека всей этой возни — деньги, доходы от успешно ведущихся изданий, которые партократии позарез необходимо присвоить, дабы в полной мере сохранить свою «руководящую и направляющую роль».

Дорогие читатели!

Обращаемся к вам в критически ответственный для нашего (ВАШЕГО!) журнала момент. Четыре года аппарат пытался задушить «Огонек», но именно ваша поддержка (каждый год прибавлялось подписчиков на миллион и больше!) не дала консерваторам расправиться с нами. Мы вместе со всеми боролись за принятие Закона СССР о печати и вместе со всеми, кому дорога свобода слова, радовались его появлению. Однако до полной победы демократии и гласности, по-видимому, еще далеко. Сегодня — один из решающих раундов борьбы против административно-идеологической опеки. Управдельцы ЦК КПСС с помощью, как выяснилось, верного им Госкомитета по печати СССР делают все, чтобы связать «Огонек» по рукам и ногам, чтобы по-прежнему его дела и проблемы решались в высоких кабинетах и поныне правящей партии, чтобы, как и раньше, редакционные сотрудники получали назначаемую там же зарплату, а авторы — смехотворно низкие гонорары (это — в журнале, который приносит десятки миллионов рублей дохода!). Кроме названного выше — меркантильного — интереса, тут у аппарата, которому «Огонек» как кость в горле, есть и другой, дальний расчет: в нынешних условиях жесткой конкуренции, наличия сотен более или менее свободных органов печати «Огонек», поставленный в такие рамки, не выдюжит, задохнется со своим махоньким штатом, со своими ставками, с нищенским оборудованием, с постоянными окриками тех, кто по старой революционной традиции готов экспроприировать все, что им нравится, и очень обижаются, если им напоминают о законе.

Слава Богу, Закон СССР на нашей стороне. И действия чиновников и аппаратчиков — мы в это верим — будут нейтрализованы.

Но мы не победим без вашей, дорогие читатели, помощи и поддержки. Подписавшись на «Огонек» на 1991 год, вы докажете, что мы не одни в своей борьбе.

Став самостоятельным, независимым органом, журнал, видимо, сможет найти формы, чтобы помочь малоимущим получать «Огонек».

Сейчас мы не можем предугадать, что нас ждет завтра, но мы уже знаем, на что способны наши недруги. И мы выстоим, обязательно выстоим! Если, конечно, Верховный Совет СССР, парламенты наших республик, органы печати, журналисты, читатели — все, кому дорога судьба гласности,— не будут молча наблюдать, как происходит грабеж среди бела дня...

ОГОНЬКОВЦЫ

ТЫСЯЧА И ОДИН ВОПРОС

Тысяча — это вопросы читателей о стоимости подписки на «Огонек». Один — это вопрос редакции к читателям журнала. О чем — скажем ниже.

Подтверждаем еще раз, что сообщения, прозвучавшие в телепередачах «120 минут» и «Добрый вечер, Москва!», будто годовая подписка на «Огонек» стоит 70 рублей, не соответствуют действительности. Неверно и утверждение, приведенное в программе «Время» в репортаже из Госкомпечати СССР, о цене в 51 рубль. И, наконец, ошибочна информация в «Вечерней Москве» от 17 августа — все о том же 51 рубле.

О последнем сообщении стоит сказать подробнее. Дело в том, что оно перепечатано из газеты «Гласность» (приложение к журналу «Известия ЦК КПСС») от 16 августа, взявшей сведения у заведующего отделом партийных издательств Управления делами ЦК КПСС В. В. Кострова. Но ведь именно товарищ Костров самым первым, еще 10 августа, знал окончательно согласованную с редакцией цену — 46 руб. 80 коп. Когда в № 34 писали: «...ответработники Управделами ЦК КПСС и представители руководства редакции пришли к компромиссному варианту», то под «ответработниками» имели в виду именно В. В. Кострова. Ну, не странно ли? Нам не дают возможности быть самостоятельными; нам навязывают цену, которая никогда не была бы такой высокой, получи мы самостоятельность; нами пытаются помыкать, даже не заботясь о видимости законности.

Но не надо отпугивать потенциальных подписчиков от «Огонька» еще и ложными сообщениями о его цене!

Теперь о вопросе редакции читателям.

В прошлом и нынешнем году при контактах с иностранными издателями не раз возникали вопросы о возможностях печатания «Огонька» в зарубежных типографиях. Мы их не рассматривали прежде всего потому, что выпускать еженедельник в большом отдалении от полиграфической базы практически невозможно. Однако нынешние обстоятельства, и в первую очередь прозрачные намеки ответработников Управделами ЦК КПСС на то, что в случае самостоятельности «Огонька» он вполне может быть отлучен от печатных машин издательства ЦК КПСС «Правда», вынуждают нас вернуться и к этим вариантам. Они могут стать вполне реальными, если журналу быть не еженедельником, а двухнедельником, то есть выходить вдвое реже, но и вдвое большим объемом.

Минусы такой перемены очевидны.

Плюсы: возможность публиковать более основательные по содержанию, аналитичные материалы; высокое полиграфическое качество; и, главное, меньшая зависимость от плановой социалистической экономики, при которой можно оказаться без бумаги в любой день. Что думаете об этом вы, наши читатели?

Дорогие читатели, готовы ли вы поддержать нас в борьбе за то, чтобы «Огонек» был только вашим, и ничьим другим, печатным органом?

СПРАВКА ЮРИСТА

В соответствии со статьей 14 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» отказ в регистрации средства массовой информации либо нарушение государственным органом установленного для регистрации месячного срока могут быть обжалованы учредителем или редакцией в суде.Следовательно, если «Огонек» не будет зарегистрирован до первого сентября включительно, редакция будет вправе уже второго сентября обратиться в суд, что она, безусловно, и сделает, не в последнюю очередь благодаря «помощи» Госкомпечати СССР. И, я уверен, выиграет дело, поскольку никаких законных оснований для отказа в регистрации «Огоньку» нет.

Что же касается появившихся в последнее время других «кандидатов в учредители», по мнению представителей Госкомпечати СССР, составляющих конкуренцию трудовому коллективу «Огонька» в процессе регистрации, то они могут претендовать на подобную роль только в том случае, если докажут, что заявления о регистрации «Огонька» были ими поданы раньше, чем это сделал трудовой коллектив редакции.

Л. ГРИГОРЯН,
кандидат юридических наук.

ПРОШУ СЛОВА!

Академик О. БОГОМОЛОВ,
народный депутат СССР

НЕ МОГУ СНЯТЬ С СЕБЯ ВИНЫ

Тяжелая доля выпала поколениям наших людей, втянутым в беспрецедентный социальный эксперимент. Миллионы загубленных жизней, искалеченных судеб, лишения, страх, несвобода и неотвязный вопрос: ради чего? Но так ли уж слепа судьба и фатален ход истории? И разве не человек — кузнец своего счастья? Историю делают люди, движимые идеями, страстями, интересами. От их разума, идеологии, политики зависит тот или иной поворот событий. Только у прошлого нет вариантов, а перспектива всегда многовариантна. Осенью 1917 года был сознательно сделан выбор, который, как мы сегодня видим, несмотря на все принесенные жертвы и героические усилия, завел в тупик. Остальные варианты отбросили, потому что непоколебимо верили в научную обоснованность единственно правильного, хотя еще и непроторенного пути. Можно, конечно, дискутировать, вызваны ли плачевные итоги деформациями социалистического учения и практики, или же сами исходные посылки были ошибочны и потому построенная в соответствии с ними система нуждается не в реформировании, а в замене. Истину в конце концов установят. Но не она меня мучит. Неотступно на уме другой вопрос. Кто в ответе (и в том, и в другом случае) за несчетные жертвы, нищету и отсталость, которыми мы заплатили и продолжаем платить за ошибки или деформации?

На этот вопрос не слышно удовлетворительного ответа, как будто он надуман или даже вообще не существует. Дескать, чего копаться в прошлом, когда на носу столько забот и проблем. Еще одна отговорка: нечего, мол, добиваться святости, ибо не было у нас в то время исторических примеров для подражания, приходилось и приходится действовать методом проб и ошибок.

Но тем не менее, сколько ни стараюсь, не могу уразуметь, почему некому конкретно отвечать за содеянное, почему неизвестны виновники крупных просчетов даже нынешней, перестроечной поры, почему напрочь отброшена моральная проблема покаяния и искупления? Казалось бы, власть всегда должна быть сопряжена с ответственностью. Необязательно это должна быть отставка или наказание виновных, но хотя бы публичное их осуждение и соответствующее извинение. Если же причиненный обществу ущерб не влечет за собой ответственности, то весь социальный организм неминуемо вырождается и деградирует. Власть десятилетиями безнаказанно совершала насилие не только над большинством народа, над отдельной личностью, но и над объективными законами развития. Расплачивается теперь общество. А его авангард?

Мученики сталинских и последующих политических репрессий, жертвы коллективизации и индустриализации, экологических катастроф, гонений на целые народы, государства, которых мы принудили следовать советскому образцу, не услышали еще извинения от тех, кто считает себя прямым наследником и продолжателем партийной и государственной власти, установившейся после октября 1917 года. Почти не слышно и покаяний конкретных виновников и вершителей тех или иных позорных событий или акций.

Элементарные представления о чести и справедливости не позволяют просто так замолчать и вычеркнуть трагические страницы из исторической памяти народа. Все в нашей жизни — и хорошее, и плохое — совершалось под руководством партии. Знаю, что житейские принципы морали отбрасывались как буржуазные предрассудки, ибо нравственным считалось только то, что служит мифической идее коммунизма. Этому учили классики марксизма. Но люди-то оставались людьми. Пусть болезненно-обостренное восприятие чести умерло вместе с лучшими представителями российского дворянства, но само-то это понятие, как и другие общечеловеческие моральные категории, не может потерять значения в жизни людей, особенно наших, хлебнувших вдоволь из чаши унижения, горестей и неизбывных бед.

КПСС называли и честью, и совестью, и умом нашей эпохи. Так вот, в моем понимании соблюдение чести требует принять на себя вину за тяжелые последствия своих действий и искупить вину. Надо откровенно признать, что партия привела страну на край пропасти, и теперь нам предстоит всем миром спасать себя.

Разве угрызения совести, потребность в покаянии — это чисто личные чувства, продукт религиозного сознания? Разве в политике, деятельности партии им нет места? История других стран и народов говорит, что это не так. И для нашего общества писаны те же моральные законы. Почему же работа XXVIII съезда КПСС оказалась неподвластна им? Он дал членам партии индульгенцию за все грехи руководителей прежней поры, но я не могу снять с себя своей доли ответственности.

Ведь если бы те, кто внутренне протестовал против удушения Пражской весны 1968 г., не смолчали и не бездействовали, не произошло бы, возможно, вторжения в Афганистан, которое тоже проглотили в основном молча. И разве значительная часть членов партии не видела, что ее 18 лет возглавляла случайная, недалекая личность? Разве не хотелось выключить телевизор при виде очередного парада наших лидеров, увенчивающих эту серость новой наградой? А восторги и премии по поводу подобия мемуаров, написанных за автора услужливыми литераторами? Собраться бы с духом да прокричать: «Король-то голый!» Глядишь, перестройка наступила бы намного раньше. Вспомним и многомиллиардные бессмысленные траты на мелиорацию. А экономическая реформа 1965 года, которой вопреки здравому смыслу свернули голову, и многое другое? Можно ли сказать, что ко всему этому члены партии не имели никакого отношения и поэтому нечего заводить речь о покаянии? Писали апологетические книги и статьи, произносили заздравные речи и лозунги. Общественные науки, искусство, литература, телевидение служили официальной политике. Партийные ячейки единодушно одобряли все, что спускалось сверху. Установки

давала кучка лидеров, но исполнителей-то насчитывались миллионы. Был среди них и я, не отпираюсь. Не раз с коллегами-единомышленниками задавался вопросом, что честнее: продлевать политическую жизнь бесславным лидерам, вставляя в произносимые ими речи здравые мысли, позволяющие хоть на шаг отступить от мертвых догм, или же отказаться от всякого участия в этом, а вместе с тем, вероятно, от возможности руководить институтом, заниматься наукой и политикой? К сожалению, я делал выбор в пользу первого. Мы малодушно обманывали себя, полагая, что отправляемые нами «наверх» научные записки прогрессивны, что они помогут выправить политический курс, избежать тяжелых последствий. На деле же записки по поводу ошибочности вторжения в Афганистан, истинной сути режима Чаушеску, прогрессивности рыночной ориентации венгерской экономики, подлинных причин и объективного характера польских событий, наши предложения по перестройке внешнеэкономической деятельности в СССР, теоретические разработки о кризисах при социализме и его антагонизмах, выводы о том, что германский вопрос нельзя считать закрытым и т. д., сыграли весьма и весьма ограниченную роль, хотя и не прошли бесследно. Самое большее, на что я с некоторыми коллегами оказывался способным,— это, следуя призыву А. И. Солженицына, не участвовать во лжи. Да и то, боюсь, что не всегда. Но все же отсутствие сахаровского мужества нельзя оправдать. Тогдашние доводы о необходимости сохранить научный задел и независимо мыслящих ученых для будущего, когда на них возникнет спрос, сегодня выглядят недостаточно убедительными. Надо было открыто протестовать против обмана, неправды, насилия.

Конечно, во многом наша покорность и пассивность объяснялись страхом перед все перемалывающей тоталитарной системой.

Но все же главный корень зла — малодушие, рабская покорность судьбе. Все те, кто молчал, примирился, сами виноваты в том, что значительную часть жизнь прожили зря, что наша страна превратилась в страну упущенных возможностей. Покаяние необходимо не во имя наказания, как ритуал, а для самоочищения, чтобы все мы наконец проснулись душой. Иначе мы останемся навсегда слепыми, ничего не увидим, ничего не поймем.

Если мы скажем вслух эту страшную правду о себе, скажем, что сами себя предали, будет меньше поводов для ожесточения, сведения счетов, зряшной гордыни и самоуверенности. Нужно отнестись к себе более серьезно.

То, с какой легкостью XXVIII партсъезд разделался с проблемой ответственности, прямо-таки поражает. Вправе ли аппарат, составлявший большинство съезда, сам себе и всем нам отпускать грехи? Думается, честнее и справедливее выслушать суд общества, не утаив от него ни одной крупицы правды о руководящей деятельности партии. Как видно по Восточной Европе, вердикт может оказаться суровым, но другого судии быть не может. К сожалению, съезд упустил последнюю возможность порвать с прошлым, возродить моральный авторитет партии. Он закрепил за ней роль правопреемницы предшествующей политики — пусть не всей, но ее главных составляющих. И это делает для меня лично невозможным дальнейшее пребывание в партии. Как ученый, старающийся ничего не воспринимать на веру, не могу больше, закрыв глаза на прошлые и настоящие реалии, жить ожиданием коммунистического чуда.

Пора перестать присягать догматам марксистской веры, а обратиться к здравому смыслу, общечеловеческому опыту, извечным моральным заповедям, которые никогда еще людей не подводили. Не в них ли спасение и выход из тупика?

ТОВАРИЩ ПО ПАРТИИ?

В 23-м номере «Огонька» за этот год была опубликована статья Владимира Глотова «Бегство... за властью», героем которой, вернее антигероем, стал первый секретарь Суздальского райкома КПСС Геннадий Михайлович Михайлов. Может быть, вам будет интересно узнать мнение коммуниста с 40-летним стажем и, кстати, хорошо знающего Михайлова?

Так вот, номер «Огонька», конечно, читали с особым вниманием, передавали из рук в руки. Разговоров было много.

Районные партийные власти забеспокоились — формируется независимое от них мнение, да еще под воздействием авторитета вашего журнала. Что делать?

Известно что — формировать в местной прессе свою версию событий, описанных в «Огоньке», навязать ее людям. Решили, я думаю, не без ума: «Огонек» далеко, а «Суздальская новь» под боком и пока еще в надежных райкомовских руках, как бы ни скрывал свой надзор над районной прессой Михайлов. Ее слово и должно стать последним, потому что остается в памяти всегда, как правило, последнее.

Вот, я думаю, был замысел: преподнести «правду» по-своему, для своего местного человека, ибо товарищу Михайлову абсолютно все равно, что о нем думают шахтеры Кузбасса, если он сам правит в Суздале,— ему важен суздальский житель, сосед, те, с кем он встречается, кого учит жизни, ну и от кого зависит. Потому и бросились реабилитировать, как на пожаре, пошатнувшийся авторитет, а точнее — искусственный авторитет партийного лидера.

Надо признать, журналист Глотов дал меткую характеристику нашему районному вождю: «...и такая ярая страсть вести других вперед, все вперед и вперед. Ломая хребты и разрывая губы удилами». Мне пришлось лично убедиться в точности портрета этого «крестьянского сына», но об этом я скажу чуть позже. А пока о том, как организована была кампания защиты местного лидера.

Газета «Суздальская новь», вряд ли рассчитывая, что ее голос услышат в Москве, и преследуя иные, местные цели, поместила пространную и на редкость бестактную и бездоказательную статью, за которую впору опять потянуть ее в суд; автор статьи, некий «краевед из Москвы» по фамилии Огурцов, корни которого, как он всем почему-то сообщает, теряются в суздальских землях.

Так вот, меня, руководителя сельскохозяйственного предприятия, особенно не волнует вопрос, кому должен принадлежать суздальский музей. Не об этом писал, если вдуматься, и «Огонек».

Смысл вашего выступления — погоня за властью, а то и бегство за ней, побег от одной разваливающейся властной крепости к другой. Подчинение своей воле других, претензия на знание истины, нетерпимость к иному мнению, жажда власти все на более и более высоком уровне — вот суть нынешнего суздальского первого секретаря райкома.

Я помню, как бюро райкома под его руководством объявило мне выговор — и за что? За то, что не явился на городской митинг 9 Мая, хотя именно в эти часы, когда шел митинг, мы вместе с шестнадцатью специалистами занимались вовсе не прозаическим, но крайне необходимым в ту пору делом: сортировали картофель, ведь шла посадка! И деньги, кстати, перечислили в Фонд Мира. Но семь раз этот вопрос был предметом обсуждения. А «дело» тянулось пять месяцев. Вот она, ветряная мельница, которая ничего не мелет, кроме пустоты. И думаете, это было в какие-то застойные годы? Нет. В 1988-м. Потом нас долго еще мучили придирками, слушали на бюро райкома вопрос за вопросом, например о «ходе зимовки скота». И все из-за чего? Не подчинился воле, ослушался, не признал линии на показуху, отверг заидеологизированность и трескотню. Так что я знаю Михайлова не по музейным делам — это цветочки.

Помню, райком поставил задачу первым в области перевести район на сплошную арендизацию. За дело взялся лично Михайлов. Под напором его энергии рухнули доводы здравого смысла у тех, кто пытался что-либо объяснить ретивому реформатору. И вот пошли на массовое внедрение арендного подряда без должного расчета. В иные арендные бригады попали случайные люди. Административные методы до добра не доводят. Через несколько месяцев многие арендные коллективы распались. Кто-то успел хапнуть незаслуженные деньги, в других хозяйствах вовремя хватились, задержали расчеты. Это просто беда, когда хорошее дело «инициативный» секретарь, вроде Михайлова, лично берется внедрять. Забывая принцип: не навреди. Ленин, между прочим, предупреждал: «Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость».

Я не уверен, что Михайлов знаком с этим советом Ленина, которому он, конечно, на словах поклоняется.

Как же трудно всегда было нам, хозяйственникам, строить отношения с райкомом, да и сейчас непросто. На одном из заседаний бюро райкома я обратил внимание первого секретаря на административные методы руководства и его неправомерные действия. Нельзя же, сказал я, вызывать к себе в кабинет главных специалистов и принуждать их к тому, чтобы они составляли прямо там, в кабинете, договор арендного подряда. На бюро для давления на меня как руководителя опытной станции была приглашена арендатор из соседнего совхоза, бывший главный зоотехник, у которой надой на корову 2400 кг, и она учила наших специалистов, у которых надой на корову на 1600 кг больше, как надо вести животноводство, а член бюро, директор суздальского общепита,— выгуливанию крупного рогатого скота.

Нет, это не анекдот из серии Юрия Никулина, которую вы публикуете в «Огоньке», это, увы, сохраняющаяся практика райкомовского нажима. Так что вы затронули самую сердцевину Михайлова, угадали его суть, то, что он ради власти готов даже и с райкомом расстаться, если пошатнется райком, и перебраться в райсовет, раз оттуда теперь потянулись властные нити. Ведь основной вопрос на бюро райкома, когда Михайлову «рекомендовали» баллотироваться на пост председателя районного Совета, свелся к одному: к принуждению конкурента, тоже члена бюро Бурлакова Ю. В.— сними, мол, свою кандидатуру, отвори врата Михайлову. А потом собирали и депутатскую партгруппу, когда Бурлаков врата не отворил и кандидатуру свою не снял, собирали, чтобы и там давить. Да вы это частично описали, все так и есть!

Именно этот опыт борьбы за власть пригодился Михайлову и при выборах на XXVIII съезд КПСС. Он постарался выдвинуть свою кандидатуру во многих партийных организациях, и сам там присутствовал, у конкурентов такой возможности не было. Оттого и съезд аппаратный. Партия рабочего класса приглашает для кворума статистов, как в кино — массовку, из рабочей среды! 300 коммунистов-рабочих без права решающего голоса (очень, кстати, символично), чтобы разбавить михайловское аппаратное большинство.

Как же вы, «Огонек», напугали Геннадия Михайлова, если после выхода того номера журнала была организована ответная кампания и буквально подряд — в «Правде», «Советской России», «Рабочей трибуне», не говоря о местной прессе, появились фотографии Михайлова, сделанные одной рукой, и комментирующий текст — вот, мол, наш перестройщик, надежда партии! Вот он откушивает молоко у арендаторов, вот смотрит пронзительно вдаль. Что высмотрит?

Борьба есть борьба, я это понимаю. Но на душе неспокойно и неприятно. За полгода из рядов районной партийной организации вышли 104 коммуниста, принято же в кандидаты 5 человек, а на фотографии в «Правде» Михайлов вручает партбилет новому коммунисту. Ничего себе, правда?! О чем он думал, когда позировал? Как же можно так беспардонно гробить авторитет партии, в которой ты состоишь и даже претендуешь на лидирующие позиции?!

В. КРОТОВ,
директор Владимирской государственной областной сельскохозяйственной опытной станции, кандидат экономических наук, член бюро райкома КПСС, депутат районного Совета народных депутатов

■

Распространено мнение, что идти на прием к врачу без подарка не имеет смысла. Укладывая своих родственников в больницу, опытные люди снабжают их большим количеством мелких купюр, зная, что платить придется за всё. Наша медицина давно уже превратилась из бесплатной в платную, да еще какую! И никакими антивзяточными кампаниями, никакими законодательными мерами дела не исправить. Потому что существует главная причина: медицинский работник не заинтересован в результатах своего труда, не заинтересован в больных.

Что же можно предложить? Выход, по моему мнению, в создании государственных страховых компаний. Давайте представим себе такую ситуацию: нет Главного управления здравоохранения, нет райздравов. А есть центральная страховая компания и ее районные отделения, в которые каждый работающий человек отчисляет определенную часть тех денег, которые изымаются у него в виде ежемесячного подоходного налога. Проработав определенный срок и выплатив определенную сумму, человек получает страховой полис — карточку типа кредитной, по которой медицинское учреждение представляет счет за его консультацию или лечение страховой компании. Страховая компания переводит эти деньги на бюджет больницы или поликлиники, за счет которого оплачиваются все расходы по лечению данного больного и, самое главное, начисляется заработная плата медицинскому персоналу. Важным условием при этом является, конечно, чтобы больной мог свободно выбирать себе для лечения любое медицинское учреждение и любого врача, независимо от своего места жительства. Выгода для больных и всего общества в виде резкого повышения уровня медицинского обслуживания не заставит себя ждать. Детям, инвалидам страховку будет платить государство, во всяком случае, в первое время. А затем каждый человек за период своей трудовой деятельности будет иметь возможность выкупить свой страховой полис на старость и на случай инвалидности.

Не нужно будет никаких организаций типа Союзросгормедтехники, распределяющих оборудование. Само медицинское учреждение сможет покупать медикаменты и инструментарий в соответствующих магазинах и ремонтировать инструменты и приборы в хозрасчетных фирменных мастерских.

Государство должно обеспечить медикам возможность покупки у него свободно конвертируемой валюты (в пределах сумм, ассигнуемых на здравоохранение) для приобретения оборудования и медикаментов за рубежом.

А что будет делать наше родное Министерство здравоохранения? Мне представляется его роль как координатора и распределителя средств для проведения научных исследований и выполнения медико-социальных программ, деньги на которые, как и во всех странах, идут из бюджета государства. А его конкурентом может стать Академия медицинских наук. В функции министерства должны входить и санитарный надзор, экологические экспертизы и многое другое, что должно находиться под контролем государства.

Надеюсь, что мои мысли смогут найти отклик и будут способствовать перестройке в здравоохранении.

А. ОВЧИННИКОВ,
доктор медицинских наук, профессор, депутат Октябрьского районного Совета Москвы

■

Точно не знаю, но говорят, что на островах туманного Альбиона полицейские не только умеют оказывать первую медицинскую помощь, но даже могут при случае принять роды. Это входит в их профессиональную подготовку. Что же до нас, то наша милиция пока нас бережет не столь эффективно. В опубликованном недавно проекте Закона СССР о советской милиции кое-что имеется относительно гинекологии и вообще медицины. Раздел III, статья 12, пункт 4 гласит: «Запрещается применять специальные средства в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних, кроме случаев совершения ими угрожающего жизни граждан группового нападения, либо оказания вооруженного сопротивления». Причем из первого абзаца той же статьи мы узнаем, что к спецсредствам относятся наручники, резиновые палки, слезоточивые вещества, а также боевые приемы борьбы, служебные собаки, бронемашины и пр. Благодаря этому пункту, если он будет утвержден, ни одна мирная манифестация с участием женщин и подростков не гарантирована от квалификации под «групповое нападение», а значит, от жестокой расправы.

Чего стоит, например, пункт 18 статьи 11, гарантирующей милиции право «входить беспрепятственно в любое время суток в жилые и иные, принадлежащие гражданам помещения,.. осматривать их в целях пресечения преступлений, преследования лиц, подозреваемых в совершении преступлений при стихийных бедствиях и других чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан». Не значит ли это отмену конституционных гарантий неприкосновенности жилища, всяких формальностей вроде санкции прокурора, ордера на обыск, которые, впрочем, и до сих пор слабо охраняли нас от произвола?

Следует добавить, что статьи о правовой и социальной защите рядовых сотрудников милиции, хотя и содержат ряд необходимых и давно назревших мер, все же далеко не исчерпывают того, что даже при нашем нищенском состоянии может общество предоставить своим защитникам за ежедневный риск жизнью и здоровьем. Эти статьи значительно короче перечня прав милиции как организации и составлены, похоже, второпях.

То, что данный проект противоречит Декларации прав человека, очевидно. То, что он выдвигается отдельно и до общей судебно-правовой реформы, опасно.

М. БАЛУЕВА
Ленинград

■

Одними из серьезнейших причин трагических событий в Ошской области являются чрезвычайно низкий жизненный уровень населения, ужасающие условия быта и как следствие всего этого высокая детская смертность.

Если и есть понятие «сельская интеллигенция», то это прежде всего учителя и медики. И как же они в таком случае несут свой крест? В бытовом, гигиеническом плане многому ли могут научиться у них простые сельчане? С 13 по 23 марта этого года отделение социологических исследований Киргизского НИИ экологии и профилактики инфекционных болезней провело социологические исследования по семьям учителей и медиков Атабековского сельского Совета Сузакского района Ошской области. Хочу предложить некоторые данные этих исследований.

Бытовые условия оценены неудовлетворительно у 43 проц. семей медиков, 62 проц. учителей, по сельсовету — 63 проц. И речи нет о том, чтобы в доме была вода. Только 11 проц. семей медиков установили в доме умывальники, 14 проц. учителей, а всего по сельсовету 4,4 проц. семей.

Без полноценного питания в семье нет полноценного здоровья и у населения. Исследования показали, что семьи медработников питаются несколько лучше, чем семьи учителей, а семьи учителей питаются почти так же, как и остальные. Так, на день исследования мясо было в рационе у 67,5 проц. семей медиков, 66 проц. учителей, по сельсовету 64,7 проц. В итоге 8 проц. семей медиков, 20 проц. учителей и по сельсовету 19 процентов семей питались в основном чаем и лепешками, то есть не имели в доме минимального набора продуктов питания, чтобы можно было приготовить хоть какое-нибудь горячее блюдо.

Показатель детской смертности в 1989 году детей до двух лет жизни на 1000 родившихся: по семьям медиков — 10,3, по семьям учителей — 18, а по всем семьям Атабековского сельского Совета 79,7 (!).

Показатель детской смертности по Киргизии не менее чем в полтора раза выше союзного, но об этом почти не говорят. Но ведь дети умирают! Наши с вами дети.

С. САСЫБАЕВ,
журналист
Фрунзе

■

К нам в Мордовию привезли картофель из Брянской области. На каждый район спустили «сверху» свою разнарядку. На наш Ельниковский район — 900 тонн. Картофель привезли, но разгружать никто не хотел, так как люди сейчас стали более осведомленные и понимают, что если за путь в тысячи километров на колесах машин уровень радиации превышен в 4 раза, то что говорить о самой картошке.

После вмешательства первого секретаря райкома (который ближе чем за 20 км к картофелю не подходил) машины все-таки разгрузили. Теперь встал вопрос о переборке этого «ценного» груза. Людей заставляли приходить на переборку картофеля, и автобусы отвозили их на «чернобыльскую» картошку. Уезжали здоровыми, приезжали больными. Люди отказывались работать. Но райком настаивал. Главный врач ветеринарной станции и главный врач СЭС направили заключение о замерах в райком. За что главный ветврач был снят со своей должности, а второй был предупрежден. Словом, девиз начальства: «Умирать у бурта, но картофель перебрать!»

В том, что оно «умрет за картофель», я не особо верю. Но то, что люди могут стать инвалидами, в это я верю. Самое страшное во всей этой истории то, что на эти работы ходят дети.

А. НИКИФОРОВА
с. Ельники

■

Газета «Правда» напечатала 6 августа беседу своего корреспондента с И. К. Полозковым. В ней новый член Политбюро продолжает рисовать кошмары рыночной экономики, ставя знак равенства между «теневым» и частным капиталом, сокрушается по поводу влияния «буржуазной мысли» Запада (не ясно, правда, какой и на кого), ратует за классовый подход. Все это уже было. Интервью лишь подтверждает, что первый секретарь ЦК Компартии РСФСР — человек принципов, поступаться которыми не намерен, и, думается, что здесь в дискуссию с ним вступать не имеет смысла.

Но есть и нечто новое, ранее столь широко еще не тиражированное. Заявив, что коммунисты должны выражать интересы тех, кто «сидит на зарплате», И. Полозков эрудированно противопоставляет им «нечистых»: «А интересы фарисеев, менял и торговцев, изгнанных Иисусом из храма, но (!) реабилитированных впоследствии папой римским, пусть защищает другая партия. При многопартийности это вполне нормально».

Мне кажется, все же не нормально. Хотя папа в защите от Ивана Кузьмича не нуждается, истины ради отмечу, что никаких менял и торговцев, изгнанных Иисусом, он не реабилитировал. Для каждого знакомого с деятельностью Ватикана ясно, что речь идет совсем о другом: были сняты обвинения с евреев (как народа) в распятии Христа. Из контекста высказываний И. Полозкова получается, что им-то, «реабилитированным», и отказывает он в праве состоять в одной с ним Российской Коммунистической партии.

Неужели так понимает первый секретарь обновленный социализм, к которому призывает? Судя по интервью, ему весьма импонирует слово «лидер». Но после прочтения едва завуалированных погромных сентенций на ум приходит нечто другое...

Б. ПИЛЯЦКИН
Москва

БЕСПЛАТНАЯ МЕДИЦИНА ИЛИ СТРАХОВОЙ ПОЛИС?●
ФУНКЦИОНЕРЫ НА ФЛОТЕ●
НАША МИЛИЦИЯ НАС БЕРЕЖЕТ?●

■

Обращаюсь к вам от имени шведской инициативной группы, выступившей в защиту несовершеннолетнего Дмитрия Семенова, угнавшего в Швецию советский самолет и выданного СССР по решению шведского правительства.

В мае этого года мне пришлось побывать в Москве в составе делегации организации БРИС («Права ребенка в обществе»). Мы были гостями Советского детского фонда имени Ленина и получили возможность посетить Можайскую воспитательно-трудовую колонию, московский детский приемник-распределитель, спецшколу для малолетних преступников, а также встретиться с юристами, педагогами, специалистами в области правонарушений среди малолетних.

Наши впечатления от встреч с людьми, занимающимися социальной защитой несовершеннолетних, внушают самые радужные надежды на будущее, но, к сожалению, положение в советских тюрьмах и колониях в настоящее время вызывает серьезные опасения за судьбу Семенова, его физическое и психическое здоровье, возможности его социальной адаптации и реабилитации после отбытия наказания. Я обращалась в Советский детский фонд, к зам. председателя правления Евгению Михайловичу Карманову, но не нашла поддержки или сочувствия. Между тем Детский фонд — единственная общественная организация в СССР, которая могла бы помочь Дмитрию Семенову, оступившемуся подростку, вернуться к нормальной жизни и стать полноправным членом общества после отбытия наказания.

Еще раз хочу подчеркнуть, что нас прежде всего волнует судьба ребенка, несовершеннолетнего (согласно ратифицированной СССР 13 июня этого года Конвенции ООН о правах ребенка, 17-летний Семенов является ребенком). Конвенция ООН по правам ребенка призывает подписавшие ее страны во всех ситуациях исходить из интересов ребенка, а для малолетних правонарушителей применять самое легкое и самое короткое лишение свободы. Поступку Семенова, разумеется, нет оправдания, и ни в одном из выступлений в его поддержку не содержалось призыва к помилованию. Однако, исходя из положения в советских тюрьмах и колониях, мы просили шведское правительство из соображений гуманности разрешить Семенову предстать перед шведским судом и отбывать наказание в шведской тюрьме, что предусмотрено международной конвенцией о воздушном терроризме. К тому же невозможно приравнять поступок Семенова к преступлениям настоящих воздушных террористов, вооруженных, действующих группой, угрожающих жизни людей и преследующих корыстные цели. Между тем именно так представлен Семенов советскими средствами массовой информации: «террорист», «пират» и так далее, а ведь он был «вооружен» всего лишь муляжом ручной гранаты.

Шведское министерство иностранных дел и шведское правительство, выдавая Семенова, заверили шведскую общественность, что намерены проследить за его судьбой в СССР. Однако никто, в том числе посольство Швеции в Москве, на которое шведским МИД возложена обязанность «следить» за судьбой Семенова, не может ответить на вопросы, где сейчас находится Семенов, когда состоится суд и так далее.

М. НИКОЛАЕВА,
доктор философии,
преподаватель Стокгольмского университета, член Союза писателей Швеции, президент Благотворительного Общества помощи детским домам в СССР
Стокгольм

■

Есть на судах рыбного флота должность первых помощников капитанов. Несведущие считают, что помощники эти заняты каким-то профессиональным морским ремеслом — прокладкой курса корабля, эксплуатацией судовых установок или организацией рыбообработки. Но это не так. Первые помощники — чисто идеологические функционеры, чьи обязанности не определяет четко ни один судовой Устав.

Сделав немало рейсов на судах, я убедился, что методы и средства «политической и воспитательной» работы подавляющего большинства первых помощников удивительно схожи в своем убожестве и примитивизме. Конечно, среди помполитов попадались люди совестливые, с высоким уровнем образования и культуры, которые пытались оторваться от партийных догм, критически взглянуть на реалии, привлечь внимание администрации к дикостям, творящимся на флоте, но из этого, как правило, ничего путного не выходило. А не выходило потому, что должность эта изначально предписывала и предписывает сегодня заниматься оболваниванием моряков, изгнанием из них духа правдоискательства и критики. И поэтому большинство этих карликовых идеологов ничуть не волнуют ни жесточайшая эксплуатация матросов при мизерной зарплате, ни огромные, калечащие людей психологические нагрузки из-за чрезмерной продолжительности рейсов, ни позорные сцены на чужих берегах, когда наш бедный рыбак уходит в увольнение только в составе группы, во главе которой должен вышагивать руководитель-коммунист.

Первые помощники — это выдвинутый вперед рубеж береговой бюрократической партийной команды, для которой превыше всего остаются не интересы тружеников моря, а свои, узкоэгоистичные, ведомственные интересы. Мертвой хваткой отставники, а они вместе с аппаратом парткома остаются главным резервом обновления и пополнения отряда первых помощников капитанов, держат те отделы и комиссии, которые ведают кадрами. Пришлось мне столкнуться еще с одной стороной деятельности первых помощников.

Готовя газетные материалы, мне часто приходилось обращаться к помощи так называемых рейсовых политических донесений, авторами которых являлись первые помощники. Хранятся эти донесения в сейфах парткома объединения, и доступ к ним имеет строго ограниченное количество людей. Эти донесения содержат самые подробные сведения о каждом члене экипажа за прошедший рейс — фиксируется, чем человек занимался, какие книги читал, какие радиостанции слушал, как вел себя во время увольнения на чужом берегу, какие разговоры вел среди товарищей. По сути, такие донесения являются не чем иным, как результатом тотальной слежки. Такая информация собирается и хранится годами, чтобы в нужный момент послужить главным условием при должностных перемещениях или же для расправы со стороны администрации с очередным вольнодумцем.

Насколько правомерна такая вот «сверхидеологизация», а точнее, практика тотального ведомственного контроля, когда под «колпаком» оказываются десятки тысяч людей в стране?

Я. МЕЛИКОВ,
член Союза журналистов СССР
Таллинн

■

Мы живем в Казахстане, в городе Балхаше Джезказганской области. С одной стороны — у нас Байконур, с другой — Семипалатинский полигон. Кроме того, Балхашское производственное объединение «Балхашмедь» выбрасывает в атмосферу сернистый ангидрид.

Все это усугубляется сложными климатическими условиями. Город находится в полупустыне, засушливое, жаркое лето (пыль, сильные ветры), холодная зима. Как следствие — тяжелые хронические болезни у детей и взрослых (бронхит, пневмония, астма, аллергические заболевания и очень большой процент онкозаболеваний).

Поэтому мы стараемся вывозить детей хотя бы на время отпуска. Сделать это очень тяжело. Путевку в санаторий достать практически невозможно.

В связи с этим многие пользуются услугами городского экскурсионного бюро. И меня поражает, что Балхашское бюро путешествий предлагает нам, уставшим от экологических сложностей, путевки в Гомель (для родителей с детьми). И это после того, что было показано по ЦТ (телемарафон о последствиях Чернобыльской катастрофы). Когда я задала вопрос обо всем этом в турбюро, мне ответили, что если бы обстановка в Гомеле была действительно серьезной (?), то они бы прислали сообщение о запрете на въезд. Как же так, ведь жители Гомеля просили помочь им вывезти детей, а наших приглашают к себе на отдых?

Л. КУЗНЕЦОВА
Балхаш

■

В 1982 году в Чернигове с помпой отпраздновали 1075-летие города. К этому было основание — впервые Чернигов был упомянут в Летописи временных лет под годом 907.

Аппетит приходит во время еды — юбилей понравился, и местные власти решили его повторить через несколько лет, но отпраздновать уже 1300-летие города. Местные кустари-краеведы нашли останки древних поселенцев в черте города, углеродный анализ которых показал примерно эту дату.

Но ведь, если копнуть поглубже, можно по этому методу выявить лишнее столетие любого города.

Прежнее руководство Черниговского обкома, снесенное известными январскими событиями, дало «добро» на новый юбилей. Как же, внимание страны, торжественные банкеты и заседания, награды...

Сейчас по всему городу развешаны плакаты, стенды, щиты: «Достойно встретим 1300-летие Чернигова!». Встретим?

И. БУГАЕВИЧ
Чернигов

■

К сожалению, в вашем уважаемом и любимом нами журнале (№ 29 за 1990 год) мы встретили ошибку, которая больно задела наш театр, а также память Г. А. Товстоногова. Ошибка, правда, не ваша, а Виктора Львовича Корчного, который в своем интервью приписал спектакль БДТ «Горе от ума» (вместе с эпиграфом из А. С. Пушкина) — Театру комедии. А между тем этот спектакль явился одной из вершин творчества Г. А. Товстоногова, и с ним связана целая эпопея жизни Большого драматического театра. Вся эта история хорошо известна нашей общественности, так как она граничила с политическим скандалом и завершилась снятием эпиграфа.

К. ЛАВРОВ,
В. СТРЖЕЛЬЧИК,
Г. СУХАНОВ
(директор БДТ им. М. Горького),
А. ТОЛУБЕЕВ

ПОЗИЦИЯ

ИЗМЕНЯТЬ, ЧТО ИЗМЕНИТЬ ЕЩЕ ВОЗМОЖНО...

Союз военно-промышленного комплекса и науки. Совещание проводит министр обороны Д. Ф. Устинов. 1980 г.

С академиком Анатолием Петровичем АЛЕКСАНДРОВЫМ беседует корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Фото В. ОБОДЗИНСКОГО, из архива Дома-музея И. В. Курчатова и семейного архива Н. В. Вялковой.

В Институт атомной энергии имени Курчатова я пришла заранее. До назначенного часа оставалось время, и я бродила по территории института, который Анатолий Петрович Александров возглавлял почти тридцать лет, и думала о судьбе ученого, еще недавно казавшейся всем такой счастливой.

...Он был студентом Киевского университета, когда академик А. Ф. Иоффе (ученик самого Рентгена!) пригласил его работать в знаменитый Ленинградский физтех... Потом работа и дружба с И. В. Курчатовым. Свет славы ученого-легенды ложится и на Александрова, возглавившего после смерти Игоря Васильевича решение атомной проблемы.

Ордена, почти все, которые учреждены в стране (восемь орденов Ленина!), есть у академика Александрова, трижды Героя Социалистического Труда. Есть все премии — Сталинская, Ленинская, Государственная.

Когда в 1975 году Анатолий Петрович становится президентом Академии наук, ему уже за семьдесят. Но по истечении срока ученые вновь избирают его на этот высокий пост. Признание в стране, признание за рубежом. Почетный член академий многих стран мира...

И вдруг «президент Академии наук эпохи застоя...», «виновник чернобыльской катастрофы»...

С аварии началась и наша беседа.

— Анатолий Петрович, о причинах чернобыльской катастрофы уже много написано, но хотелось бы узнать вашу точку зрения.

— Вы деликатно ставите вопрос, а на самом деле, вероятно, хотите услышать, считаю ли я себя ответственным за аварию? Не надо извиняться, пустое... Я не то еще слышал в последнее время... Вот что я вам скажу: Чернобыль — трагедия и моей жизни тоже. Я ощущаю это каждую секунду. Когда катастрофа произошла и я узнал, что там понакрутили,— чуть на тот свет не отправился. У меня было очень плохое состояние. Потому решил немедленно уходить с поста президента Академии наук, даже обратился по этому поводу к Горбачеву. Меня коллеги останавливали, но я считал, что так надо. Мой долг, считал я, — все силы положить на усовершенствование реактора.

Отвечать за развитие атомной энергетики и конкретно за чернобыльскую катастрофу — разные вещи. Судите сами. Хотя, впрочем, я убежден, что все рассказанное мною лишь вызовет новый поток брани на мою старую лысую голову. Но я покривил бы душой, если бы согласился с мнением, что теперь атомную энергетику развивать не надо и все АЭС следует закрыть. Отказ человечества от развития атомной энергетики был бы для человечества губителен. Такое решение не менее невежественное, не менее чудовищное, чем тот эксперимент на Чернобыльской АЭС, который непосредственно привел к аварии.

— Вы знали о нем?

— В том-то и трагедия, что не знал. Ни я, никто вообще в нашем институте. И конструктор реактора, стоящего на Чернобыльской АЭС, академик Доллежаль тоже ничего об этом не знал. Когда я потом читал расписание эксперимента, то был просто в ужасе. Не буду вдаваться в технические подробности, скажу только, что эксперимент был связан со снятием избыточного тепла. Когда реактор остановлен, турбогенератор по инерции крутится и дает ток, который можно использовать для нужд станции.

— Кто же разрабатывал опыт?

— Руководство АЭС поручило подготовить проект эксперимента «Донэнерго», организации, которая никогда не имела дела с АЭС. Дилетанты могут руководствоваться самыми добрыми намерениями, но вызвать грандиозную катастрофу, так и произошло в Чернобыле.

Директор станции, не привлекая даже главного инженера своей АЭС, физика, разбирающегося в сути дела, заключил договор с «Донэнерго» «о проведении работ». Регламент эксперимента был составлен и послан на консультирование и апробацию в институт «Гидропроект» имени Жука. Сотрудники института, имеющие некоторый опыт работы с атомными станциями, не одобрили проект и отказались его визировать.

Я часто теперь думаю: хоть бы «Гидропроект» поставил кого-либо из нас в известность! Но, не одобрив проект, они не могли даже предположить, что все-таки решатся проводить эксперимент.

В нашем бывшем министерстве, Минсредмаше, об эксперименте тоже не знали. Ведь Чернобыльская АЭС была передана в Минэнерго. Может быть, это и было первой ошибкой...

По-всякому можно относиться к бывшему Минсредмашу, попрекать его отсутствием гласности, излишней секретностью, но там были профессионалы и по-военному дисциплинированные люди, четко соблюдающие инструкции, что в нашем деле чрезвычайно важно.

Существует инструкция, которую обязан соблюдать персонал любой АЭС. Это гарантия ее безопасности. Так вот — вы не поверите! — в самом начале регламента того эксперимента записано: «Выключить систему аварийного охлаждения реактора — систему САОР». А ведь именно она автоматически включает аварийную систему защиты. Мало того, были закрыты все вентили, чтобы оказалось невозможным включить систему защиты.

Двенадцать раз (!) регламент эксперимента нарушает нашу инструкцию по эксплуатации АЭС. В страшном сне не приснится такое. Одиннадцать часов АЭС работала с отключенной САОР! Как будто дьявол руководил и подготавливал взрыв.

— А кто конкретно от «Донэнерго» был автором эксперимента? Этот человек сейчас жив? Какова его судьба?

— Некий Метленко. О его судьбе ничего не знаю, кроме того, что он жив. Никому я не судья.

— Анатолий Петрович, но ведь существуют изъяны в самой конструкции типа реактора, что стоит на Чернобыльской АЭС...

— Да, существуют. Однако причина аварии — все-таки непродуманный эксперимент, грубое нарушение инструкции эксплуатации АЭС. Реакторы такого типа стоят и на Ленинградской АЭС, и на Курской... Всего пятнадцать штук. Вы подумайте, почему авария произошла в Чернобыле, а в Ленинграде — нет?

Поймите, недостатки у реактора есть. Он создавался академиком Доллежалем давно, с учетом знаний того времени. Сейчас недостатки эти уменьшены, компенсированы. Дело не в конструкции. Ведете вы машину, поворачиваете руль не в ту сторону — авария! Мотор виноват? Или конструктор машины? Каждый ответит: «Виноват неквалифицированный водитель».

— Где же гарантия, что среди персонала, обслуживающего другие АЭС, нет «неквалифицированных водителей»? Ведь вы же сами, Анатолий Петрович, не раз предупреждали о необходимости лучше готовить таких специалистов. Я сама это слышала от вас больше десяти лет назад. Вы говорили, что у тех, кто эксплуатирует АЭС, притупилась бдительность, что они расслабились, забывают об опасности, поскольку Бог милует и нет серьезных аварий. Вы говорили о проекте создания в Обнинске, на базе первой АЭС, международной школы. Предупреждали, что спокойствие может случайно оборваться...

— Не так глупо я говорил. Но, к сожалению, международную школу так и не создали. Думаю, что сейчас вернуться к этому проекту еще не поздно.

Получилось, что новые АЭС входили в строй, все больше народа втягивалось в систему их обслуживания. И — как ни тяжело это признавать — хуже стали готовить специалистов.

— А до Чернобыля разве не было на наших атомных реакторах никаких «нештатных ситуаций»? Теперь ведь известно об аварии при испытаниях реактора на юге Урала. Мне рассказывали, что только вы, Анатолий Петрович, не растерялись и мгновенно включили стержни управления, что спасло от взрыва. Председатель научно-технического совета по урановому проекту генерал Ванников заметил тогда: «В эту минуту вы отработали свою зарплату за всю последующую жизнь».

— Был такой случай, под Челябинском... И на АЭС аварии тоже случались. Однако от взрывов всегда спасали квалифицированные специалисты, обслуживающие АЭС.

На Кольской станции был, например, такой случай, который чудом не кончился трагически. Кто-то из обслуживающего персонала (а на Кольской очень грамотные люди!) заметил, что из трубопровода идет пар. Остановили станцию. И что же? По сварному шву идет трещина. Вырезали эту задвижку и послали на исследование. Оказалось: изготовление полностью нарушено. Под сварной шов в развилку уложен железный прут, а сверху, будто металл приваривали согласно технологии, замазан электродом. Шов не имел прочности. Еще немного, и авария была бы неизбежна! Я приезжал тогда на Кольскую. Станцию остановили. Пересмотрели все швы и трубы.

Оказалось 12 задвижек с такими швами, 12 возможных аварий!

— Где же делали задвижки? Почему на заводе пропустили брак? Ведь рентгеновский контроль сразу обнаруживает такие дефекты?

— Чеховский завод под Москвой делал этот злонамеренный заводской брак. Торопились, когда делали, торопились, когда принимали. На чертеже даже было написано: «Освобождается от рентгеновского контроля». Кто это написал, так и не нашли. Видно, очень выгодно заводу было скорее сдать заказ.

Мы со Славским (нашим министром Средмаша) не могли успокоиться. Ставили вопрос в Совете Министров, шло специальное расследование. Никого тогда не наказали на заводе, а жаль... Задвижки, однако, переварили.

Еще был случай, очень неприятный, на Ленинградской АЭС, окончившийся, к счастью, благополучно. О нем в печати тоже ничего не сообщалось. Обратили внимание, что во время работы АЭС нарастает вибрация турбогенератора, ее величина движется к пределу. Мгновенно остановили машину — пятисоттысячный турбогенератор. Оказалось, что якорь генератора сварен так, что по сварному шву проходит трещина. 15—20 секунд — и турбинная установка разлетелась бы!

Остановили, рассмотрели все реакторы. Оказалось, что в семи машинах такой же брак! Опять провели расследование. На этот раз был виноват Харьковский турбинный завод. Вместе с Патоном туда ездили.

Вот после таких фактов и создали систему атомэнергонадзора.

— Однако остановки на АЭС продолжаются. Есть утверждения специалистов, что промышленность страны сегодня не готова обеспечивать атомную энергетику полноценным оборудованием. Значит, АЭС работают на грани риска...

— Нет, так нельзя сказать. Говорить надо не столько об уровне развития промышленности, сколько о неправильной ее организации. Когда речь идет о такой сложной продукции, не нужны ни экономия, ни спешка, ни всякие там соревнования. Рабочим надо платить за качество.

Ехали мы как-то с тем же Славским и министром судостроительной промышленности (не помню, кто тогда был) на завод, где готовили машины для атомного флота. Славский и говорит министру: «Первым делом давайте сделаем, чтобы при всех работах каждый элемент проходил персональную приемку, послойно принималась вся конструкция швов. К черту все соцсоревнования. Платить за хорошо выполненный шов, не торопить мастеров».

Во флотских установках у нас никаких неприятностей не было, а ведь тогда, в 1957 году, промышленность была менее развита, но ничего, справлялись.

Я так скажу: атомная энергетика — стимул для развития промышленности вообще. Нельзя сейчас закрыть ее на 15—20 лет, как предлагают некоторые. Это бы значило окончательно растерять специалистов, а потом повторить весь путь заново. И так специалисты наши под давлением общественного мнения разбегаются кто куда.

Меня очень тревожит гонение на атомную энергетику, которое началось в стране. Не может целая отрасль науки и промышленности быть подвержена остракизму. В этом отношении уже есть отрицательный опыт с генетикой и кибернетикой. Говорить такое сейчас не только не модно, не безопасно даже. И не знаю, напечатаете ли вы эту беседу. Но я всю жизнь стремился утверждать лишь то, в чем был убежден. Я по-прежнему убежден в необходимости

ей АЭС — это понятно. Все, и специалисты в первую очередь, кровно заинтересованы в безопасности работы АЭС.

Безопасность работы — единственный критерий существования АЭС. Выполнить его можно, лишь учитывая уже имеющийся опыт работы. Зачем же разрушать отрасль промышленности, где работали ученые, инженеры, конструкторы, которые все-таки чего-то стоили?! Ведь все равно не обойтись без атомной энергетики, и новому поколению неизбежно придется к этому возвращаться и начинать все с нуля.

— Вы входили в комиссию по причинам чернобыльской аварии?

— Нет, от нашего института в правительственной комиссии был Легасов. Он сильно помог в ликвидации последствий катастрофы.

— Самоубийство пятидесятилетнего академика потрясло всех. Он тоже жертва Чернобыля?

— Он там очень устал, вымотался. И, конечно, много пережил, понимая размеры бедствия. Но сам ни в какой степени не имел отношения к аварии. Это не могло повлиять на его решение. Директором института был я, он — лишь заместитель. О готовящемся эксперименте на станции он, как и весь наш институт, ничего не знал.

Я рассчитывал на Валерия Алексеевича как на своего преемника. Прекрасный организатор, молодой, очень творческий человек. Ни на минуту не думаю, что кому-то выгодно было его устранение. Такие слухи ходили тоже.

Непросто со всем этим. Тут и наследственность надо учитывать (его брат покончил с собой), и то, что раньше была попытка самоубийства. Не исключено, конечно, что подтолкнули к трагедии обстановка, усталость, нервное напряжение. Не хотелось бы теперь судить да рядить...

На меня весь ужас свалился сразу — Чернобыль, потеря близких людей — жены и ученика, которому хотел передать институт, часть своей жизни...

— Вы тогда и подали в отставку с поста президента Академии наук?

— Свое президентство я вспоминаю с тяжелым чувством. Когда груз свалился, мне стало легче. Административных должностей терпеть не могу, морально был совершенно не готов к высокому посту, не хотел его занимать.

— Но почему вы согласились? Я помню, как ученые говорили в то время, что ситуация в Академии сложная. Большинство проголосует только за вас, но вы все равно не согласитесь стать президентом.

— Сколько усилий я затратил, чтобы отбиться! По настроению ученых, моих коллег и друзей я действительно имел основания предполагать, что самоотвода моего не примут и, наверное, большинство проголосует за меня.

Не секрет, что кандидатура президента Академии наук у нас всегда обсуждалась в правительстве, точнее в Политбюро. Если бы не тайное голосование академиков, его, наверное, просто там назначали бы.

Узнав, что выбор пал на меня, я отправился к Устинову, которого знал, был связан по работе долгие годы. Просил его убедить их оставить меня в покое. Напрасно старался — «Даже обсуждать не хочу, соглашайтесь!». Встречался и с Сусловым. Результат тот же.

Однако я все не давал согласия! Убедил меня Мстислав Всеволодович Келдыш. Вот уж в ком было развито чувство долга, ответственности! Видно, в свое время он сам стоял перед той же дилеммой, что и я.

Ну, а когда меня избрали, работал, не щадил себя.

— Вам часто приходилось идти на компромиссы?

— Смотря какие. Компромисс компромиссу рознь. Я, знаете ли, не люблю смелых умников, которые, сидя сегодня в безопасном тепле и уюте, осуждают всех подряд. Самоутверждаются они так, что ли? Им и не снились наши проблемы и трудности. Особенно ученых принято ругать. Тот работал в годы сталинских репрессий, этот — в годы брежневского застоя. Только где была бы наша наука, если бы не эти ученые?!

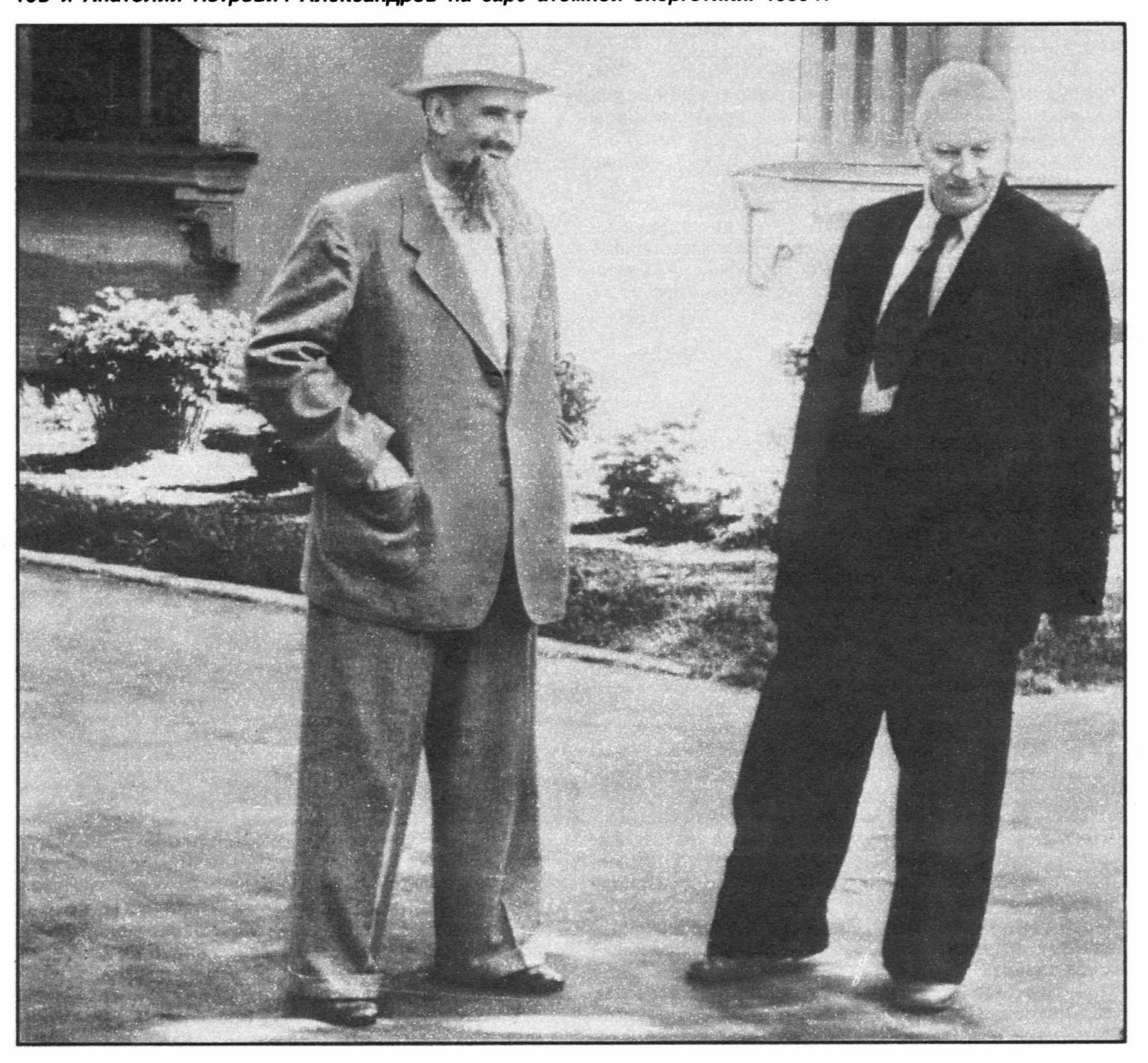
— Да, приходится иной раз слышать, что и Сергей Иванович Вавилов плох («Как согласился быть президентом Академии, когда брат сидел?»), и Петр Леонидович Капица нехорош («Почему писал Сталину да еще пытался его переубедить?»), и Курчатов не тот («Зачем Берия подчинялся и по его требованию даже отставлял людей от работы?»), и Ландау плох («Как мог признаться в бериевских застенках, что он, а заодно и весь институт Капицы, продался капиталистам?»), и Королев, и Келдыш — все плохи.

— Я знал многих из них. За ними стояли не смелые речи на митингах и по телевизору, а научные работы, поступки. Они вынуждены были исходить из жестких рамок обстоятельств, в которые ставила их судьба. И мне больно, когда их судят сегодня. Неблагородная роль.

Ученики академика Иоффе. Потом все станут известными учеными. Слева направо: Д. Н. Наследов, А. П. Александров, Л. М. Неменов, Ю. П. Маслокавец, И. В. Курчатов, П. В. Шаравский, О. В. Лосев. 1930 г.

Не думали они, что «атом мирный» обернется чернобыльской катастрофой... Игорь Васильевич Курчатов и Анатолий Петрович Александров на заре атомной энергетики. 1955 г.

развития для страны атомной энергетики. Убежден, что при правильном подходе к ней, при соблюдении всех правил эксплуатации она безопаснее, экологически надежнее тепловых станций, загрязняющих атмосферу, гидростанций, уродующих реки.

Когда пускали АЭС, я часто брал туда с собой своих детей, потом внуков. Помню, и на испытания атомохода «Ленин» приехал с младшим сыном, школьником. А взрыв можно устроить не только на любом заводе, но и в собственной кухне...

Может, я несколько утрирую, но мне кажется, что АЭС стали сейчас заложниками чьих-то политических интересов. Если пикетчиков возле станций действительно волнует безопасность живущего там населения, а не собственные амбиции, то как же можно способствовать нарушению работы АЭС, нервировать обслуживающий персонал, не пропускать служащих, идущих на смену, даже избивать их? В нервном состоянии внимание рассеивается, взвинченный человек может и ошибку допустить, не обратить внимания на чуть заметное отклонение в работе механизмов. Это ведь и ребенку ясно! Как же не понимают очевидного борцы за экологию и безопасность? Ведь в случае аварии пострадают те люди, интересы которых воинствующие пикетчики якобы защищают. Сегодня блокируют Хмельницкую АЭС, завтра примутся за Ленинградскую. Ну, не понятно это мне, старому человеку. Хоть убейте, не понятно!

Другое дело, когда люди требуют гласности, правдивой информации о действительном положении дел в атомной энергетике. Усилить надзор, ужесточить контроль за строительством, приемкой, эксплуатаци-

Фото Рейе НИККИЛЯ
и Вячеслава КИСЕЛЕВА

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ

Снимки, сделанные финским и советским журналистами, разделяют двадцать два года. Симпатичные ребята в советской армейской форме, которые покидают Чехо-Словакию в 1990-м, не только внуки освободителей Праги от фашистов, но и дети тех, кто оккупировал ее в шестьдесят восьмом...

Двадцать два года — такой путь надо было пройти, чтобы очевидное для всего нормально мыслящего мира получило гласное признание в «стране Октября»: нас никто не приглашал в Прагу на танках. Да и нормально ли, если б жертва сама приглашала палача для казни? Задушив юную чехословацкую революцию, брежневский режим так и не сумел убить мечту людей о свободе — и тоталитаризм рухнул.

Прага 1968 года навсегда останется стыдом и болью моих соотечественников. Немногие из них тогда сумели возвысить голос против оккупации и заплатили за это годами тюрем, психбольниц, ссылок и лагерей. Лариса Богораз и ее товарищи... Молодой студент-математик Латвийского госуниверситета, который попытался сжечь себя возле памятника Свободы в Риге... А как зовут тех русских танкистов, про которых рассказывала мне участница событий 68-го года, Нина Гюттерова, которые отказались выполнять приказ после разговора с чешской девушкой, загородившей путь боевым машинам, как сложилась их судьба?..

Мир меняется, и мы уходим с оружием из Восточной Европы, увозим танки, пушки, ракеты... Мир меняется, и мы расстаемся со своим прошлым, чтобы уже не возвращаться к нему никогда. Наверное, прощание с ним будет долгим: это не зависит от воли наших народов и президентов. Но главное, чтобы оно оказалось искренним, без плохо скрываемой солдафонской досады некоторых наших генералов, с мыслями о грядущей жизни человечества, без сожалений...

Анатолий ГОЛОВКОВ

DRUŽBA
219

STANICE AUTOBUSŮ
140
138
TABAK

USSR GO HOME

ZRADCE
KOLABORANT
НАШЕ
АРУЖБА

VÁCLAV HAVEL
ZÁRUKA SVOBO
VOLEB
PÁNOVÉ, DÍKY ZA ZKUŠENOST!!

У НАШЕЙ РОДИНЫ–НАДЕЖНАЯ ЗАЩИТА !

Ну, а о себе лично... В науке я компромисса не допускал. По крайней мере старался не допускать. А вот в отношениях с людьми, в политике, в отношениях с властью...

В начале войны наша группа работала по размагничиванию кораблей, чтобы их не уничтожили фашистские мины. Работа велась еще до войны. В нашу группу входил профессор Регель, очень талантливый ученый, прекрасный человек. Мы были близки с ним. Но после войны, когда началась работа над атомной проблемой, Вадима Робертовича отстраняют. И я согласился, а между тем мог настоять на своем. Но я боялся не за себя — за него. Боялся, что его дожмут, съедят. Я мог бы настоять, чтобы его мне дали, тогда очень уж была нужна моя работа, но была ли уверенность, что в тех обстоятельствах сохранится его жизнь? Увы... Потому и согласился.

— Вадим Робертович это понял? Вы с ним говорили?

— Такие вещи между мужчинами не обсуждаются. Мы доверяли друг другу — этого достаточно.

— Вы и потом дружили?

— Конечно. Или вот мои отношения с Петром Леонидовичем Капицей. Когда Берия снял его с поста директора созданного им Института физических проблем, вместо него назначили меня. Представляете, как мне было приятно? До этого аналогичная ситуация была в Харьковском физтехе, куда вместо снятого директора тоже прочили меня. Правда, тогда я вывернулся: не моя, мол, тематика, я работаю в Ленинграде по курчатовскому направлению. На этот раз крыть было нечем. Завод тяжелой воды, по идее Капицы, был в русле работ Курчатова, наших исследований.

Я со своей ленинградской лабораторией был переведен в Институт физпроблем и постарался, чтобы ни один человек не пострадал, не был уволен. По просьбе Петра Леонидовича мы даже командировали к нему на Николину гору, где он в сарае вел свои эксперименты, его сотрудника и помощника Филимонова. Ну а когда потом Капицу восстановили, я с удовлетворением вернул ему институт. И что интересно, он включил меня потом в коллектив на Ленинскую премию по работам, которые велись и в период моего директорства в институте и в которых я принимал участие. Но я, конечно, отказался, хотя со мной говорил сам Капица.

Казалось бы, мелочь, но добиться, чтобы этому институту присвоили имя его создателя и директора академика П. Л. Капицы даже в наши перестроечные времена, я так и не смог. Со множеством людей говорил, письма писал во все инстанции — никакого толку, стена. Когда завотделом науки ЦК Трапезников был, к нему много раз обращался, и с Зимяниным говорил, и сравнительно недавно с Медведевым, но опять отрицательный результат. Якобы нельзя, потому что Институту физпроблем присвоено имя Сергея Ивановича Вавилова. Мы объясняли: имя Вавилова можно присвоить Оптическому институту, к которому он имел прямое отношение.

— Вам приходилось встречаться с Берия?

— Да. Страшный это был человек, мерзкий. Мы все это понимали. Жизнь каждого из нас зависела от него...

Помню такую деталь. Я послал в Комитет Обороны предложение внедрить разработанный нами в Институте Капицы метод получения дейтерия на одном из заводов. А надо сказать, что во время лабораторных испытаний был взрыв. Приглашают меня на заседание спецкомитета. Заседание, естественно, ведет Берия. Махнев (был такой генерал, занимался урановой проблемой) докладывает Берия, что я предлагаю построить завод для получения дейтерия. Я сижу тут же (кстати, рядом с Берия), но он будто меня не видит, словно я пустое место. Спрашивает Махнева, знает ли, мол, ваш Александров, что опытная установка взорвалась? Махнев отвечает, что знает. «И настаываэт, свою подпыс нэ снымаэт?» Махнев отвечает, что не снимает. «А знаэт, что если завод взорвется, то он поэдэт туда, где Макар тэлята гоняет?»

Мне бы помолчать, но я не выдержал. «Я себе это представляю»,— говорю. Только теперь он меня соизволил заметить. Повернул голову: «И все-таки свою подпыс нэ снымаэт? Ну смотрите». С заводом до сих пор все в порядке.

А вот на идею создания атомных установок для кораблей еще в 1945 году (в том же Институте Капицы мы начали проектировать такой реактор) Берия наложил запрет. Его интересовала только атомная бомба. Жаль, что так было. Ведь мы начали проектировать атомоходы раньше, чем американцы «Наутилус».

Берия — прошлое. А вот увековечение памяти академика Капицы, пока еще живы ученики, знавшие его, вдова, его дети,— настоящее, живое дело.

— Кто же решает вопросы увековечения памяти ученых, если не Академия наук?

— Как кто? Политбюро, КГБ. Так всегда было раньше. Может, теперь что-либо переменится, не знаю...

Я всегда старался изменить то, что еще возможно исправить, и принять то, что изменить не в твоих силах.

Сейчас, по-моему, возможно изменить ситуацию с «голубой кровью», что в бытность мою президентом Академии я сделать не сумел.

— Наш журнал писал об этом. Но на «Огонек» подали в суд.

— Вот, вот. Если только в дело замешаны КГБ или прокуратура, будь ты кем угодно, ничего не добьешься.

С «голубой кровью» дело вот какого рода. Работы по созданию кровезаменителей курировали два органа — Академия наук и Государственный комитет по науке и технике, где тогда был Гурий Иванович Марчук. Начали вести тему под руководством академика Юрия Овчинникова. Непосредственно вел исследования профессор Феликс Белоярцев в Пущине, в Институте биофизики у члена-корреспондента Генриха Иваницкого.

Я немного присматривал за этой работой, фторуглероды делали на одном из наших заводов. Участвовали, конечно, и медики, гражданские и военные.

Отработали эксперименты на животных, начались клинические испытания. Военные дали разрешение на применение нового кровезаменителя в Афганистане. Там это спасло многих. Дело хорошо пошло. Не помню, кто тогда делал об этом доклад в Академии наук, но точно помню, что очень доброжелательно выступал тогда Юрий Овчинников (вице-президент в то время), хвалил работу. Подождите, именно вы тогда писали в «Огоньке», что работа очень талантливая, перспективная.

А дальше события развивались так. Исследования по «голубой крови» были представлены на Госпремию. Я участвовал в предварительном обсуждении и почувствовал, что насчет коллектива, представлявшегося на премию, не полная договоренность. И тогда, может, глупо, но на оперативке за полчаса перед президиумом я рассказал, что работа выставляется на премию, но есть трудности по коллективу, надо подработать вопрос. И вдруг совсем неожиданно для меня страшно возбудился Овчинников, вскочил, стал на повышенных тонах говорить, что исследования не доведены до конца, а Генрих Иваницкий передергивает, вводит всех в заблуждение, чуть ли не дает ложную информацию о результатах клинической проверки препарата.

Такое поведение Юрия Овчинникова мне было совсем не понятно. Некоторые тогда предполагали, что Юрий Анатольевич сам хотел попасть в авторский коллектив. Но это не так. Овчинникова с самого начала выдвижения на премию не было в числе авторов работы, он сам не хотел, чтобы его включали. В свое время именно Овчинников подписал документ о том, что руководителем исследования должен быть Иваницкий, директор института, в котором велись работы.

Спрашиваю у академика Баева Александра Александровича, тот ближе меня к этому делу, он биолог. Отвечает: «Сам не понимаю, почему Юрий Анатольевич загенерировал. Это у него бывает, может, пройдет. Подождем».

Проходит совсем мало времени, и вдруг Овчинников подает мне записочку о том, что фторуглероды изучались в Японии, Америке и использование их там в клинике сейчас прекращено, так как они плохо действуют на больных. Поэтому и нам надо прекратить испытания. Читаю подпись: Крючков. Да, тот самый, из КГБ, что и теперь.

Я как президент Академии поручил тогда главному ученому секретарю Георгию Константиновичу Скрябину создать комиссию из ученых. Он согласился со мной, что КГБ не авторитет в науке. Почему мы должны прекращать исследования, если они против? Помню, я советовал привлечь в комиссию академика Кнунянца Ивана Людвиговича, крупнейшего специалиста по фторуглеродам. Баев тоже туда вошел. Я сказал Скрябину, чтобы особенно внимательно посмотрели клинические испытания, всегда ли были на них соответствующие разрешения.

И тут некоторые члены комиссии стали пасовать (а комиссий я создавал две!). Заключение их было — отложить выдвижение на премию на следующий год, а там еще раз посмотреть результаты и соответственно принять решение.

Потом дошли до меня слухи, что на членов комиссии давили в КГБ. Я поделился с нашим законником, академиком Кудрявцевым Владимиром Николаевичем. Он говорил: «При чем здесь КГБ? Это вообще не тот адрес. Если Белоярцев и Иваницкий что-то нарушили, заниматься должны прокуратура и милиция».

Тут развернулись трагические события, о которых вы знаете. В Пущине у профессора Белоярцева произвели обыск. Феликс Феликсович покончил с собой... Думаю, не вынес подозрений в недобросовестности экспериментов. Работы запрещены. Реабилитировать их не удается. Хотя медики о них высокого мнения, например, академик Шумаков. Не исключено, что так уплывет из страны приоритет открытия и тот же кровезаменитель мы будем покупать за валюту. Я говорю об этом так подробно, потому что положение с «голубой кровью» еще не поздно исправить. Теперь время полегче, хотя серьезных положительных результатов пока я не вижу.

— А гласность? Появление в нашем обществе демократических свобод? А Сахаров, наконец? Разве не является торжеством справедливости, что он вернулся из Горького и стал народным депутатом?

— Я имел в виду только сферу науки. Сахаров, конечно, сильный пример. И, поверьте, для меня возвращение Андрея Дмитриевича было большой радостью.

— Анатолий Петрович, ведь Сахаров обращался к вам с письмом. Почему вы не ответили?

— Что я мог ответить?! Уже говорил ведь, бороться надо, пока можешь что-то изменить. Высылку Сахарова в Горький ни я, ни Келдыш, при котором это произошло, отменить не могли. Хотя, конечно, считали несправедливым, очень несправедливым, неприятным для всех. Правда, я опять поговорил с Устиновым, нельзя ли вернуть Сахарова в Москву и что для этого нужно сделать. Тот говорит: нет никакой надежды. Хорошо, что Сахаров в Горьком, а не где-нибудь подальше. Если сейчас начать привлекать к нему внимание, будет не лучше, а хуже. Условия у него в Горьком приличные, он работает. Заверил меня, что жизни и здоровью Андрея Дмитриевича ничто не угрожает. Сейчас не то, что раньше, не те условия, в которых мы в свое время работали, под Берия.

Наверное, это многим не нравится, но я считал и считаю, что самое мучительное для ученого, когда у него нет возможности заниматься своей наукой. Как бы вам еще объяснить? Над атомной проблемой, например, многие из нас работали в некоторой изоляции, будучи официально совершенно свободными. И Курчатов, и я, и тот же Сахаров. Поэтому изоляцию, препятствия к общению с иностранцами я не считал трагедией.

Потом я хлопотал, чтобы невесту сына Елены Георгиевны Боннэр выпустили в Америку, да и ее саму — за рубеж лечиться. Конечно, делал все для Сахарова, он ведь голодовки по этому поводу объявлял...

Камнями забросать и меня, и Келдыша можно. Однако, будучи президентами Академии наук, мы не допустили исключения академика Сахарова из ее членов. А давили на нас, и очень. Каждый это понимает. Сколько раз я объяснялся в ЦК, в Политбюро, в правительстве... Писатели-то небось Пастернака исключили, многих исключили из Союза писателей.

Конечно, можно было со скандалом подать в отставку из-за Сахарова. Меня бы уже тогда не убили,

За разговором забыли и выпить... Первый космонавт планеты Юрий Гагарин часто встречался с Анатолием Петровичем.

не то, что при Берия, когда вполне могли. Только Сахарову вряд ли стало бы лучше. И вообще, не люблю я этого «бы» да «кабы». Не подал я тогда в отставку, остался. И даже нес свой груз ответственности, когда меня избрали на второй срок. Из 180 членов Академии тайным голосованием «за» проголосовало 168. Как и первый раз. И положа руку на сердце я думаю, что был не самым плохим президентом Академии наук. Впрочем, не мне судить об этом.

И вот еще что скажу о Сахарове. Я и Келдыш старались сохранить его для науки. Расходясь, наверное, с большинством поклонников Андрея Дмитриевича, считаю, что сделанное академиком Сахаровым для науки, его научные труды останутся в нашей истории. Все остальное — сиюминутные, быстротечные страсти, которые со временем минут, а потом забудутся. А из всей его правозащитной демократической деятельности останется его протест против афганской войны.

Я тоже не понимал, зачем мы туда полезли. В Академии наук в кулуарах многие возмущались. Только те, кто занимался международной экономикой, поговаривали, что мы много туда вложили средств и не хотелось бы их терять... Так ведь больше потеряли — жизни людей...

— Академика Сахарова лишили наград, которые он получил как раз за вклад в науку...

— Академия наук не могла этому воспрепятствовать. Правительство обошлось без нас, согласия ученых не спрашивали.

— Анатолий Петрович, а как вы относитесь к своим наградам? Сейчас чуть ли не принято стыдиться полученных орденов. По телевизору видишь: на совещаниях, заседаниях сессии Верховного Совета и даже на съезде партии мало людей с наградами на груди... Вы тоже их не носите...

— Орденов пускай стыдятся те, кто ни за что их получил, кому они даром достались. Я же знаю, за что получил каждую свою награду.

Свой первый орден Ленина, например, я получил во время войны за размагничивание кораблей, что спасло тысячи жизней моряков. Первую Звезду Героя Соцтруда — за работы по получению горючего для создания атомного оружия. Вторую — за атомную установку для ледокола «Ленин», третью — тоже за научные разработки...

Правда, вот иностранные ордена получал, не знаю за что, за совокупность научных работ, наверное...

А не ношу ордена, так просто их много у меня, буду увешан, как рождественская елка. Но три Звезды Героя Социалистического Труда всегда по торжественным случаям надеваю.

— Вы знали всех руководителей нашей страны, начиная со Сталина, встречались с ними. Ваше отношение к Горбачеву?

— Единственный из них, кто мне нравится как человек. А как руководитель страны... С этим надо подождать.

— А что вас тревожит сейчас в делах Академии наук?

— Тревожит кое-что. Например, создание Российской Академии наук. Ни к чему это. Еще один раскол, а надо стремиться к единству. Больше 250 лет просуществовала союзная Академия наук, до революции — императорская. И ничего, вполне было достойное учреждение.

Волнует меня, что многие ученые пошли в гору, не имея для этого оснований, научных работ.

— Кто же конкретно?

— Да хоть бы академик Жученко. Позиции его довольно странные, и нет того научного вклада, который он рекламирует. Вообще с биологией труднее всего было Келдышу, ему досталось самое тяжелое наследство: ученики Лысенко, его соратники были в силе. Но позиций своих они не хотят сдавать даже теперь.

Волнует, что стали расцветать околонаучные направления: экстрасенсы, НЛО и тому подобное. Не дело Академии поощрять такое. Хотя это мелочь по сравнению со снижением темпов развития фундаментальных наук, где мы с каждым годом теряем свои позиции.

Отношения между людьми тоже становятся все сложнее, всякие противоборствующие группы возникают.

Правда, в среде ученых всегда были сложные отношения. Как у медведей в одной берлоге. Крупные ученые не уживались друг с другом. По крайней мере когда я был президентом, мне нелегко приходилось, я старался всегда делать так, чтобы не пострадала наука. Примеры этого давно уже вышли за стены институтов, скажем, ссора академиков Басова и Прохорова. Оба Нобелевские лауреаты, блестящие ученые, но вместе им тесно было. Здесь выход был простой — для Прохорова создали отдельный институт, и это себя полностью оправдало, наука не пострадала, даже выиграла.

Еще при Келдыше, помню, втащили меня участвовать в комиссии по ракетной технике. Так среди ракетчиков шла просто гражданская война! С одной стороны стояли Королев, Янгель, с другой — Челомей. Гражданские — за Королева и Янгеля, военные — за Челомея.

— А вы заняли какую позицию?

— Старался занять примиряющую позицию, хотя, как и Келдыш, был на стороне Янгеля (Королев уже умер), на стороне гражданских. Не буду касаться сути, из-за чего разгорелась война, пустое, было и минуло, как все амбициозные страсти. Важно другое — недозволенных методов в этой групповой борьбе не применяли. Сохраняли личную порядочность. Теперь же бывает иначе.

Мне кажется, сейчас в научных коллективах портится моральный климат, утеряно доверие между коллегами, даже между учителем и его учениками... Неуважение к учителю чревато большими нравственными потерями.

— Рассказывают, что в жизни вашего учителя Абрама Федоровича Иоффе был такой случай. Пришел к нему совсем молодой исследователь и положил перед директором несколько рукописных страничек. Выводы вчерашнего студента, по существу, закрывали тему, над которой работал знаменитый академик, показывали ошибку в его теории. Был ли такой случай, Анатолий Петрович, в действительности, и как поступил академик?

— Сел проверять все с самого начала и понял, что я прав, а он ошибся. А ведь Абрам Федорович тогда был страшно увлечен этой своей работой по тонкослойной изоляции. Предполагал, что она произведет переворот в авиации, машиностроении. Ему было тяжело оставлять целое направление.

Я никакой ошибки в работе Иоффе не искал, конечно. Я хотел применить ее на практике, но у меня ничего не получалось, хоть убейте! Тогда стал сам все исследовать и обнаружил ошибку.

Потом мы вместе с академиком Иоффе опубликовали статью об этой ошибке. А ведь часть института уже работала над темой. Пришлось закрывать целое направление по диэлектрикам, перестраивать институт.

Шестьдесят лет назад это было, ужас, как давно... Но я и сегодня скажу — Абраму Федоровичу Иоффе я обязан всем...

— Неужели в вашем коллективе не случались конфликты, никто не ссорился друг с другом, не обижался? Ведь не могли такие разные люди, как будущие академики Семенов, Капица, Алиханов, Харитон, Арцимович, Курчатов, смотреть на все одинаково? Ведь сами вы говорили — «медведи в одной берлоге».

— Тогда мы еще не были «медведями». Очень молоды были. И перед авторитетом своего учителя преклонялись. Но смотрели на мир, конечно, поразному. И наверное, и ссорились, и обижались... Только я не помню. А вот как весело, как увлеченно нам работалось — помню. Как выручали друг друга, если у кого-то портился прибор, как оставляли свои дела и бросались чинить. Всем делились друг с другом. Ну, а когда шли семинары и мы оказывались разного мнения на научную проблему, то в пылу спора не выбирали выражений. Даже, помню, самому Иоффе кто-то из нас крикнул: «Вы забыли закон Ома!»

И вот что интересно: в институтах, которые потом возглавили выходцы из Ленинградского физтеха, тоже не было конфликтов и нет, по-моему, до сих пор. Взять хотя бы институты Семенова (теперь там директор академик Гольданский) и Капицы. Петр Леонидович был особенно крут: если двое сцепятся, не разбирал, кто прав, кто виноват, выгонял обоих.

— Ваши работы по атомной проблеме начались в Институте Иоффе?

— Я не сразу стал заниматься атомной физикой. Сначала этой проблеме вообще придавали мало значения.

Случилась курьезная вещь. Помню, мы с П. П. Кобеко, потом членом-корреспондентом, разработали способ получения морозоустойчивой резины и внедрили его на заводе. Это направление считалось в институте чуть ли не главным, когда приезжало начальство, его вели хвастаться прямо к нам. А ядерщиков — Алиханова, Курчатова, их работы — начальству не показывали. Начальство считало, что они ерундой занимаются. Иоффе же с самого начала понимал важность ядерных исследований, придавал им большое значение.

Потом все переменилось, когда открыли деление урана и запахло бомбой... Но атомное оружие только для Берия и Сталина было основной нашей работой. Все мы считали ее вынужденной и временной. Курчатов часто говорил: «Не дай Бог применить это против людей! Только атом мирный».

— «Мирный атом» оказался ненадежным. Сейчас противники АЭС и их сторонники требуют принятия закона об атомной энергетике. Каким, по вашему мнению, он должен быть?

— Очень важно нормализовать правовую сторону, сделать достоянием общественности буквально все — обсуждение проекта АЭС, выбор площадки для строительства, необходимо публиковать информацию обо всех отказах на АЭС, в том числе и о не имеющих никаких вредных последствий. Население районов, где работают АЭС, должно получать от этого выгоду, что надо предусмотреть в законе. Выгоду и материальную, и в смысле распределения и оплаты электроэнергии. Также, по-моему, нужно предусмотреть преимущества в медицинском обследовании, медицинской помощи населению.

Я говорю о выборе площадки для АЭС потому, что как раз тут были недостатки. Первое — не всегда учитывались природные условия, сейсмика и т. д. (Хотя при проектировании Армянской АЭС советовались с японцами, те строят и в местах, где часты девятибалльные землетрясения. Но им, как говорится, деться некуда.) Во-вторых, уж совершенно не учитывалось мнение населения республики. В законодательстве должно четко определяться: хочет республика — строить, не хочет — не строить. Но уж не будет так — у себя под боком не хочу иметь АЭС, а электроэнергию хочу получать (и по малой цене!) из другой республики.

Очень важно, по-моему, предусмотреть в законе исследование радиоактивной обстановки на площадке до строительства АЭС, чтобы было ясно, какая радиация была раньше, какая от АЭС. Кстати, это надо учитывать и при любом строительстве. Природная радиация может быть в любом строительном материале, воде и т. д.

Выбор площадки и проект станции должны утверждаться не только министром, как бывало раньше, но и специалистами, Академией наук, Комиссией Верховного Совета республики...

— Будет ли предусмотрена подготовка более квалифицированного персонала для АЭС, что сегодня всех особенно тревожит?

— Да, тут и создание специальных курсов, и ввод новых профессий в вузах. Допускать работать на АЭС надо людей со специальным дипломом, а не с любым техническим или физическим, как сейчас.

Персонал обязан периодически проходить контроль на профессионализм. После отпуска и болезни, когда исчезают навыки, прежде чем приступить к работе, сдавать экзамены. Собственно говоря, когда-то давно, вначале, так и было.

Я бы внес в закон положение о захоронении радиоактивных отходов. Делать это только на скальных породах, в районах, где есть гранит, базальт. Известняки и пески не годятся, а их иногда использовали, несмотря на наши протесты. И чтобы в течение периода опасности (300—500 лет), практически никогда, их по неразумению не раскопали.

— На века мертвая земля, страшновато...

— Не мертвая, а заповедная, где не ведется никакого строительства, никакой хозяйственной деятельности. Можно ведь и так ее назвать.

— Ведется ли на территории нашей страны захоронение радиоактивных отходов других стран? Общественность протестовала, и сейчас нас заверяют, что не ведется. Только не верится что-то...

— И правильно, что не верится. У тех стран, где мы строим по своим проектам АЭС, мы берем отходы и снабжаем их топливом для реакторов. Отказаться так поступать? Не думаю, что это разумная постановка вопроса. У себя они захоронят хуже, там малая территория.

— Все страны предпочитают захоранивать не у себя, подальше. Франция, где 70 процентов энергии дают АЭС, например, стремится отправить отходы на тихоокеанские острова...

— Были случаи захоронения на тихоокеанских островах. Но в основном бóльшую часть отходов французы локализуют на своей территории. И аварий на АЭС там, слава Богу, нет, и повышенной радиации тоже.

Все дело в культуре производства.

Публикация в широкой печати проекта закона об атомной энергетике, обсуждение его перед принятием в Верховном Совете снимут напряжение, которое возникло сегодня в обществе в связи с атомной энергетикой.

Преуменьшение опасности аморально, но и преувеличение ее, способствование распространению непроверенных слухов, выдумывание всяких жутких историй, волнующих людей, аморально тоже. В этом отношении закон об использовании ядерной энергии все поставит на место.

— И все-таки, Анатолий Петрович, мы ведь не можем сказать, что АЭС сегодня полностью безопасны...

— Не можем. Опасность есть. Но не только ученые, но и общественность обязана все сделать, чтобы ее уменьшить. Собственно говоря, уже создан реактор, где сама физика не допускает того, что произошло в Чернобыле. Но, чтобы его довести, нужно время. Страсти же накаляются вокруг работающих АЭС. Поэтому и нужны меры ужесточения контроля, нужен закон о ядерной энергетике.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Рубрику ведет
Виктор ЕРОФЕЕВ

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН: УРОВЕНЬ МАСТЕРСТВА

Участник «Метрополя» Фридрих Горенштейн пришел к нам в «штаб» неподцензурного альманаха в 1978 году с философской повестью «Ступени» и двумя фотографиями: анфас и в профиль. Мы посмеялись, но он оказался прав: он смеялся последним. После скандала с «Метрополем» Горенштейн эмигрировал в Западный Берлин. Отчаявшись состояться на родине, опубликовав в Союзе всего лишь один-единственный рассказ, «Дом с башенкой», в начале 60-х годов, в журнале «Юность», — рассказ об эвакуации, который до сих пор трудно читать без слез, — писатель стал очередной, бесчисленной жертвой той «культурной» политики, что триумфально оскуднила нашу культуру.

Бесспорный мастер реалистического письма, учившийся на прозе Бунина, Горенштейн, казалось бы, не будучи диссидентом, мог без труда вписаться в советскую литературу, стоило захотеть. Но он не вписался, оставшись верным экзистенциальным темам, мученическим судьбам своих героев, напряженным религиозным раздумьям, своей непредсказуемой личности. Я помню его по Москве: он умел по-бунински зло, но не злобно, шутить, был одновременно суетен и сосредоточен, был безумно эгоцентричным, при том самозабвенно любил свою рыжую кошку Кристину, саркастически относился ко всему, включая костюм французского посла («Не правда ли, — заявил он раз во весь голос на званом вечере, — что у посла плохо пошит костюм?» — Присутствующие обомлели.), и утверждал, что в писательстве главное — профессионализм.

Он продолжал настаивать на важности профессионализма и сейчас, когда я звонил ему в Берлин в связи с этой публикацией.

— Русская литература кончилась в 30-е годы,— услышал я все тот же ворчливый, но куда более вальяжный, чем раньше, голос,— с именами Булгакова, Платонова, Набокова. Последний мне не близок, но виден уровень мастерства. В 60-е годы их неверно прочли, смотрели через собственную призму.

— Какую?

— Художественной самодеятельности. У шестидесятников был личный напор и политический энтузиазм. Талант тоже был, но не хватало мастерства. Потеряли культуру.

— А нынешних писателей читаешь?

— Я их не знаю,— признался Горенштейн безо всякого сожаления.— Я отщепенец. Мне некогда. Нет времени даже здешнюю прессу читать. Но вообще современный литературный процесс мне не нравится. Слишком много истерии. Другое дело — XIX век. Все, начиная от Пушкина. Я тут недавно прочел повести средних русских прозаиков первой половины XIX века. Теперь бы мы сказали: масс-культуру того времени. Но как же хорошо они писали!

Кстати, ты видел портрет Кристины во французском «Нувель обсерватер»? Найди. Я скажу, в каком номере. Франция — моя любимая страна. Почему? Там все мое издается.

— Ты рад, что рухнула берлинская стена?

— Меня тогда не было в Берлине. Я вернулся. Ничего. Все то же самое. Только грязнее стало. Объединение Германии? Этого нельзя предотвратить. Я только боюсь союза неонацистов с ультралевыми. Об этом возможном союзе я писал еще в 1982 году. Ни одна немецкая газета не напечатала.

А теперь вернемся к началу. Фридрих Горенштейн родился в 1932 году в Киеве, в семье профессора экономики. В 1935 году отца арестовали; позднее он погиб в ГУЛАГе. Опасаясь ареста, мать уехала с Фридрихом в провинцию; ее все равно посадили. Вернулась из тюрьмы с очень слабым здоровьем. Во время эвакуации умерла под Оренбургом. Некоторое время Фридрих жил в детдоме. Потом взяли родственники. Учился в школе в Бердичеве. После школы работал на шахте. Окончил Горный институт в Кривом Роге. Был мастером на стройке. В 1962 году, уже написав «Дом с башенкой», поехал в Москву поступать на сценарные курсы. Не приняли. Но помог тогдашний Юрий Бондарев: поддержал, и взяли вольнослушателем. С Андреем Тарковским пытались «пробить» фильм по «Дому с башенкой». Не дали. Писать было негде: писал в Некрасовской библиотеке. Повесть «Зима 53 года» (о жизни шахтеров) долго обсуждалась в «Новом мире». Отказались. Один либеральный член редколлегии с возмущением заметил, что труд свободных людей там показан хуже, чем в концлагере. Однажды Горенштейну добрые, умные люди предложили взять псевдоним; объяснили: поможет при публикациях. Он подумал и не согласился.

Он стал известен как сценарист фильмов «Солярис» и «Раба любви». Автор в общей сложности 17 сценариев.

Написал много. Несколько больших романов: «Искупление» (1967), «Псалом» (1975), «Место» (1976), «Попутчики» (1983). Три пьесы: «Споры о Достоевском» (1973; пьеса действительно насыщена страстными спорами, но каков самородок: автор тогда не читал даже Бахтина!), «Бердичев» (1976), «Детоубийца» (1985). Все три пьесы ставят сейчас московские театры. В будущем намерен писать роман о Германии. У него полно тем!

— Ты приедешь в Москву?

— В сентябре. На премьеру.

Но все же первая столичная премьера Фридриха Горенштейна — в «Огоньке».

Рассказ «С кошелочкой» печатается с сокращениями (площадь тонкого журнала, к сожалению, не позволяет дать его в полном объеме). Впрочем, целиком он был уже опубликован — в парижском «Синтаксисе».

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

С КОШЕЛОЧКОЙ

Авдотьюшка проснулась спозаранку и сразу вспомнила про кошелочку.

— Ух ты, ух ты,— начала сокрушаться Авдотьюшка,— уф, уф... Вчерась бидон молока несла, ручка подалась, прохудилась... Успеть бы зашить к открытию.

И глянула на старенький будильник. Когда-то будильник этот будил-поднимал и Авдотьюшку, и остальных... Кого? Да что там... Есть ли у Авдотьюшки ныне биография?

Советский человек помнит свою биографию в подробностях и ответвлениях благодаря многочисленным анкетам, которые ему приходится весьма часто заполнять. Но Авдотьюшка давно уже не заполняла анкет, а из всех государственных учреждений главный интерес ее был сосредоточен на продовольственных магазинах. Ибо Авдотьюшка была типично продовольственной старухой, тип, не учитываемый социалистической статистикой, но принимающий деятельное участие в потреблении социалистического продукта.

Пока усталый трудовой народ вывалит к вечеру из своих заводов, фабрик, учреждений, пока, измученный общественным транспортом в часы пик, втиснется он в жаркие душегубки-магазины, Авдотьюшка уже всюду пошнырять успеет, как мышка... Там болгарских яичек добудет, там польской ветчинки, там голландскую курочку, там финского маслица. Можно сказать, продовольственная география. Вкус родимого владимирского яблочка или сладкой темно-красной вишни она уже и вспоминать забыла, да и подмосковную ягодку собирает, как помощь к пенсии, а не для потребления.

В еще живые лесочки с кошелочкой пойдет, как в продовольственный магазин, малинки-землянички подкупит у матушки-природы, опередит алкоголиков, которые тоже по-мичурински от природы милостей не ждут, малинку на выпивку собирают. Так лесочки оберут, что птице клюнуть нечего, белке нечего пожевать. Оберут братьев меньших, а потом на братьев-сестер из трудящейся публики насядут.

Продаст кошелочку подмосковной малинки — пятидесятиграммовую стопочку по рублю, купит килограмм бананов из Перу по рупь десять кило. Продаст чернички по рупь пятьдесят стопочку, купит марокканских апельсин по рупь сорок кило. Чем не жизнь при социализме? Правильно говорят западные борцы за мир. Жаль только, что в наглядной своей агитации не используют они Авдотьюшкин баланс, Авдотьюшкину прибавочную стоимость.

. . . .

Авдотьюшка, продовольственная старуха, в торговом разбое участвовала давно, опыт имела, а орудием труда у нее была кошелочка. Любила кошелочку Авдотьюшка и, готовясь к трудовому дню, приговаривала:

— Ах ты моя кормилица, ах ты моя Буренушка.

И план у нее был заранее составлен. Сперва в «наш» — это магазин, который рядом с домом. После в булочную. После в большой, универсальный. После в мясной. После в молочный. После в «кулинарию». После в магазин возле горки. После в другую «кулинарию». После в магазин, где татары торгуют. После в овощной ларек. После в булочную против ларька. После в магазин возле почты...

. . . .

В большом магазине покою никогда нет. Человек туда нырнул, волны подхватили, понесли... Из бакалеи в гастрономию, из гастрономии в мясной... И всюду локти — плечи, локти — плечи... Одно хорошо — пихнуть здесь не могут, падать некуда. Но локтем в обличье — морду, это запросто.

Вот вывезли на тележке горой плоские коробки селедки. Для Авдотьюшки такая ситуация мед-печенье... Очереди — порядка нет, разбой в чистом виде. Кто схватит. Тут не лисья хитрость Авдотьюшке нужна, а мышиная. Как в цирке — раз, два — тележка уже пустая. Оглядывается народ, смотрит, что у кого в руках. Мужчины схватили одну-две... Некоторые схватили воздух, стоят злятся. Лидируют крепкие, умелые домохозяйки — по три-четыре коробки. Есть и одинокие старушки среди лидеров. У Авдотьюшки три коробки в кошелочке...

Вообще, если продовольственные старухи объединяются — это грозная сила. Однажды семь старух, в том числе Авдотьюшка, перли к прилавку, друг на друга опираясь цепочкой. А передняя, Матвеевна, которая ныне с переломом в больнице, опиралась на палку-клюку. Всех раскидали, добыли польской ветчинки. Правда, предварительно ситуацию оценивать надо. Например, в такую ситуацию, которая у мясного отдела, лезть нельзя... Что-то вывезли, а что, не ясно. Полутолкучка, полупотасовка. Некоторые натянуто улыбаются. Это те, кто пытается свое озверение превратить в шутку. Однако большинство лиц серьезные и злые. Работают...

Ой, уходи, Авдотьюшка. Схватила селедочку, уходи. Селедочка не бульончик, по кишкам плывет щекотно, и отрыжка у ней болезненная... Но ведь хочется. Не докторам же все угождать, и себе угодить

надо. Картошечка соль возьмет, а сладкий чаек вовсе успокоит. Схватила жирной селедочки, уходи, Авдотьюшка, пока цела. Уходи, Авдотьюшка...

Да день неудачный, все не так... Поздно спохватилась Авдотьюшка. Было не повернешься, стало не вздохнешь... И новым запахло — махрой-самосадом, дегтем, дегтем посадским... Приехали... Вот и автобусы их экскурсионные возле универсама. В каждом автобусе передвижной штаб продотряда. Сюда купленное-награбленное сносят. Весь автобус в кулях, мешках, авоськах. В разных направлениях движутся бойцы — крепкорукие мужчины и женщины. А в разведке верткая молодежь. Бежит деваха конопатая.

— Дядя Паршин, тетя Васильчук велела передать, растительное сало дают.

— Какое еще сало, лопоухая?

— Желтое,— радостно кивает конопатая,— я влезла, смотрю, дают... А тетю Васильчук какой-то как поддал плечом...

Но дядя Паршин уже не слушает.

— Ванюхин, Сахненко! С бидоном!

Побежал боевой расчет с бидоном на сорок литров... Ой, много посадских, ой, моченьки нет... И еще бидон вперли.

— Ой, помо... помосите. Помо... сите!

Лихо работает посад. Колбасу, сыр, крупу по воздуху транспортирует. Жатва идет. Не пожнешь, не пожуешь. А не пожуешь, возьмешь партийную газетину — раздражаешься. Худо, если в посаде идеологические шатания начнутся. Посад, это ведь кто? Это лучшие драчуны России... «Мы если хоть как-то сыты будем, кому угодно накостыляем... Ты только свистни, ЦК, ты только крикни: «Товарищи, полундра!» Но вовсе без еды никак нельзя, ЦК. Посад твоя опора, батька ЦК, а ты шлюху Московию кормишь... Хотя у тебя и в Московии не всегда водка в наличии для заправки организма».

. . . .

Спаслась Авдотьюшка. И кошелочку спасла... Авдотьюшка вдоволь на свете пожила, умная. Она не правду ищет, а продукты питания. Да день такой, что уж не по плану. Зашла в одну «килинарию». Тихо, спокойно, воздух чистый, и прилавки чисто прибраны. Хоть бы что туда положили для виду. Хоть бы кость собачью. Продавщица сидит, рукой щеку подперла. Народ входит, ругается-плюется. А Авдотьюшка вошла, постояла, передохнула и спрашивает.

— Лангетика посвежее не найдется, милая? Или антрекотика помягче?

— Ты, видать, бабка, адресом ошиблась,— отвечает ей продавщица,— тебе не в кулинарию надо, а к главному врачу... Не видишь разве, что на прилавке?

Авдотьюшка не обиделась.

— Спасибо,— говорит,— за совет.

И в другую «килинарию». Заходит — есть! У какой-то шляпы почки отбила.

Почки эти, как в анатомичке, одиноко мокли на блюде, и шляпа их изучал-нюхал. То снимет очки, то наденет. Авдотьюшка быстро к кассе и отбила.

— Как же,— кричит интеллигент,— я первый.

— Вы нюхали, а мамаша отбила,— говорит торговый работник.

— А другие?

— А других нет... Вот купите деликатес, редко бывает.

Глянул интеллигент — что-то непонятное. Прочитал этикетку: «Икра на яйце». Пригляделся, действительно, не свежее, но яйцо вкрутую, пополам разрезанное. А на сероводородном желтке черный воробьиный навоз.

— Где же икра?

— Сколько положено, столько есть. Тридцать грамм. А сколько вы хотели за такую цену?

Цена такая, что еще при волюнтаристе Хрущеве, еще накануне исторического октябрьского Пленума 1964 года, внесшего перелом в развитие сельского хозяйства, за такую цену двести грамм хорошей икры купить можно было в любом гастрономическом магазине. Быстро же движется Россия, словно за ней собаки гонятся... А куда спешим? Сесть бы передохнуть, подумать, отереть пот со лба. Но попробуй скажи. Политические обозреватели засмеют.

. . . .

Вот так живет Авдотьюшка, продовольственная старуха без биографии. Приспособилась. Заглянет в ее маленький телевизор политический обозреватель — а она почками лакомится. Исказится, перекосится лицо политического обозревателя, заорет он не своим голосом, поскольку телевизор давно неисправный. Да что поделаешь. Икорку или колбаску сырокопченую уже употреблять запретили, а почки еще жевать разрешено. И иные продукты все ж еще окончательно не реквизированы. Обильна, обильна Россия. В одном месте очередь за индийским чаем, в другом за болгарскими яичками, а в третьем за румынскими помидорами. Стой и бери.

Вошла в молочную Авдотьюшка. Мирный и покойный продукт молоко, безалкогольный напиток. Его младенцы и диетчики потребляют. Случаются здесь и спокойные очереди. Да только не сегодня, когда финское масло в пачках дают...

Вошла Авдотьюшка, послушала: очередь звенит, как циркульная пила, когда на предельных оборотах она на камень натыкается... Лицо у очереди гипертоническое, бело-красное. Вот уж поистине кровь с молоком... Авдотьюшка задком, задком и к татарам в магазин, где татарин заведующий, а его жена сок продает...

А на татар украинский степной набег... Махновцы... Форма у всех одна: платки, плюшевые тужурки-кацавейки. Руки тяжелые, багровые, лица малиновые и чесноком дышат...

Хотя и русский человек, особенно почему-то милиционер, в последнее время чесноком дышит... От колбасы, что ли, некачественный состав которой хотят чесноком заглушить?

Перекликаются махновцы.

— Текля, де Терньь?

— З Горпыной за шампаньским пишов.

Если посадские-пригородные грабят предметы первой необходимости, то махновцы грабят предметы роскоши. Привезут на рынок мешки тыквенных семечек или груш-скороспелок, набьют мешки деньгами, а потом в те мешки дорогие деликатесы.

Вот Горпына помогает взвалить Текле на плечо мешок шампанского. Вот у Терня в обеих руках раздутые рюкзаки с плитками шоколада, с коробками шоколадных конфет.

Вспоминаются смазанные дегтем партизанские тачанки с награбленным дворянским имуществом. Но теперь грабеж особый. Не по Бакунину, а по Марксу. Товар — деньги — товар...

Советский магазин — это и история, и экономика государства, и политика, и нравственность, и общественные отношения...

— Сколько дают?

— Все равно всем не достанется...

— По два кило...

— Вы стоите?

— Нет, я лежу...

— Что?

— Пошел...

Перманентная холодная война горячего копчения не затихает. Вот где раздолье борцам за мир. Вот где бы иностранным дипломатам изучать проблемы. Взять авоську, набить пустыми кефирными и винноводочными бутылками, надеть грязную рубашку, постоять перед калорифером, вспотеть и идти в магазин. Надо уметь толкаться локтями, зло пялить глаза и знать по-русски одну фразу.

— Пошел ты...

А конец фразы можно произносить на своем языке. Все понимают, куда посылают. Но иностранец в России личность привилегированная. Она или в «Березку», или на Центральный рынок.

На Центральном рынке изобилие высококачественных продуктов и иностранные марки автомашин. Страна умеет выращивать крепкие солнечные помидоры и прохладные пахучие огурцы, десертные груши с маслянистой мякотью и ароматные персики, которые так красивы, что могут не хуже цветов украсить праздничный стол. Страна может выложить на прилавки нежные желтовато-белые тушки гусей, уток, кур, индеек. Груды свежего мяса. Куски малосольного, тающего во рту сала, пряной рыбы, жирного бело-кремового творога, густой сметаны... Здесь на Центральном рынке время нэпа, здесь нет поступательного движения вперед к коммунизму, нет перевыполнений плана, грандиозных полетов в космос, борьбы за мир...

Хорошо на Центральном рынке...

. . . .

А где же она, наша Авдотьюшка? Совсем ее потеряли... Да вот же она в передвижной очереди... Имеются и такие... Подсобник в синем халате тележку везет, на тележке импортные картонные ящики. Что в ящиках, непонятно, но очередь сама собой построилась и следом бежит. А к очереди все новые примыкают. Авдотьюшка где-то в первой трети очереди-марафона... Должно хватить... Взмокли у Авдотьюшки седые волосы, чешутся под платком, сердце к горлу подступило, желудок к мочевому пузырю прижало, а печень уже где-то за спиной ноет-царапает. Но отстать нельзя. Отстанешь, очередь потеряешь. Подсобник с похмелья проветриться хочет на

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

ветру, везет, не останавливается. Кто-то из очереди, умаявшись:

— Остановись уже, погоди, устали мы, торговлю начинай...

А толстозадая из торговой сети, которая в коротком нечистом халате сзади за тележкой ступает:

— Будете шуметь, вовсе торговать не стану.

Тут из очереди на робкого бунтаря так накинулись, затюкали.

— Не нравится, домой иди прохлаждаться... Барин какой, пройтись по свежему воздуху не может. Они лучше нас знают, где им торговать. Им, может, начальство указание дало.

Бежит дальше Авдотьюшка вслед за остальными. А пьяный подсобник нарочно крутит-вертит. То к трамвайной остановке, то к автобусной... И толстозадая смеется... Тоже под градусом... Измываются, опричники...

В нынешней государственной структуре имеют они непосредственную власть над народом наряду с участковыми, управдомами и прочим служилым людом... Авдотьюшка как-то в Мосэнерго приходит, куда ей добрые люди дорогу указали, плачет. Девчонки молодые там работали, еще не испорченные, спрашивают:

— Что вы плачете, бабушка?

— Бумажки нету, что за электричество плотят. Выключат, говорят, электричество. А как же я без электричества буду? В темноте ни сварить, ни постирать.— И протягивает старую книжечку, исписанную, которую добрая соседка заполняла.

— Ах, у вас расчетная книжка кончилась? Так возьмите другую.

И дали новенькую, копейки не взяли. Как же их Авдотьюшка благодарила, как же им здоровья желала. И сколько же это надо было над ней в жизни поизмываться в разных конторах, чтоб такой страх у нее был перед служивым народом! А здесь не просто служивые, здесь кормильцы.

Бежит Авдотьюшка, хоть в глазах уже мухи черные. А подсобник вертит, подсобник крутит. Куда он, туда и очередь, как хвост. На крутом повороте из очереди выпал инженер Фишелевич, звякнул кефирными бутылками, хрустнул костьми. Не выдержал темпа. Но остальные с дистанции не сходят, хоть силы уже кончаются. Спасибо, подсобник перестарался, слишком сильно крутанул, и картонные ящики прямо посредине мостовой повалились... Несколько лопнуло, и потек оттуда яичный белок-желток. Обрадовалась очередь — яйца давать будут. Легче уже. И товар нужный, и бежать за ним более не надо. Стоит очередь, дышит тяжело, отдыхает, пока подсобник с толстозадой совещаются-матерятся. Выискались и добровольцы перенести ящики с середины мостовой под стенку дома. Началась торговля...

Отходчив душой русский и русифицированный человек... Быстро трудности-обиды забывает, слишком быстро забывает.

В связи с катастрофой приняли подсобник с толстозадой на совещании решение: по просьбе трудящихся отпускать десяток целых, десяток треснутых яиц в одни руки. И вместо «яйца столовые» присвоить звание и впредь именовать их «яйца диетические» с повышением цены на этикетке. Но при этом будут выдаваться полиэтиленовые мешочки бесплатно. Хорошо. Авдотьюшка целые яички в один полиэтиленовый пакетик, треснутые, уже готовые для яичницы,— в другой пакетик, расплатилась по новой цене, все в кошелочку сложила и пошла довольная. Зашла в булочную, хлеба прикупила. Половину черного и батон. За хлебцем в Москве пока очередей нет. Если еще за хлебцем очередь, значит, уж новый этап развитого социализма начался. В целях борьбы с космополитизмом запретят американское, канадское, аргентинское и прочее зерно потреблять. Но пока еще в этом вопросе мирное сосуществование. Хорошо выпечен хлебец из международной мучицы. Мясца бы к нему. Курятины-цыплятины не досталось, так хоть бы мясца... Мясной магазин вон он, перед Авдотьюшкой. Шумит мясной, гудит мясной. Значит — дают. Заходит Авдотьюшка.

Очередь немалая, но без буйства. Обычно мясные очереди одни из самых буйных. Может, запах во времена пращура переносит, когда представители разных пещер вокруг туши мамонта за вырезку дрались? Человеку одичать легче, чем кружку пива выпить...

Вот такие мысли приходят в московской мясной очереди, когда ноздри щекочет запах растерзанной плоти. Принюхалась и Авдотьюшка, хищница наша беззубая. Пригляделась... Вона кусочек какой лежит... Не велик и не мал... Эх, достался бы... Авдотьюшка б уж за ним, как за ребеночком, поухаживала, в двух водах обмыла, студеной и тепловатой, от пленочек-сухожилий отчистила, сахарну косточку вырезала и в супец. А из мякоти котлетушек-ребятушек бы понаделала... Выпросить бы мясца у очереди Христом-Богом. Не злая вроде очередь.

Только так подумала, внимательней глянула — обмерла... Кудряшова в очереди стоит, старая вражина Авдотьюшкина... Кудряшова — матерая добытчица, становой хребет большой многодетной прожорливой семьи, которую Авдотьюшка неоднократно обирала... У Кудряшовой плечи покатые, руки-крюки. Две сумки, которые Авдотьюшка и с места не сдвинет, Кудряшова может на далекие расстояния нести, лишь бы был груз — продовольствие. Кудряшова и роженица хорошая. Старший уже в армии, а самый маленький еще ползает. Сильная женщина Кудряшова, для очередей приспособленная. Кулачный бой с мужчиной обычной комплекции она на равных вести может. Но если схватить надо, а такие ситуации, как мы знаем, в торговле бывают, тут Авдотьюшка расторопней Кудряшовой, как воробей расторопней вороны. То кочанчик капусты из-под руки у Кудряшовой выхватит, то тамбовский окорок в упаковке.

— Ну погоди, ведьма,— ругается-грозит Кудряшова,— погоди, я тебя пихну.

— А я мильцинера позову,— отвечает Авдотьюшка,— ишь, пихало какое.

А сама боится: «Ой, пихнет, ой, пихнет».

Теперь самое время сообщить, что ж это такое — «пихнуть». Есть старое славянское слово — пхати, близкое к нынешнему украинскому — пхаты. По-русски оно переводится — толкнуть. Но это не одно и то же. Иное звучание меняет смысл, если не в грамматике, то в обиходе оба слова существуют одновременно. Толкнуть — это значит отодвинуть, отстранить человека. Бывает, толкнули и извините, говорят, пардон. А если уж пихнули, так пардону не просят. Потому как пихают для того, чтобы человек разбился вдребезги.

«Ой, пихнет,— думает Авдотьюшка,— ой, пихнет».

Но очередь тихая, невоинственная, и Кудряшова тихая. Исподлобья на Авдотьюшку косится, но молчит. В чем тут причина? Не в мясе причина, а в мяснике.

Необычный мясник появился в данной торговой точке. Мясник-интеллектуал, похожий скорее на ширококостного из народа профессора-хирурга в белой шапочке на седеющей голове, с крепким налитым упитанным лицом, в очках. Мясник веселый и циничный, как хирург, а не мрачный и грязный, как мясник. Очередь для него объект веселой насмешки, а не нервного препирательства. Он выше очереди. Огромными, но чистыми ручищами берет он куски мяса и кладет их на витрину, на мясной поднос. И в ответ на ропот очереди, требующей быстрей обслуживать, без запинки читает «Евгения Онегина»...

— Чего там,— ропщет некая с усталым лицом, видать, не в первой сегодня в очереди стоит,— чего там... Вы для обслуживания покупателя поставлены.

— Глава вторая,— отвечает ей мясник,—

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог...

Странная картина. Странные она вызывает идеи. И неожиданные из нее проистекают выводы. Первый вывод — Пушкина мясной очереди должен читать мясник. Собственно, это главный вывод, ради которого есть смысл немного поразмышлять в духоте магазина. Цинично, вульгарно бренчит мясник на пушкинской лире, но все же чувства добрые пробуждает. Народ безмолвствует, соответственно финальной ремарке из «Бориса Годунова». Тихо стоит. Не слушает Пушкина, но слышит. Попробуй прочесть мясной очереди Пушкина крупный профессор-пушкинист или известный актер-исполнитель. Хорошо, если это вызовет только насмешки. А то ведь еще злобу и ненависть. Нет, культуру народу должна нести власть. Скажите, что ж это за культура, что ж это за Пушкин? Ответим на это совсем с иного конца. Ответим тоже вопросом. Вам приходилось наблюдать, как восходит солнце? Не над пышной субтропической зеленью, которая знает, что такое солнце, которая сознательно живет им и которая академически солидно ждет его восхода. И не над тихой поросшей травой лесной поляной, которая сама составляет крупицу солнца, которая верит в него и для которой восход солнца есть ее собственное интимное чувство. Мы имеем в виду восход солнца над безжизненными северными скалами. Казалось бы, зачем мертвому жизнь? Зачем холодным камням солнце? Спокойно, тяжело, монотонно лежат камни в глухой ночи, покрытые льдом и снегом, безразлично встречают камни серый, короткий день, принимая на бесчувственную грудь свою острые порывы ветра. Но восходит над ними солнце, слабое подобие жаркого, плодоносного или ласкового мягкого знакомого нам солнца, восходит солнце, от которого субтропической зелени или лесной полянке стало бы страшно и тоскливо. А скалы вдруг меняются. Розовеют камни, мох да лишайник появляются, и какое-то невзрачное насекомое выползает из расселины навстречу этому короткому празднику. Хоть и не осознает, может, откуда пришел свет, почему утих ветер, почему нет безразличия к холоду и что это за новое не чувство даже, а ощущение теплоты и покоя. А взойди над северными камнями южное или даже мягкое умеренное солнце, это была бы катастрофа. Потрескались бы холодные камни, высох лишайник, погибло бы, сгорело невзрачное насекомое. Холодному северу нужно холодное солнце.

. . . .

...Берет мясник кусок своими белыми ручищами. Хорош, сочен кусок. И косточка рафинадная. Глазам своим не верит Авдотьюшка. Счастье-то какое.

— С праздничком вас,— это она мяснику польстить хочет, чтобы не передумал.

— Я вам признателен,— отвечает мясник,— с каким? Партийным или церковным?

Ропот рассеивается. Весело народу, хоть и тесна очередь. А вместе с весельем и сознание появляется.

— Нам тяжело,— говорит кто-то,— а старикам одиноким как же?

Тянется к мясцу Авдотьюшка. Не дает мясник. Даже разволновалась Авдотьюшка. И напрасно.

— Разрешите, я вам в кошелочку положу,— говорит мясник.

Легло мясцо в кошелочку. Повернулась радостная Авдотьюшка уходить, а мясник ей вслед:

— Спасибо за покупку.

— Дай Бог здоровья,— отвечает Авдотьюшка.

Вышла Авдотьюшка, идет — улыбается. За угол зашла, из кошелочки мяса кусок вынула, как ребеночка, понянчила и поцеловала. Может, цыплятина и лучше, да цыплятина не родная, Авдотьюшкой не куплена, а это мясцо свое. Плохо день у Авдотьюшки начался, да хорошо кончился. Раз везет, значит, этим попользоваться надо. Решила Авдотьюшка в магазин сходить далекий, который редко посещала. «Ничего, там по дороге скамеечка, посижу и дальше пойду. Авось чего-либо добуду...»

Пошла Авдотьюшка. Идет, отдыхает, опять идет. Вдруг навстречу дурак. Знала она его в лицо, но как зовут, не знала.

Дурак этот был человек уже не молодой, голову имел обгорелую и потому всегда кепку носил. Ездил этот востроносый дурак городским транспортом и из бумаги профили людей вырезал. Похоже, кстати, но за деньги. А ранее работал дурак на кожевенном комбинате художником. Однако раз вместо лозунга: «Выполним пятилетку за четыре года» написал: «Выполним пятилетку за шесть лет». Чего это ему в голову пришло? Впрочем, родной брат дурака, герой-полковник, ордена, квартира в четыре комнаты, почетный ветеран Отечественной войны и вдруг публично заявил: «Сегодня по приказу Верховного главнокомандующего товарища Сталина в городе выпал снег». А товарища Сталина к тому времени не то что на этом свете, но и в мавзолее-то уже не было. Как же он мог снегу приказать? Думали, неудачно шутит полковник, пригляделись, искренно излагает, и глаза нехорошо блестят. Одним словом, дурная наследственность. Может, оно и так, дурак-то он дурак, но говорят, что младший брат полковника, художник, подальше от своего района, там, где его знают поменьше, подошел к самой пасти кровожадной, свирепой многочасовой очереди на солнцепеке, выстаивавшей к киоску, где продавали раннюю клубнику, и произнес: «Именем Верховного Совета СССР предлагаю отпустить мне три килограмма клубники». При этом он предъявил собственную правую руку ладонью вперед. Ладонь была пуста, но народ ему подчинился, и он взял три килограмма клубники... Вот тебе и дурак...

Увидел Авдотьюшку дурак и говорит:

— Бабка, а в пятнадцатом магазине советскую колбасу дают... И народу никого.

Мужчина, который рядом шел и тоже услышал, говорит:

— Что это вы болтаете... У нас вся колбаса советская, у нас еврейской колбасы нету.

— Вкусная колбаса,— отвечает дурак,— пахучая. Я такой давно не видал.

— Да он же того,— шепотом Авдотьюшка мужчине и себя по платку постучала.

— А,— понял антисемит и пошел своей дорогой.

Пятнадцатый же магазин тот, куда Авдотьюшка шла. Приходит. Магазин длинный, как кишка, и грязней грязного. Даже для московской окраины он слишком уж грязный. Магазин, можно сказать, сам на фельетон в газете «Вечерняя Москва» напрашивается. Продавщицы все грязные, мятые, нечесаные, стоят за прилавком, как будто только что с постели и вместо кофе водкой позавтракали. И кассирша сидит пьяная, а перед ней пьяный покупатель. Лепечут что-то, договориться не могут. Она на рязанском языке говорит, он на ярославском. А подсобники все с татуировкой на костлявых руках и впалых, съеденных алкоголем грудях... У одного Сталин за пазухой сидит, из-под грязной майки выглядывает, как из-за занавески, у другого орел скалится, у третьего грудь морская — маяк и надпись «Порт-Артур».

Знала Авдотьюшка про этот магазин, редко здесь бывала. Но нынче пошла. Заходит Авдотьюшка ози-

раясь, видит всю вышеописанную картину и уже назад хочет. Однако глянула в дальний угол, где написано — «Гастрономия». Глянула, глазам не поверила. Правду сказал дурак. Лежит на прилавке красавица колбаса, про которую и вспоминать Авдотьюшка забыла. Крепкая, как темно-красный мрамор, но сразу видно, сочная на вкус, с белыми мраморными прожилками твердого шпика. Чудеса, да и только. Как попало сюда несколько ящиков деликатесной, сырокопченой, партийной колбасы, словно бы прямо из кремлевского распределителя? И почему ее сам торговый народ не разворовал? Видать, по пьянке в массовую торговлю выпустили. И этикетка висит — колбаса «советская». Не соврал дурак. Цена серьезная, но те, дешевые, с крахмалом и чесноком. Матвеевна говорила, в колбасу мясо водяных крыс подмешивают, из шкур которых шапки шьют. А здесь мясо чистокровное, свинина-говядина. И мадерой мясо пахнет... Чем ближе Авдотьюшка подходит, тем сильнее запах чувствует. Это же если тонко нарезать, да на хлеб, надолго празднично можно завтракать или ужинать.

А ведь было время, ужинала Авдотьюшка не одна. Самовар кипел червонного золота, баранки филипповские. Он красавец был. И у Авдотьюшки коса ржаная. В двадцать пятом году это было... Нет, в двадцать третьем... Колбаски полфунта в хрустящем пакете. Колбаска тогда по-другому называлась, но это она самая... Принесет, говорит: «Употребляйте, Авдотья Титовна. На мадере приготовленная». И балычку принесет... «Употребляйте»,— говорит.

— Ну что, девка,— говорит Авдотьюшке пьяная нечесаная продавщица,— покупаешь колбаски? Раз в десять лет такую колбаску достать можно.

А Авдотьюшка не отвечает, ком в горле.

— Какую берешь? — спрашивает продавщица,— эту? — И поднимает крепкий сырокопченый батон.

А Авдотьюшка не видит, слезы в глазах.

— Чего плачешь? — спрашивает продавщица,— зять из дому выгнал?

— Нет у меня зятя,— еле отвечает Авдотьюшка и всхлипывает, и всхлипывает.

— У ней, видать, украли что-то,— предположил подсобник с морской грудью,— украли у тебя что-нибудь, старая?

— Украли,— сквозь слезы отвечает Авдотьюшка.

— Ты, что ль, Микита? — И к тому, у которого Сталин из-за майки-занавески выглядывает...

— Да я ее в глаза не видел,— отвечает Микита,— у ней старой только геморрой украсть можно.

— Украли,— говорит Авдотьюшка, и слезы льются, льются... Давно так не плакала.

— Украли, в милицию иди, не мешай торговле,— говорит продавщица и сырокопченый батон на весы кладет, антисемиту вешает.

Видно, опомнился антисемит, вернулся, поверил дураку. И другой народ подходит все более и более. Растрезвонил дурак про советскую колбасу.

О советской колбаске следует сказать особо. Колбасные очереди наряду с очередями апельсиновыми являются главным направлением торговой войны между государством и народом. Мы с вами в настоящих колбасных и апельсиновых очередях не стояли, потому что Авдотьюшка их избегает. Хитра Авдотьюшка, и посадские хитры. И украинцы-махновцы редко там попадаются. Они больше по окраинам, где какой дефицит выбросят. Кто же стоит-воюет в тех очередях? Вокзалы. А что такое вокзалы? Это сам СССР. Но за апельсинами СССР поневоле стоит. Выращивает СССР в обилии вместо груш-яблок автомат «калашников», а третий мир апельсин выращивает. Натуральный обмен вне марксова капитала. Не свой, не привычный продукт — апельсин. От него у СССР отрыжка горько-кислая. Не серьезный продукт апельсин, под водку не идет. Детишкам дать погрызть разве что. Иное дело колбаска...

В колбасных Москвы вокзальный дух, вокзальная духота... Кажется, вот-вот прямо в московских колбасных, вызывая головную боль, закаркает диктор:

— Внимание, начинается посадка на поезд номер...

И пойдут поезда прямо из московских колбасных на Урал, в Ташкент, в Новосибирск, в Кишинев... Вокзальный народ не буйный. Посад хитер, а вокзал терпелив. Хитрость — она резиновая, а терпение — оно железное...

Железо ждать умеет. И свое соображение у железа тоже есть. Знает, какие продукты на какие расстояния везти можно. Ведь образование в СССР шагнуло далеко вперед. Высок в очередях процент образованного народа. Инженеры стоят, химики-физики... Стоят, рассчитывают... До Горького мясо доезжает и маслице. А до Казани мясо протухает, но колбасы вареные выдерживают. За Урал копчености, чай, консервы везти можно. Апельсины те же для баловства ребятишкам. Но лучше нет настоящей копченой колбаски. И терпеливо железо стоит. Стоит СССР в очередях за колбасой. «Эх, милая, с маслицем тебя да с хлебцем, как в былые времена».

Опомнилась и Авдотьюшка.

— Я первая,— кричит,— я очередь первая заняла.

Куда там, оттерли. Обозлилась Авдотьюшка, уж как обозлилась: «Народ нынче оглоед, народ нынче жулик». Разошлась Авдотьюшка от обиды. Платок с головы сбился. Об кого-то кулак свой ушибла, об кого-то локоть рассадила. Поднатужилась Авдотьюшка, попробовала пихнуть. Да тут ее саму пихнули. Какой-то, даже не оборачиваясь, задом пихнул. А зад у него передовой, комсомольско-молодежный, железобетонный.

В больнице очнулась Авдотьюшка. Очнулась и первым делом про кошелочку вспомнила.

— А где же моя кошелочка?

— Какая там кошелочка,— отвечает медсестра,— вы лучше беспокойтесь, чтоб кости срослись. Старые кости хрупкие.

Но Авдотьюшка горюет — не унимается.

— Там ведь и мясцо было, и селедочка, три короба, и хлебец, и яйца, два пакета... Однако пуще всего кошелочку жалко...

В той же больнице, где Авдотьюшка, инженер Фишелевич лечился, кибернетик низкооплачиваемый. В больнице, как в тюрьме, люди быстро знакомятся.

— Юрий Соломонович.

— Авдотья Титовна.

— У вас, Авдотья Титовна, что?

— Пихнули меня.

— А что это такая за болезнь? — иронизирует Фишелевич.— У меня, например, перелом правой руки.

Пригляделась Авдотьюшка.

— Точно,— говорит,— тебя из очереди в правую сторону выбросили, я вспомнила. Но не горюй. Без яиц остаться не так обидно, как без колбасы.

Среди больных заслуженная учительница была с тазобедренным переломом. Начала она обоих стыдить:

— Как вы можете вслух такие анекдоты рассказывать.

— Какие анекдоты,— говорит Авдотьюшка,— все правда святая... Яйца болгарские, а колбаса советская.

— Вы еще и антисоветские анекдоты про Варшавский договор здесь рассказывать вздумали,— возмущается учительница и еще более стыдит, а особенно Фишелевича, того по еврейской линии стыдит и обещает выполнить свой гражданский долг.

— Позвольте,— пугается Фишелевич,— слова Авдотьи Титовны советская печать подтверждает,— и достает из тумбочки большую книгу в коричневом переплете.

Часто читал Фишелевич эту книгу, и все думали — роман читает.

— Вот,— говорит Фишелевич,— вот сказано: к наилучшим деликатесным сырокопченым колбасам заслуженно причисляют колбасу «советскую». В ее фарш, приготовленный из нежирной свинины и говядины высшего сорта, добавляют очень мелкие кубики твердого шпика, который дает на разрезе привлекательный рисунок. Обогащают вкус и аромат «советской» колбасы коньяк или мадера и набор специй. Перед использованием рекомендуется нарезать колбасу тонкими, полупрозрачными ломтиками.

И с тех пор часто читал Фишелевич книгу вслух. Много нового узнал из нее больной народ. И про сервелат, и про колбасу слоеную, и про уху из стерляди, которую лучше всего подать с кулебякой или расстегаем. В тарелку с ухой можно положить кусок вареной рыбы.

— Любите рыбку, Авдотья Титовна?

— Уважаю...

От такого чтения у учительницы поднялась температура, и она перестала выходить из своей палаты. А Авдотьюшка слушает, слушает: «Эх, все бы это да в кошелочку». Кошелочка-кормилица ей родным существом была. Она ей по ночам несколько раз снилась. Привыкла Авдотьюшка к своей кошелочке. Как это она другую сумку возьмет, с ней по очередям ходить будет? Печалится, горюет Авдотьюшка. Однако раз медсестра говорит:

— Родионова, вам передача.

Родионова — это Авдотьюшки фамилия. Глянула Авдотьюшка — кошелочка... Еще раз глянула — кошелочка... Не во сне, наяву — кошелочка... Мясца нет, конечно, и яичек, да и из трех селедочных коробок — одна. Но зато положена бутылка кефира, пакетик пряников и яблочек с килограмм...

Как Авдотьюшка начала свою кошелочку обнимать, как начала Буренушку гладить-баловать... А потом спохватилась — кто ж передачу принес? Одинокая ведь Авдотьюшка. Полезла в кошелочку, на дне записка корявым почерком: "Пей, ешь, бабка, выздоравливай». И подпись — «Терентий». Какой Терентий?

А Терентий — это тот подсобник с морской татуировкой, с «Порт-Артуром» на груди.

Значит, и в самых темных душах не совсем еще погас Божий огонек. На это только и надежда.

Апрель, 1981 год.

Об этом времени сказал один зэка:
«Смерть стала роскошью,
смерть стала сверхудобством».
А чем же стала жизнь?
Растленьем языка?
Иль похотью души?
Иль разума холопством?

С. ЛИПКИН

1

В статье «Гуманизм и современность», написанной в 1922 году, Осип Мандельштам (его, по свидетель-

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

ству жены, «величие государственных форм социализма... не ослепило, а скорее испугало») писал: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него надо строить, а не для него». В качестве предостерегающего примера такой государственности он приводил Ассирию и Древний Египет: «...обращаются с человеческой массой как с материалом, которого должно хватить...»

Что определяет особенность советского человека — отличие его от других? Советский человек — это не просто человек той или иной национальности, живущий при советской власти. Советский человек — это человек, не только лояльный по отношению к государству, но и активно «строящий» социализм и коммунизм, «винтик» государственной машины — в отличие от живущего здесь же человека заведомо подозрительного, человека второго сорта, объявленного не советским, хуже того — антисоветским. Советский человек — это как бы метафора всего советского народа, а на самом деле — мутационное следствие миграции и манкуртизации, а также «национальной», то бишь «интернациональной политики».

Сейчас много говорят о том, что межнациональные конфликты характерны для современного состояния мира, что они перманентно вспыхивают то в Европе, то в Азии, то в Африке; что в этом смысле процесс идет даже в некотором роде утешительный: мол, мы ничем не отличаемся от мировых стандартов... Я думаю, что, конечно, доля истины в этих утверждениях есть, но только — доля, и притом незначительная. На самом же деле мы только лишь начинаем расплачиваться за наши непомерные мессианские амбиции и иллюзии. Одна из таких живучих иллюзий, один из мифов, пропитавший, кстати, сознание многих людей,— это миф о едином советском народе и о советском человеке. Эти два понятия абсолютно взаимосвязаны и практически взаимозаменяемы. Но особенность — и очень коварная — этого мифа состоит в том, что он одновременно и миф, и реальность. Воплотившийся миф, если хотите. Или мифологизированная действительность. Можно и так обозначить эту химеру.

Для объяснения термина «химера» (ничего оценочного я в это слово не вкладываю) процитирую известного этнолога Льва Николаевича Гумилева: «Химера — сосуществование двух и более чуждых этносов в одной экологической нише. Обычно химеры — последствия миграции и, как правило, неустойчивы» («Вопросы философии», 1989, № 5). О том, что многие этносы, несмотря на общность условий, ощутили не только чуждость, но и враждебность друг другу, свидетельствуют события в Алма-Ате и Сумгаите, Фергане и Баку, Новом Узене и Оше (что дальше? В цепной реакции национальных конфликтов трудно предугадать пункты развития событий). Однако эта враждебность, на мой взгляд, вовсе не свидетельствует о роковом этническом противостоянии — в основе каждого этнического конфликта лежит социально-историческая проблема отечественного тоталитаризма, беспрекословной подчиненности «гордого» советского человека (который «проходит как хозяин»...) власти. Свидетельства политзаключенных пестрят упоминаниями о «литовских националистах», «украинских националистах», «эстонских националистах», крымско-татарских и т. п. Гордость за свою нацию распределялась отнюдь не поровну. Гордиться официально позволено было — с конца 30-х годов — русским. А украинцам, например,— уже нельзя, о чем свидетельствуют судьбы Миколы Руденко, Василя Стуса, десятков украинских «националистов».

Миграционные процессы в СССР были целенаправленной внутренней политикой системы, видевшей в каждом человеке, приверженном своей истории и культуре (кроме великой русской), из которой исключалось подлинное богатство культуры и которой тем не менее советский человек обязан был гордиться, кровного врага и антисоветчика.

Миграция в СССР шла не только этническая, хотя по числу механически переселенных народов, я полагаю, мы чуть ли не обогнали великое индоевропейское переселение, экспроприировав не только средства производства, но и сам Божий промысел. Миграция шла и классовая — на место уехавших в эмиграцию или высланных специалистов, на место уничтоженных — сначала дворянства и священства, а затем и интеллигенции — призывались все новые «наборы». Я уж не говорю о «раскулачивании», о переселении миллионов крестьянских семей, вырванных из толщи своей культуры и микросоциальной среды. Шел грандиозный процесс деструктуризации общества, превращения его в единую послушную пластилиновую массу, люмпенизации гражданского населения страны. По подсчетам Е. Старикова («Знамя», 1989, № 10), за время существования советской власти десятки миллионов человек сменили место жительства. Прибавим к этой колоссальной цифре еще десятки миллионов погибших от репрессий, затем — жертв Великой Отечественной войны, для того чтобы масштабы демографических изменений стали более впечатляющими. Нравственность? Нравственности был нанесен урон тяжелейший, и последствия этого урона — уродливо сформированный менталитет миллионов людей нескольких поколений. Что же касается рабочих, класса, именем которого клялся режим, то, по верному замечанию Даниила Андреева, «...эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают всего ужаса своего положения. Утратившие связь с матерью-землей и не вознагражденные за это приобщением к мировой культуре, психически искалеченные вечной возней с машинами, эстетически колеблющиеся от красот индустриального пейзажа до частушки и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они как огня боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью. Природа для них мертва, философия — смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них лишь высокомерную насмешку невежд, и только наука вызывает чувство инстинктивного уважения, как нечто бесспорно высшее, чем они. Их отдых — карты, водка, домино, спорт, примитивный флирт да кинематограф. И пусть не лгут, будто я клевещу на этих людей: им слишком долго кадили фимиамом, их растлевали потоками демагогической лести и лжи; приходит время, когда перед ними поставят их собственные, ничем не разукрашенные портреты» (Даниил Андреев, «Роза мира» — «Искусство кино», 1990, № 5).

Интеллигенция, до революции жертвовавшая собой ради «народных интересов», оказалась растоптанной сапогами — нет, не только Сталина, нет, не только партии (или «внутренней партии»)... Безвременно умерший философ и прозаик Владимир Кормер, с чьим романом «Наследство» нас начал с пятого номера знакомить «Октябрь», в работе 1969 года «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» совершенно справедливо писал: «...Советская идеология сама есть дело рук интеллигенции... Интеллигенция не смела выступить не только оттого, что ей не давали этого сделать, но и оттого в первую очередь, что ей не с чем было выступить. Коммунизм был ее собственным детищем» («Вопросы философии», 1989, № 9). Интеллигенция постоянно поддавалась все новым искушениям («Ты рядом, даль социализма!»— это упоенное восклицание поэта»...), а затем покаянно «всю свою дальнейшую жизнь» употребляла «на то, чтобы смыть с себя позор этих строк» (там же). Интеллектуальная элита вступала в союз с чернью, образованной из народа тоталитарным режимом.

Ответственности художника посвящена глава из книги немецкого философа Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма», книги, переведенной со времени ее создания — 1951 год — на множество языков мира, до последнего часа — кроме русского. Теперь глава из нее напечатана в журнале «Иностранная литература» (1990, № 4). «Тоталитаризм у власти,— пишет Ханна Арендт,— непременно замещает все первоезрядные таланты, невзирая на их симпатии и к нему, фанатиками и дураками, недостаток умственных и творческих способностей у которых остается лучшей гарантией их послушания» (Разрядка моя.— **Н. И.**).

Стандартизация, усреднение жизни посредством перемешивания масс населения, в которое превращались народы, насильственное «омассовление» и дегуманизация культуры были и предпосылками, и сущностью тоталитаризма, чья победа в нашей стране была единственно реальной из планируемых побед всех возможных «измов».

2

В отличие от И. Шафаревича, популяризировавшего обновленную националистической краской теорию о «малом народе», планировавшем и осуществившем свой заговор насилия над «большим народом», я, анализируя все новые и новые документы, свидетельства, воспоминания очевидцев террора, не могу не задуматься не только над жертвами, но и над палачами, в которых победившим тоталитаризмом превращались массы. Ведь этот режим благословен отнюдь не только для «вождей»; этот режим осуществляет общественный договор между массой и вождем. «Так не эти ли толпы,— справедливо спрашивает читатель Иван Щербаков из Ленинграда,— кричали Пилату, выведшему на суд народный Христа: «Распни Его, распни! Кровь Его на нас и детях наших!»? Не такие же ли массы шли сначала на штурм Бастилии, а потом топили женщин и детей в реках? Не они ли шествовали колоннами по Красной и другим площадям в 1937—1939 годах, скандируя: «Смерть шпионам!», «Расстрелять троцкистско-бухаринских выродков!», не они ли сбрасывали колокола с храмов, глумились над иконами, взрывали церкви?» («Век XX и мир», 1990, № 4). Или — в очередной раз — будем себя утешать тем, что не мы, а они виноваты, опять искать козлов отпущения, хоть бы и в «малом народе», хоть бы и в Сталине?..

Нет, не в Сталине дело и не в Ленине — дело в нас, нашей массовой психологии, опоре как национал-социализма, так и нашего, назовем его хоть казарменным, хоть развитым, каким хотите.

Перенесемся на мгновение из 30-х годов в 70-е.

Уже — в наше время. Или, если угодно от времени отречься,— во время, текущее при нас, на наших глазах.

Елена Георгиевна Боннэр вспоминает, что после публикации в «Известиях» 3 июля 1980 года письма четырех академиков поднялась буря писем от советских людей, гневно осуждающих Сахарова. «Пошел поток писем — 20 в день, 50 в день, 70, 100, дошло до 132-х в один день... Сахарова ругали и клеймили всячески, письма были индивидуальные и коллективные. Когда мне друзья говорят, что они инспирированы, я могу противопоставить этому только свою абсолютную уверенность в том, что это пишет советский народ... Много священнослужителей, много пенсионеров, большинство — ветераны войны... Многие письма (после публикации в «Смене» клеветнической статьи Н. Яковлева.— **Н. И.**) стали откровенно антисемитскими...» («Нева», 1990, № 5).

А ведь задолго до такой остервенелой реакции, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, реакция простых людей на жизнь и судьбу репрессированных режимом была совершенно противоположной. Как могли, милосердно поддерживали, помогали, добросердечно утешали, делились последним.

Это была подлинно народная, святая реакция души народной, всегда с точки зрения высшей справедливости безошибочно отделявшей невинно страдающих. Как же надо было «потрудиться» режиму над народом, чтобы добиться от него оголтелой ненависти, чтобы деморализовать людей, привить им уголовную и блатную психологию — прогнав через лагеря и тюрьмы миллионы людей с помощью тоже миллионов...

Да, «толпа, погром, фашизм — как все сходится в нашем мире к одному» (Е. Боннэр). А ведь народ, у которого вырваны корни, народ, который разрушает свои храмы, народ, обработанный режимом, при таких условиях способен превратиться в толпу — недаром в словаре Даля эти слова не удалены одно от другого. В журнале «Вопросы философии» в прошлом году (№№ 3—4) была напечатана ранее находившаяся у нас под запретом работа испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». В ней он исследует грозное явление современности XX века: власть масс именно в тот момент, когда Европа переживала свой самый тяжкий кризис. «Толпа — понятие количественное и видимое,— пишет Ортега-и-Гассет.— ...Масса — это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса — это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество: оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного «общего типа».

В нашем обществе основополагающей чертой характера такого «общего типа», или «советского человека», был прежде всего страх. Недаром А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» по отношению к нам (да-да, вы не ошиблись, именно к нам, то есть и ко мне, и к вам!) употребляет постоянно слово «кролики», «чего не скажешь о кроликах, нас», «мы, кролики, опять промолчали» и т. п. О том же пишет и В. Кормер: «Человек ощущал себя червем, он заползал в щель, он вытравлял из себя все человеческое, равняясь на последнего мерзавца. Страх был непереносим». Недаром и Ф. Искандер обозначил нас именно кроликами в своей философской сказке «Кролики и удавы». «Страх ни в чем убедить нельзя и ничем — ни словом, ни делом,— замечает Е. Г. Боннэр.— Преодолеть страх можно только самому». А где ее взять, эту самость, это драгоценное качество самостоянья (в котором и есть достоинство человека), если... опять-таки «мы все, советский народ, как один человек»?

Да, были (и есть) замечательные люди и среди рабочих, среди крестьян, были личности, которые все понимали, на которых не действовали одурманивающие лозунги типа «Да здравствует великий советский народ!», развешанные по всем райкомам и сельсоветам. Но эти люди немедленно объявлялись врагами и отщепенцами. «Кто выглядит не так, «как все», кто думает не так, «как все», тот подвергается риску стать изгоем. Конечно, эти «все» — еще далеко не все. Все без кавычек — это сложное единство однородной массы и неоднородных меньшинств. Но сегодняшние «все» — это только масса. Вот страшный факт нашего времени, и я пишу о нем, не скрывая грубого зла, связанного с ним» (Ортега-и-Гассет, 1930 год).

3

Для таких стран, как Америка, испанский философ представлял характерным в эпоху «восстания масс» господство «вульгарной, мещанской души», прямо заявляющей свое право на посредственность. Надо сказать, что в данном случае он был прав лишь отчасти — в Америке возобладало не вульгарное, а прагматическое сознание, с известной прагматичностью впитавшее и утонченную европейскую культуру. В Европе же (включая и Россию, хотя мои европейские коллеги не вполне охотно ее туда допускают) последствия «восстания масс» были несравненно более разрушительными — как для культуры материальной, так и для нравственного здоровья. Послереволюционный век стал веком упадка человека в нашей стране. Упадка, особенно разительного в сравнении с «золотым» для русской культуры XIX веком, гордым наследником которой совершенно неправомерно объявил себя советский человек...

Нет, вовсе не миф «советский человек». Вот, например, судьба поэта, чей голос ясно звучал в голодном осажденном Ленинграде, поднимая дух сограждан. А до войны, в конце 30-х, она же, Ольга Берггольц, была арестована, отсидела (хоть и не так долго, «всего-то» 171 день) в тюрьме; у нее случился там выкидыш; вот ей почти каждую ночь снятся тюрьма, арест, допросы (дневник Ольги Берггольц, 4 сентября 1939 года). К очередной годовщине Сталина у нее, уже прозревающей («твоя вина!»), не взяли в газету «стишок о Сталине», который она сочинила, как выясняется, еще сидя в тюрьме. «И вдруг мне захотелось написать Сталину об этом: о том, как относятся к нему в советской тюрьме. О, каким сиянием было там окружено его имя!» («Нева», 1990, № 5).

И именно ей, красавице, умершей впоследствии от алкоголизма, были посвящены еще в начале 30-х знаменитые строки убитого в тюрьме ее первого мужа, Бориса Корнилова, строки, которые распевала как песню любимую «вся советская страна»: «Не спи, вставай, кудрявая...».

«Эпоха масс — эпоха массивного» — афоризм все того же Ортеги.

Смятенное народное сознание «избавляли» от фольклора, заменяя его псевдонародными развеселыми частушками и грубо стилизованными песнями. Русские народные танцы, плавные и степенные, подменялись потогонными плясками «народных ансамблей». Место разветвленнейшей науки о русском национальном костюме (у каждой области — свой) занял обобщенный псевдорусский сарафан невероятного цвета и размера. Нить крестьянской культуры была оборвана. Нить культуры дворянской — тем более. Пролетарской культуры как таковой вовсе не существовало, ее следовало изобрести в противоположность некоей столь же загадочной «буржуазной». Так в столкновении и борьбе фантомов закладывались основы культуры советской, главными чертами которой были монументализм, военизированность, ориентация на «светлое будущее», культ юности. И уж, конечно же,— вненациональность (под эвфемистическим лозунгом о «национальном по форме, социалистическом по содержанию»). Все эти признаки должны были успешно сочетаться в тех произведениях, которые создавались методом социалистического реализма.

Я, кстати, отнюдь не разделяю модного нынче мнения, что соцреализма вовсе как бы и не было, что это фикция, «фу-фу», как говаривал Чичиков о мертвых душах. Нет, он, то бишь соцреализм, не только существовал, но и оставил более чем весомые и материальные свидетельства своего существования. Можно даже совершать многочасовые экскурсии по этим свидетельствам — как в нашей стране, так и за рубежом. У нас — целый заповедник искусства соцреализма на ВДНХ: могучие девушки и мускулистые юноши, держащие в руках полновесные снопы из колосьев пшеницы; застывшие в тупом величии быки и коровы; фонтан «Дружба народов» с примитивной национальной символикой. По нашим паркам и пионерлагерям доживают свой век постепенно становящиеся раритетными девушки с веслами, мальчики-горнисты, девочки, отдающие пионерский салют,— этот набор гипсовых уродцев создан немалым отрядом отечественных соцреалистов. Устрашающий памятник Ленину на Октябрьской площади сооружен уже в наши дни — по «традиции». Ленин здесь изображен грудь колесом, настоящий богатырь! А памятником Ильичу в Дубултах (Юрмала), чудовищным по грубости, можно только пугать детей. На берегу Волги видали, говорят, и Ленина, у которого правая вытянутая рука в два раза длиннее левой...

Советский человек с младых ногтей вываривался в котле этого искусства. Он изучал в школе «Счастье» Павленко и «Поднятую целину» Шолохова, «Хорошо!» Маяковского и «Педагогическую поэму» Макаренко. Писал выпускное сочинение о положительных образах. В кино ему позволено было наслаждаться «Путевкой в жизнь» и «Светлым путем», в крайнем случае — «Весной» (названия-то все светлые, как на подбор). С плакатов на него доброжелательно и требовательно смотрели седоусые рабочие и женщины без возраста (чуть не сказала — без пола) в красных косынках. И ему, зрителю, читателю, простому советскому человеку, внушалось, во-первых, что все это хорошо, а во-вторых, что это и хорошо-то лишь потому, что ему, простому советскому человеку, все понятно. И самое главное — ему внушалось полное единство понятий государства и русской нации; имперская идея настойчиво объединялась в сознании миллионов людей с идеей русской:

Нет в мире подобных России раздольной,
Цветов наших ярче и крепче пород,
Бессмертен народ наш, великий и вольный,
Наш русский, наш вечный, наш гордый народ!

(А. Прокофьев)

Русский народ, живущий в нищете и бесправии, отравленный «духовной пищей», подобной процитированным стишкам, должен был испытывать одно чувство: чувство полного удовлетворения.

Остальные народы, те, которых «сплотила навеки великая Русь», должны были испытывать еще одно чувство: чувство бесконечной признательности русскому народу. На этом строилась «вековечная и нерушимая» дружба, горькие плоды которой мы пожинаем сегодня.

4

Только что в издательстве «Советский писатель» вышел из печати сборник «Избавление от миражей. Соцреализм сегодня», в котором опубликовано письмо-воспоминание И. Гронского, откровенно рассказывающего о том, как сам этот термин (соцреализм) был изобретен Сталиным и в каких целях: в целях «художественной политики партии». От основ этой «политики» мы, слава Богу, избавляемся сегодня; но и впадать в благодушное настроение рановато: начальственно-партийное стремление «руководить» процессами в литературе, насильственно идеологизировать литературу в имперско-русифицированном направлении и по сей день откровенно читается в документах, исходящих из Секретариата Союза писателей РСФСР. Симулянтская литература официоза, пытавшаяся подменять настоящую, представляла собой громоздкую, тщательно разработанную иерархическую структуру, в которой присутствовали все уровни, все жанры: проза и поэзия, драматургия и документалистика, эссеистика и, конечно же, обслуживающая ее критика. Создавались многотомные исторические эпопеи и производственные романы, маленькие повести и короткие рассказы, поэмы и стихотворные циклы. Нельзя сказать, что авторы их не трудились — нет, они работали в поте лица своего, а потом еще и давали всяческие интервью, и выступали перед читателями, и участвовали в «дискуссиях». На страницах «толстых» журналов, в литературных газетах постоянно организовывались псевдоспоры, споры-фантомы: о положительном герое, о взаимоотношении прозы и поэзии, о гражданственности и партийности, о народности и эпичности. Работал огромный механизм, производивший идеологическую мертвечину. А критика? О творчестве Г. Маркова было выпущено семь (!) монографий, несколько — об Ан. Иванове, П. Проскурине, А. Чаковском, В. Кочетове... Сейчас уже много написано гневных статей на тему о «тиражах и миражах»,— нет, борьба нынче идет не за тиражи, а за жизнь или смерть. Симулянтская литература перед лицом воскресших вопреки ее воле (вспомните крики о «некрофилии»!) романов и повестей Платонова и Шаламова, Булгакова и Замятина, Пастернака и Домбровского, Пильняка и Гроссмана, перед лицом ахматовского «Реквиема», стихов и прозы Мандельштама и Цветаевой не просто съежилась — она показала свою полную неконкурентоспособность, более того — мертвость. Маски спали, обнажилась суть. И ведь не только в одиозных и полностью бездарных фигурах здесь дело, а и в тех, кто был одарен и даже талантлив, но поставил свой талант на службу идеологии — пусть даже не в полном масштабе.

«Советская литература» имела огромный диапазон внутри себя самой — от откровенной халтуры до вещей, безусловно, созданных талантливыми людьми, но идеологизированных и оттого — ограниченных и не переживших момента своей публикации. Итак, «мертвые», казалось бы, произведения, забитые, затоптанные, уничтожаемые, похороненные, воскресли, а «живые» закостенели, омертвели на глазах читателя. Ситуация драматическая — особенно для тех, скажем так, «пятидесятилетних» ныне писателей, которые сформировались духовно еще в «той» атмосфере,— я имею в виду тех, кто не нашел в себе достаточно сил для внутреннего сопротивления (как все-таки нашли их В. Маканин и Р. Киреев, А. Курчаткин и А. Ким, хотя и им сегодня трудно), а принял «правила игры». Вещь эта очень опасная и самообманная: принять правила игры. Ведь очень часто человек обманывает не власть, а прежде всего себя самого: ему кажется, что он верно выбрал тактику и, проникнув в лагерь псевдолитературы, он «взорвет» его изнутри. На самом деле, увы, все получается иначе: гигантская структура сначала обволакивает его почти незримой, такой легкой паутиной всяческих связей, казалось бы, не очень и важных, а потом получается, что она-то его, «тактика» великого,

и подмяла под себя, и уже из этой липкой золотящейся паутины не вырваться, и кровь уже подменена, и коготок увяз, и... всей птичке пропасть.

Этот самообман приводил не только к конформизму, но к вещи еще более саморазрушительной: к духовному коллаборационизму. Эта нравственная зараза поразила отнюдь не только худшую, бездарнейшую часть интеллигенции. Механизм духовного коллаборационизма был до цинизма прост: например, написать пропагандистское предисловие к изданию запрещенного поэта и тем самым способствовать его приближению к читателю. Нравственные последствия при этом не учитывались.

Эту механику самообольщения «тактикой» я изучила на себе самой: несколько лет я проработала в «Знамени» с той идеей, что я-де буду противостоять «плохому», а способствовать «хорошему», так «плохое» все равно шло в набор, минуя меня, просто и грубо «сверху»; а на мое «хорошее» был отряд запретителей — и что же? Баланс отнюдь не в мою пользу.

А язык?

5

О, язык этой литературы тоже специфический, тоже советский, а не русский. Недаром талантливый прозаик из практически не печатавшихся в прошлом Геннадий Головин недавно заметил: «Ведь Чехов и Толстой писали в нашей стране, на нашем языке», а теперь у многих писателей «словарный запас две тысячи слов, не больше». Он полагает, что языковая бедность современной литературы от того, что «авторы мало работают над словом» («Книжное обозрение», 1990, № 24), я же думаю, что причина глубже, что она коренится именно в нашем советском менталитете, что нам и не нужна была богатейшая русская лексика — из самой жизни она исчезла. В фильме Киры Муратовой «Астенический синдром» героиня в конце ругается матерно; в фильме Ст. Говорухина «Так жить нельзя» разговаривают так, как говорить по-русски нельзя! И это все — мы, наше сознание, наш язык. И ленинградские «митьки» с их уже до абсурда доведенным языком, в котором и осталось-то только: «Дык елы — палы», прямо отражают языковую реальность, господствующее в стране косноязычие, заменившее немотствование общества в такой огромной стране.

Драгоценный язык первой волны эмиграции, возвращаемый нам сегодня благодаря публикациям прозы и стихов В. Набокова, В. Ходасевича, Г. Иванова и других,— это совсем другой язык, с богатейшей лексикой и изысканным синтаксисом. Утраченный нами, говорящими не на русском языке, а на каком-то суржике, язык. Этот язык передавался не только с языком и культурой матери (в драматических, покаянных воспоминаниях великого русского актера Евгения Лебедева меня потрясла одна деталь: первое, что видел младенец, что он ощущал сосущими губами, был крест на груди матери), не только с кровью, но и с молоком кормилицы:

И вот Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.
И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Ходасевич чувствовал утрату поэзией языка, верил в его возрождение и пророчествовал: «разрушенные члены русского языка и русской поэзии вновь срастутся». Но как долго будет идти этот мучительный процесс — Бог весть. В статье конца 20-х годов «Помпейский ужас», недавно републикованной «Новым миром», я нашла мысль, трагически соотносимую с судьбой нашего языка: «Страшно здесь не количество, а качество умираний». И еще, в «Записной книжке» запись от 25 июня 1921 года: «Боюсь, что и русский-то язык сделается тогда «мертвым», как латынь...» Чудовищный урон языку русскому принесла «лагерность», не только то, что через лагеря и тюрьмы вместе с уголовниками были пропущены миллионы людей, но то, что людям, по верному замечанию Б. Хазанова, было привито «криминальное сознание» («Искусство кино», 1990, № 5).

Сегодня попыткой возвращения к настоящему русскому языку видится мне (из «текущей» словесности) проза Михаила Кураева. В последней вещи — «Маленькая домашняя тайна. Из семейной хроники» («Новый мир», 1990, № 3) автор настаивает на попытке «спасти от захирения и увядания старинный и почтенный жанр», а спасает — вместе с жанром — и его плоть, язык. История двух пожилых людей, вся жизнь которых старалась пройти по касательной к режиму; людей, которых этот режим, как Медный Всадник — бедного Евгения, пытался догнать и унизить — новый отечественный вариант вечного, увы, русского сюжета о «бедных людях». И недаром, я думаю, М. Кураев в предыдущей своей маленькой повести, «Ночной дозор» («Новый мир», 1988, № 12), транспонировал язык на два голоса: штатного гебиста (советский язык) и неведомого автора, восхищенного красой белых ночей своего города, лирика, говорящего на пластичнейшем русском языке. Этот контраст двух неслиянных языков лучше всех инвектив говорит нам об утраченной культуре (и мне искренне жаль, что критики, заметившие эту повесть, отнеслись ко «второму голосу» в лучшем случае с оттенком легкого недоумения — мол, зачем он здесь понадобился). Вернуть присущее русскому языку утраченное благородство, опрятность и сдержанность, воскресить его от паралича можно лишь с возвращением благородства сознания. Еще 20 мая 1921 года Ходасевич записал в дневнике: «Коммунизм — внутри нас». Так же, внутри нас,— и язык.

Родина, степь да степь,
Мат-перемат с детсада...

Я уж не говорю о языке наших государственных и политических деятелей,— этот особый сюжет оставляю для следующей статьи. Замечу лишь вкратце, что, на мой взгляд, ни Горбачев, ни Ельцин, ни тем более Лигачев или Полозков свободно порусски не изъясняются, а продолжают говорить на партийно-советском «диалекте». И пока от этого «диалекта» они не избавятся, полного взаимопонимания с теми, кого они упорно продолжают называть «наши люди», не будет.

Слово начало пробуждаться, но от «дык елы — палы» к русской речи путь долгий. Нет, соцреализм — не миф; и в прекрасном сборнике, выпущенном издательством в 1990 году, мне не хватит последних свидетельств бытования идеологии соцреализма внутри писательского подразделения, то бишь российского Секретариата.

Если б только Секретариат!.. Это было бы большим утешением.

И «рядовые» могучего союза (как с маленькой буквы, так и с большой) демонстрируют свою приверженность к идеологическим заветам (равно как и запретам) соцреализма. Они — истинные духовные наследники разврата душ, происходившего в течение десятилетий,— душ и языка. Язык ведь все выдаст, все обнажит.

В письме, присланном в поддержку «письма 74-х» писателями Новосибирска, читаю текст, достойный пера сатирика: «Многолетний опыт работы новосибирских писателей, внесших заметный вклад (именно так — о себе самих, родимых! — **Н. И.**) в развитие литератур народов Зауралья, укрепление межнациональных культурных связей, развитие русской литературы, дает нам (и в третьем лице о себе, и в первом — хороши стилисты.— **Н. И.**) основание заявить, что в этот трудный час мы твердо будем стоять на позициях российского патриотизма и традиций великой русской культуры» («ЛР», 1990, № 19). А вот и голос «жителей города Минска», как они себя рекомендуют: «В нем (в письме 74-х.— **Н. И.**) глубоко и правдиво вскрываются силы (так! — **Н. И.**), которые под видом «плюрализма» злобно клевещут на прошлое и настоящее России... Мы с гневом наблюдаем... Требуем прекратить...» — узнаете лексику? Словарный состав группового «советского» мышления 30-х годов до наших дней практически не изменился. «Как мать говорю и как женщина — требую их к ответу»,— замечательно пародировал этот стиль «мышления» Александр Галич. Раньше они же «требовали заклеймить» тех, кто «злобно клевещет» с Запада; теперь в родных палестинах нашли себе врагов. Раньше этот истерический псевдопафос был направлен против «отщепенцев от социализма», теперь — против «отщепенцев от России». Читаю дальше подборку писем: «От своего имени и от имени членов...», «всецело поддерживаем», «аргументированно противостоять разного рода вредоносным «мозгам» типа...» — перечисляются неугодные, мягко говоря, имена; «призываю честных людей возвысить свой голос...» Читают ли они то, что пишут? Думают ли при этом — хотя бы о судьбе русского языка, под их пером вырождающегося в монстра? «Краеведы единодушно высказались в поддержку... выразили удовлетворение по поводу участия...» Русские, владеющие великим русским языком, где вы?

Не на русском языке все это написано, а на советском. Не впитанном с молоком матери или кормилицы, с хлебом духовным великой русской литературы, а впечатанном советскими газетами, травившими буквально в тех же выражениях великих русских писателей — Ахматову и Зощенко. Кстати: обдумывая эту статью, я впервые прояснила для себя самой, почему же столь не сходные писатели были объединены ненавистью идеологической власти. Да потому, что Ахматова блестяще владела русским и развивала его, а Зощенко блестяще — и первым! — уничтожающе пародировал и объективизировал косноязычие языка советского. Из всех публицистических статей Л. К. Чуковской, в последнее время напечатанных в журнале «Горизонт», больше всего меня потрясли не выступления советских писателей, исключивших ее из своих «рядов», а кипящее неприязнью по отношению к Пастернаку, которого он, конечно же, не читал, слова обычного советского молодого шофера (статья «Гнев народа» — «Горизонт», 1989, № 7).

Не обманывайте себя, дорогие новосибирские писатели,— вы пишете на советском языке, вернее новоязе, и вы действительно «твердо стоите на позициях», только не великой русской культуры, а субкультуры советской, которая насильственно вытесняла или пыталась подменить собой как русский язык, так и русскую литературу в целом. Эта лексика берет начало в процессах 30-х годов, в лексике палачей типа Вышинского. Совершенно справедливо замечает в «Страницах одной жизни (штрихах к политическому портрету Вышинского)» А. Ваксберг, характеризуя кровоточащую «устную литературу» своего героя: «стремление придать тошнотворной, но увы, обыденной уголовщине непременно политическую окраску... промелькнут и «агенты», и «лазутчики», и «духовные диверсанты», и «всевозможный буржуазный смрад» («Знамя, 1990, № 5). Вот из каких ядовитых корней произрастает тот советский язык, которым до сих пор не брезгуют пользоваться не только писатели, но, как показал Учредительный съезд РКП, и «простые советские люди».

Поразительное косноязычие новоизбранных депутатов — как российских, так и всего Союза — объясняется не отсутствием мысли (она как раз большей частью присутствует!), а воспитанием в языковой среде, как раз и созданной нашей советской литературой, в том числе теми, кто громче (и штампованней) всех кричит сегодня о великих русских традициях. И лексика наших государственных и партийных деятелей полностью отражает, увы, этот советский менталитет — самое отягчающее наследие тоталитарной системы.

Если румынские шахтеры смогли взять в руки железные прутья против студентов, разгромить штаб-квартиры оппозиционных партий, а отечественные средства массовой информации сначала с восторгом об этом позоре сообщили, а потом, словно слегка застыдившись, начали прикрываться, как фиговым листком, «реакцией западных средств массовой информации», то, спрашиваю, какой политический и культурный менталитет сохраняется (и — формируется) и сегодня?..

Русский язык стоит перед опасностью полного вырождения. А посмотрите на лица, которые нас окружают, внимательно вглядитесь в лица офицеров высшего состава, весело аплодирующих словам своего коллеги о том, как славно порубали наши деды «этих дворян» в гражданскую! Сравните их язык (и их лица) с языком и лицами тех русских воинов, чьи портреты недавно были выставлены в Ленинграде,— разница просто дьявольская. Именно так — дьявольская. И то, что произошло с нашими лицами, с нашей культурой, с нашим языком — это историческое возмездие за «рубку дворян» и «раскулачивание» крестьян, за расстрелы священников, за насильственную русификацию республик, за Будапешт 56-го, за Прагу 68-го, за... перечислять можно долго. Это расплата, о которой точно сказала в июньском номере «Знамени» Инна Кабыш:

А за окном — просторная дорога
и, как на демонстрации, народ,
но в венчике пред ним не видно Бога:
их разлучил случайный поворот.
А раз народ, великий и могучий,
идет заре навстречу не с Христом —
неважно как: шеренгой или кучей —
тогда я не с народом. Я с листом.

Так что же, спросят меня прямо и строго: ты — против народа? Вовсе нет. Отвечу: я — против фантома, ибо понятие «советский народ», которым ловко манипулировал режим, многострадальный истинный народ наш столь «успешно» самоистреблялся и одновременно наливался имперской спесью,— я считаю фантомным понятием. И недаром оно исчезло в мановение ока — в армянском, азербайджанском, крымско-татарском варианте... И литовский, и латышский, и эстонский народы проявили могучий инстинкт самосохранения в борьбе отнюдь не против русского народа как такового, тем более не против русской культуры, а просто люмпенизации народа собственного.

Что же может нас спасти от окончательной люмпенизации? Спасение народа — в его собственных руках. Только очнуться и задать себе самим, например, такую загадку: а почему же и в XVIII, и в XIX веках не от нас стремились убежать, а у нас остаться (как нынче стремятся наши в Америку, так тогда стремились к нам, в Россию)?

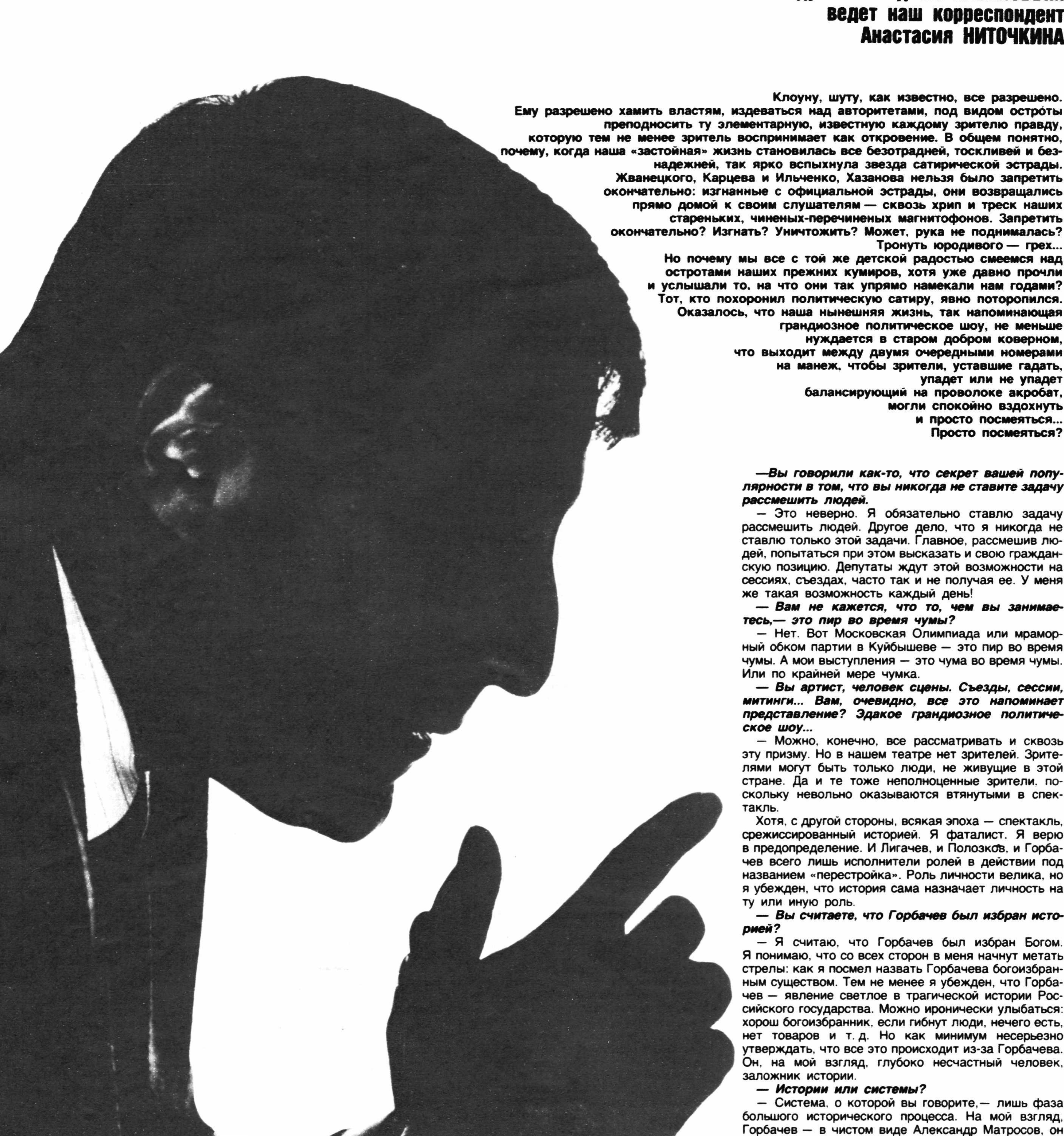
А пока... Пока у нас самих в доме худо, что же делать?

Вспомните юную Валентину из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» нынче нами в спорах горячих зря позабытого замечательного, талантливейшего драматурга Александра Вампилова, Валентину, соблазненную и брошенную залетным красавцем. Упорно восстанавливающую палисадник, который каждый мимо идущий равнодушно ломает и затаптывает.

На таких, как она,— единственная моя надежда.

ЗА ЧТО НАС ПРИГОВОРИЛИ

Беседу с Геннадием ХАЗАНОВЫМ ведет наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

Клоуну, шуту, как известно, все разрешено. Ему разрешено хамить властям, издеваться над авторитетами, под видом остро́ты преподносить ту элементарную, известную каждому зрителю правду, которую тем не менее зритель воспринимает как откровение. В общем понятно, почему, когда наша «застойная» жизнь становилась все безотрадней, тоскливей и безнадежней, так ярко вспыхнула звезда сатирической эстрады. Жванецкого, Карцева и Ильченко, Хазанова нельзя было запретить окончательно: изгнанные с официальной эстрады, они возвращались прямо домой к своим слушателям — сквозь хрип и треск наших старепьких, чиненых-перечиненых магнитофонов. Запретить окончательно? Изгнать? Уничтожить? Может, рука не поднималась? Тронуть юродивого — грех...

Но почему мы все с той же детской радостью смеемся над остротами наших прежних кумиров, хотя уже давно прочли и услышали то, на что они так упрямо намекали нам годами? Тот, кто похоронил политическую сатиру, явно поторопился. Оказалось, что наша нынешняя жизнь, так напоминающая грандиозное политическое шоу, не меньше нуждается в старом добром коверном, что выходит между двумя очередными номерами на манеж, чтобы зрители, уставшие гадать, упадет или не упадет балансирующий на проволоке акробат, могли спокойно вздохнуть и просто посмеяться... Просто посмеяться?

—Вы говорили как-то, что секрет вашей популярности в том, что вы никогда не ставите задачу рассмешить людей.

— Это неверно. Я обязательно ставлю задачу рассмешить людей. Другое дело, что я никогда не ставлю только этой задачи. Главное, рассмешив людей, попытаться при этом высказать и свою гражданскую позицию. Депутаты ждут этой возможности на сессиях, съездах, часто так и не получая ее. У меня же такая возможность каждый день!

— Вам не кажется, что то, чем вы занимаетесь,— это пир во время чумы?

— Нет. Вот Московская Олимпиада или мраморный обком партии в Куйбышеве — это пир во время чумы. А мои выступления — это чума во время чумы. Или по крайней мере чумка.

— Вы артист, человек сцены. Съезды, сессии, митинги... Вам, очевидно, все это напоминает представление? Эдакое грандиозное политическое шоу...

— Можно, конечно, все рассматривать и сквозь эту призму. Но в нашем театре нет зрителей. Зрителями могут быть только люди, не живущие в этой стране. Да и те тоже неполноценные зрители, поскольку невольно оказываются втянутыми в спектакль.

Хотя, с другой стороны, всякая эпоха — спектакль, срежиссированный историей. Я фаталист. Я верю в предопределение. И Лигачев, и Полозков, и Горбачев всего лишь исполнители ролей в действии под названием «перестройка». Роль личности велика, но я убежден, что история сама назначает личность на ту или иную роль.

— Вы считаете, что Горбачев был избран историей?

— Я считаю, что Горбачев был избран Богом. Я понимаю, что со всех сторон в меня начнут метать стрелы: как я посмел назвать Горбачева богоизбранным существом. Тем не менее я убежден, что Горбачев — явление светлое в трагической истории Российского государства. Можно иронически улыбаться: хорош богоизбранник, если гибнут люди, нечего есть, нет товаров и т. д. Но как минимум несерьезно утверждать, что все это происходит из-за Горбачева. Он, на мой взгляд, глубоко несчастный человек, заложник истории.

— Истории или системы?

— Система, о которой вы говорите,— лишь фаза большого исторического процесса. На мой взгляд, Горбачев — в чистом виде Александр Матросов, он закрывает амбразуру. Ему история написала чудовищно тяжелую роль.

— Это роль трагическая?

— Абсолютно трагическая. Дай Бог, чтобы я ошибся, но он действует в сюжете с трагической развязкой. Всем нам история уготовила катастрофический поворот. Я не могу только понять: за что такая чудовищная кара? Если бы знать...

КО ВСЕОБЩЕМУ СЧАСТЬЮ?

— Раньше то, чем вы занимаетесь на сцене, называлось «разговорным жанром». У меня такое ощущение, что сегодня вся страна, усевшаяся у экранов телевизоров и ругающая «говорильню», тем не менее уже не может существовать без этого «разговорного жанра»...

— Я не могу понять обвинений в «говорильне». Прежде чем выйти на улицу, вы совершенно точно определяете, зачем и куда вы идете. Либо вы идете в какое-то конкретное место, либо гуляете. Депутаты собираются для того, чтобы определить, куда нужно идти. Безделье? Безделье — то, чем мы занимались раньше. Мы неслись, заряженные какой-то параноидальной энергией строительства мифического общества. Трагический и фарсовый спектакль длиною в семьдесят лет!.. А пьеса называлась «Приговоренные к счастью». Партаппаратчики цинично поглядывали на этот наш бессмысленный бег по кругу и все подбадривали, подстегивали очередным идиотским лозунгом о «всеобщем счастье». Они как Паниковский в сцене с гирями. Паниковский уже понял, что гири не золотые, но приговаривает: «Шура, вы пилите». И Балаганов в надежде на золото с бешеным азартом пилит эти чугунные гири... Говоря о цинизме, я не имею в виду очень небольшую прослойку абсолютных догматиков, готовых упасть на колени при одном слове «коммунизм», «КПСС» и молиться этому денно и нощно, не понимая, что же это такое — реальный коммунизм?

— А как вы относитесь к бесконечным призывам к консолидации, скажем, с такими людьми?

— Как могут консолидироваться люди, которые совершенно по-разному понимают и тактику, и стратегию, и прошлое, и настоящее, и будущее нашей страны?

— Но ведь серьезное размежевание может привести к очень тяжелым последствиям: к гражданской войне, к вводу танков даже в Москву и т. д.

— Можно приостановить, замедлить ход, притормозить этот процесс. Осуществить то, что мы называем «постепенным переходом». Но ведь в нашем «постепенном переходе» есть точный график движения: «шаг вперед, два шага назад», «шаг вперед, два шага назад»... Нетрудно догадаться, куда мы придем, двигаясь таким образом. Стало расхожей банальностью говорить, что за пять лет перестройки мы добились демократизации, гласности и т. д. Да, можно уже выходить на улицы с лозунгами. Можно стоять около «Московских новостей» или собираться на митинг общества «Память». Уже не разгоняют и не наказывают — по крайней мере в Москве. И тут же я читаю президентский Указ о лишении генерала Калугина правительственных наград и званий. Я задаю себе вопрос: «За что?» Ничего, кроме увиденного по телевизору и прочитанного в газете «Аргументы и факты», я не знаю. Калугин высказал свою точку зрения на деятельность тех или иных подразделений Комитета государственной безопасности. Подверг эти органы очень тактичной критике. Никакого огульного охаивания не было. Больше того, он сказал, что КГБ — наименее коррумпированная организация. Простите, это что — детские игрушки? Отбирать награды, выдавать награды... Я понимаю, что сегодня, в период раскачивания государственной лодки, нашему Президенту нужно иметь поддержку в лице Комитета государственной безопасности. Ситуация в стране, мягко говоря, неоднозначная. Но я опять задаю себе вопрос: «Почему таким путем?». Еще один герой спектакля отдается на съедение. Но Горбачев и так доказал свою верность стране. А Комитет государственной безопасности обязан защищать интересы страны, а не собственный престиж.

— Вы имели какие-либо отношения с КГБ?

— Да, имел. И весьма недружеские.

Но сегодня мои жалобы на притеснения со стороны КГБ как минимум могут выглядеть кокетством... Или желанием предстать жертвой. Нет, я не жертва. Или я жертва ничуть не большая, чем все люди, живущие в нашей стране. Комитет государственной безопасности защищает интересы страны. Страна была экспериментальной лабораторией КПСС. Значит, и все правоохранительные органы, и КГБ защищали такое государство, каким оно было в тот период...

— Вы не вписывались в ту систему?

— Мы все вписывались в ту систему. Все без исключения. Просто все мы находились в разных точках этой системы координат.

— В какой точке были вы в тот период?

— Я бы назвал ее внутренней эмиграцией. Прописка у меня была московской, а паспорт советским, но по отношению к тому порядку, который был здесь установлен, я находился в эмиграции.

— Вы думаете, что «они» чувствовали это?

— Конечно.

— С этим и связаны притеснения, ну, например, запрещения выступать на ТВ с 1983 по 1985 год?..

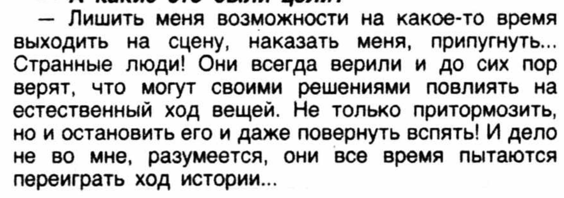
— Это были конкретные проявления, скажем так, холодного ко мне отношения. Я не подвергался гонениям, репрессиям... Во всяком случае, резко выраженным. Но и любви ко мне не испытывали никакой.

— Вас вызывали в кабинеты? Пытались...

— Много раз. И вызывали. И пытались. И достигали своих целей.

— А какие это были цели?

— Лишить меня возможности на какое-то время выходить на сцену, наказать меня, припугнуть... Странные люди! Они всегда верили и до сих пор верят, что могут своими решениями повлиять на естественный ход вещей. Не только притормозить, но и остановить его и даже повернуть вспять! И дело не во мне, разумеется, они все время пытаются переиграть ход истории...

Для меня абсолютно ясно, что мы можем перегрызть друг другу глотки. Мы можем собираться и не собираться на съезды, сессии, митинги. Можем передавать их по телевизору или не передавать. Но мы все равно ничего не сделаем с исторической предопределенностью. Российская империя заканчивает свое существование. Империя, в которой период распада начался где-то с середины XVII века... Я предупреждаю, что мои мысли — это выкладки малообразованного (говорю без кокетства), малокультурного (несмотря на работу в области культуры) человека. Своим образованием я из московской подворотни. Сейчас не важно, хорошо это или плохо. Я рассуждаю на уровне эмоционального осознания происходящего. Так вот. Уже в середине XVII века говорили, что Россия — великая самодостаточная держава, имеющая возможность жить в изоляции. Но так не бывает! Мир стремится к интеграции. В России этот процесс начал Петр I, за что и подвергался в свое время резкой критике...

— Вы не согласны с теми, кто считает, что беды в России начались с семнадцатого года нынешнего века?

— Что тогда происходило? Самодержавие пришло в упадок, царь не мог управлять страной. Ситуация вышла из-под контроля. Нарастали внутренние взрывные процессы. Зациклились все на Октябрьском рубеже! Зациклились все на Ленине! Но и Ленин выбран историей для того, чтобы трагический урок довести до абсурда. Ведь сначала партия большевиков организовывалась как партия бедных, как выразитель народных интересов, недовольных (и во многом справедливо!) существующим строем. «Колосс на глиняных ногах» — это же до большевиков о России сказано! И Гоголь писал еще до того, как они появились. А до Гоголя был Радищев, которого Екатерина назвала бунтовщиком похуже Пугачева. А разве Лермонтов состоял в социал-демократической партии, когда написал про «страну рабов, страну господ»? А Пушкин, который не знал, как уехать из этой страны,— в какой партии он состоял?

При чем тут социал-демократы? При чем тут большевики? Я убежден, что те или иные люди — исполнители ролей, написанных историей, и большевики — не исключение.

Не надо делать Сталина единственным источником всех бед. Попросту говоря, это неправда. Разрешение на террор подписывал Ленин. Сегодня (слава Богу!) это не является секретом. Можно сказать, что это террор во имя светлого будущего. Но кто дал ему право распоряжаться жизнью народа, его настоящим и будущим? Просто и этот человек играл отведенную ему роль в историческом спектакле. Путь гибели Российской империи — революция. То, что к власти пришли большевики — более рьяные, наиболее жестокие люди,— закономерно. Это было необходимо для доказательства, что царизм кровавый, но его преступления перед русским народом — просто детский лепет по сравнению с тем, что потом этот же народ пережил. Не может общество существовать под пулями. В этом случае оно делится на тех, кто сидит в тюрьмах, и тех, кто их охраняет. Весь ужас в том, что и за теми, кто охраняет, тоже сзади стоят. Это можно назвать фашизмом, большевизмом или как-то еще — сути название не поменяет. Мы все время цепляемся за частность: в чем разница между фашизмом и большевизмом? Это вопрос праздный. А суть в том, что человек НЕ СВОБОДЕН! Бог дал ему жизнь на этой земле. Не большевики. И не национал-социалисты. И никто не вправе на эту жизнь посягать. И никто не должен предписывать, как жить этому человеку. Человек сам должен выбрать, как ему жить, но от этого выбора не должен зависеть сам факт его жизни.

Представьте, сейчас мы беседуем, дверь закрыта, и я начну над вами издеваться, бить вас, голодом морить и не дам возможности выйти отсюда.

— Ну, когда мне все-таки удастся выйти, я вам жестоко отомщу!

— И будете совершенно правы! Но ведь это же происходило с каждым человеком, даже если он и не сидел в камере. Выходя к своему станку, рабочий все равно, неосознанно, но мстил. Другое дело, что в конечном итоге он мстил самому себе, потому что партаппаратчикам всего всегда хватало! А если не хватало отечественного, за наши же богатства они покупали за границей все, что им нужно. К финалу последнего акта пьесы о Российской империи (этот акт с разными картинами длится семьдесят с лишним лет) наша страна оказалась разграблена, изуродована, уничтожена. Ни одна страна в мире так себя не разграбила, как наша!

— Я помню программу «Взгляд», в которой вы выступали и говорили, что вам абсолютно безразлично, брал Лигачев взятки или нет. Вы столько раз повторили эту фразу за три минуты, что сложилось впечатление, будто вам важно было произнести в эфире: «Лигачев брал взятки».

— Как живого человека, мне от души жаль Егора Кузьмича. Мне его жаль, как очень больного человека, обладающего феноменальным физическим здоровьем. Мне действительно не важно — брал он взятки или нет. Это опять сведéние всего к частному случаю. Взятки брала вся коммунистическая партия. Она брала взятки человеческими жизнями. Вот такие это были взятки! И при всей моей антипатии к Лигачеву, Полозкову и глубокой симпатии к Яковлеву или Шеварднадзе, и тот, и другой, и третий — все! — заложники. А история лишь смотрит, как люди наносят друг другу удары, пытаются что-то предпринять...

— Скажите, с вашим темпераментом и эмоциональностью вы смогли бы присутствовать на Съезде народных депутатов или в Верховном Совете?

— Нет. Не мог бы.

— Почему?

— Я не овладел даже азами того, что называется политической культурой, и, к сожалению, проявляю большую нетерпимость к противоположной точке зрения, особенно если она выражена в агрессивной форме.

— Что вы вкладываете в понятие политической культуры в нашей стране?

— Я думаю, что это способность разума возобладать над эмоциями.

— А вообще вы терпимый человек?

— Я терпимый человек, но для этого мне нужно время. Я очень импульсивный, взрывной... Непосредственное участие в открытых спорах и форумах могло бы спровоцировать меня на необузданные поступки. Находясь на сцене и видя, что в тех или иных местах плохо смеется зрительный зал, я иногда не сдерживаюсь, раздражаюсь.

— А во что может вылиться ваше раздражение?

— В агрессию по отношению к зрительному залу или к тому или иному зрителю.

— Вы можете потребовать, чтобы из зала вывели человека, который вам мешает или плохо смеется?

— К сожалению, да.

— Я помню, была статья, где рассказывалось, что, выступая в каком-то военном гарнизоне, вы потребовали вывести детей из зала. Вас назвали капризным, не уважающим публику артистом...

— Возвращаясь к тому случаю, я могу предъявить претензии только к себе. Я не должен был соглашаться на эти выступления. Я должен был предвидеть, что зрители придут в зал с детьми, а воздух накален до 40 градусов. Дети плакали, кричали... Жанр мой рассчитан на внимание, каждое слово должно быть донесено до зрителей. Да дело даже не в словах. Хотелось бы, чтобы до зрителей долетал некий эмоциональный смысл того, что я делаю на сцене. Любая помеха мешает прежде всего зрителю. Разрываются те нити, которые с таким трудом удается все же натянуть между артистом и залом... Я не должен был выходить на сцену. Меня можно обвинять в капризах. Но кому-нибудь придет в голову упрекнуть хирурга в том, что во время операции он никого не впускает в операционную? Я уж не говорю о модных нынче экстрасенсах.

— Вы ощущаете себя на сцене экстрасенсом?

— Я вообще считаю, что профессия актера связана с элементами гипноза. Заставить зрительный зал себя слушать — это и есть гипноз.

— Так, может быть, стать депутатом — ваш долг, раз вы обладаете гипнотической силой и можете заставить зал дослушать до конца свою речь...

— Я думаю, что те депутаты, которым нужно заставлять себя слушать, обладают непробиваемой энергетической броней. Никакие попытки донести до их сознания свои мысли не увенчаются успехом. Восточная мудрость гласит: «Нельзя напоить человека, не испытывающего жажды». У этих депутатов совершенно другие установки и другие задачи. Они находятся в несгибаемой позиции. Но, как сказал Станислав Ежи Лец: порой несгибаемая позиция — результат паралича!

— Вы смотрите трансляции съездов по телевизору!

— Да, смотрю.

— Вам интересно? Или вы наблюдаете за происходящим, как артист, подмечающий характерные особенности ораторского стиля того или иного политического лидера?

— Это к сути не имеет никакого отношения. У нас в государстве, как известно, Цицеронов и Сенек не воспитывали. Именно поэтому для глубокоуважаемого министра обороны оказалось невероятной проблемой произнести слово «департизация».

Наши лидеры не умеют произносить самые близкие им по их партийной принадлежности слова. Мне иногда кажется, что они это делают умышленно, чтобы доказать свою принадлежность простому народу. Ведь простой народ говорит на чудовищном русском языке, потому что язык изуродован ничуть не меньше, чем экология или экономика. Что касается ораторского искусства, я бы сказал, что Егор Кузьмич Лигачев — лидер и пример для подражания. Но сегодня, КАК бы человек ни говорил, нас в первую очередь интересует, ЧТО он говорит. Бог с ним, даже если он не выговаривает буквы. Ведь от того, что один из лидеров Демократической платформы, Лысенко, не выговаривает букву «р», не будучи при этом евреем, он не становится для меня менее близким по духу. И, несмотря на блеск ораторского стиля Егора Кузьмича, я никогда не соглашусь с главным его тезисом: с тем, что, если человек тонет, ему нужно бросить догму, тогда он якобы спасется. Утонет обязательно!

— Политическим лидерам в нашей стране катастрофически не хватает актерства. А ведь это необходимо. Современные американские лидеры обучаются актерскому мастерству и ораторскому искусству. К сожалению, у нас этой культуры нет. Как вы думаете: можно ли ее воспитать? И если бы вам, как блистательному актеру, предложили с ними заниматься, вы бы согласились?

— Думаю, что нет. Мне бы себя научить актерскому мастерству.

— Это кокетство?..

— Нет. Мой актерский аппарат, мягко говоря, далек от совершенства. А кроме того... Я не согласен с вами. Я считаю, что Горбачев прекрасно владеет актерским мастерством. Он очень редко бывает вял и незажигателен. Я не говорю, что всегда убедителен...

— И все же профессия актера в том, чтобы убеждать.

— А он и убеждает. Вспомните, чем начался и чем закончился XXVIII съезд. Сверхзадача на этом съезде была поставлена и выполнена абсолютно точно.

— Однажды в Доме кино вы прочитали миниатюру «Как я выступал на дне рождения Брежнева». Вы действительно выступали перед ним? И выступаете ли сегодня перед нашими политическими лидерами?

— Сегодня, к счастью, наши политические лидеры не делают из своих дней рождений всенародных праздников... И если я выступал на XIX партконференции или в концерте к 45-летию Победы, то это же я выступал не перед Горбачевым или Рыжковым... А приватно я не выступаю.

— Как вы думаете, сильным мира сего нравится ваше творчество?

— Я сомневаюсь, что может быть такая однозначная оценка, как «нравится».

— Но сегодня они более благосклонны к вам, не запрещают...

— Если не запрещают — это еще не означает, что любят.

— Я уверена, что если любому из них сказать, что приедет выступать Хазанов, будет море восторга!

— Значит, находят что-то свое в моих выступлениях. Но, уверяю вас, если бы я с фрагментом нашей беседы вышел на съезд российских коммунистов, то не продержался бы на сцене и полутора минут.

— У вас бывали ситуации, когда вам не давали договорить?

— Нет. Я никогда не приглашался на съезды ортодоксов и, надеюсь, приглашаться не буду.

— Вспомните начало баталий на Съезде народных депутатов РСФСР, когда его атмосфера еще напоминала атмосферу партийного съезда. Выходит артист Басилашвили, и его слушают, хотя говорит он вещи, для большинства неприемлемые...

— Думаю, что внутренняя неподготовленность большинства депутатов к тому, с чем будет выступать любимый артист, позволила ему хотя бы договорить до конца... Когда второй раз он пойдет на трибуну для выступления, установки у слушающих его людей уже будут иными. Сначала они просто смотрели и слушали артиста Басилашвили. Во второй раз они будут смотреть и слушать депутата Басилашвили, у которого жизненная позиция резко расходится с мнением этого большинства. И что бы он ни предложил, они заранее будут против.

— Вы сказали, что, если бы вы с фрагментом этой беседы выступили на съезде, вам бы не дали договорить...

— Я погорячился. Наверное, меня слушали бы, думая, что я вышел для разрядки. Они были бы уверены, что меня выпустили для того, чтобы остудить страсти и дать людям возможность посмеяться... Но если бы я не нашел смешную форму выступления, меня бы согнали. Но, повторяю, меня никто и не приглашал на съезды. Если бы пригласили, я бы подготовился. Я бы обратился к авторам, прибегнул бы к метафоре, аллегории и т. д. Бог знает, может, и дослушали бы...

— Были ли в вашей жизни случаи, когда вы сами себя останавливали и говорили: в этой аудитории можно это прочитать, а вот в этой нельзя?

— Думаю, что элементы внутренней цензуры были очень сильны во мне на протяжении всей жизни. А проявлялось это в том, что я отказывался где-то

что-то читать. Когда меня пригласили принять участие в концерте к 45-летию Победы, мне же не пришло в голову прийти и читать пародию на Горбачева... Во-первых, репертуар предварительно отбирался. Но я и не предлагал этого... А во-вторых, были некие тематические рамки. Правда, я понимаю, что монолог человека, которого поставили стоять памятником, далековат от конкретной военной темы. Тем не менее логика в этом была. Есть же вопросы уместности, такта.

— Значит, вы несвободный человек?

— Несколько лет назад (еще не началась перестройка) один человек из теперешних ответственных работников помог мне вылезти из очередной, почти трагической для меня, ситуации, в которые я регулярно тогда попадал. И этот человек передал мне просьбу, чтобы я публично его не благодарил — это могли расценить не так, как нужно. Вдумайтесь: это же кошмар! Человек, о котором идет речь, прочтя эти строки, себя узнает. И сколько я буду жив, я буду ему благодарен и никогда не забуду о его помощи. Но до какой же степени все мы рабы, если сегодня, в девяностом году, давая вам это интервью, я не называю его фамилии: я не знаю, как он может к этому отнестись. Конечно, не свободен...

— Вам приходится сегодня сдавать спектакли, литовать тексты и т. д. Проходить какую-то цензуру?

— Я ничего никуда не сдаю. Не отношу в Главлит никаких миниатюр. И это — тоже одно из завоеваний сегодняшнего времени.

— Да, понятие политической цензуры сегодня довольно размытое. А существует ли сегодня цензура нравственная? Можете ли вы, например, на сцене ругаться матом?

— Могу... Впрочем, что вы имеете в виду: могу ли я выругаться матом лично или может ли ругаться персонаж, над которым я смеюсь?

— Естественно, персонаж. Я не так плохо о вас думаю, чтобы предположить, что вы вдруг от нечего делать начнете материть публику.

— Вы, может, и неплохо обо мне думаете. А люди, которые подали на меня жалобу в прокуратуру Ленинского района? Они обвиняли артиста Хазанова в разжигании национальной розни.

— Что же вы такого сделали?

— В миниатюре «Депутат Прибалтики» царь, обращаясь к Малюте Скуратову, употребил слово «Чуркестан». Когда меня пригласили в прокуратуру, я сказал, что они обратились не по адресу. Вероятно, нужно обратиться к Ивану Грозному, а в качестве свидетеля вызвать Малюту Скуратова. Ну, вот если бы Михаил Александрович Ульянов играл, скажем, Гитлера и в своей речи призывал бы к уничтожению евреев?.. Что — судить Ульянова за антисемитизм?

— Можно ли сказать, что в разговоре с начальством вас выручает чувство юмора?

— Я бы не назвал это чувством юмора. Я совершенно искренне не понимаю, какие могут быть ко мне претензии?

— Может ли наступить такой день, что в стране не будет недостатков и вам не над чем будет смеяться?

— Нет. Таких стран в природе не существует.

— Трудно ли вам выступать за границей?

— Особой трудности нет. Я выступаю перед людьми, которые говорят по-русски. Тематические трудности бывают часто. Политические реалии, политическая конкретика их совершенно не интересуют. Да и житейские проблемы тоже... Они приходят просто смеяться.

— Они приходят на вас смотреть, как на клоуна?

— Они приходят развлекаться. В нашей же стране совершенно другие функции артистов моего жанра. Мы все равно социально заряжены. Мы все равно что-то защищаем, на что-то нападаем. В этом заложничество жанра. Я вообще к искусству этот жанр отношу с большой натяжкой. Я бы не взял на себя смелость сказать, что занимаюсь искусством. Это скорее разновидность культуры.

— Разговор у нас получился грустный и, прямо скажем, не обнадеживающий... А что вы думаете о состоянии нашей культуры? Как относитесь к пятиминутному молчанию в защиту культуры? Вы лично молчали?

— К сожалению, у меня концерт начался в 20 часов. Так что я молчал сам с собой.

— Наша культура сегодня настолько бесправна, безгласна, бездыханна, что, кажется, ей действительно остается только замолчать... Как вы думаете, сможет ли наше искусство приспособиться к реалиям сегодняшнего дня — рынку, хозрасчету и т. д.?

— Культура всегда нуждалась в спонсорстве. Наше государство не в состоянии сегодня быть спонсором. Спонсорами могут быть только БО-ГА-ТЫ-Е! А мы — нищие. Мы не можем беженцев устроить, мы не можем позаботиться о людях, пострадавших от Чернобыльской аварии. Мы не в состоянии выполнить условия шахтеров. Но ведь это происходит не потому, что Рыжков не хочет. Нет денег, и неоткуда их взять. Можно взять в долг еще пятьдесят миллиардов, но они все равно уйдут в песок... Можно только на секунду заткнуть рот палкой колбасы, пока желудок будет переваривать, а потом выбрасывать. Но как только люди все съедят — голод. Люди должны работать и производить продукцию. Чтобы ее производить, нужна заинтересованность. Не вышел, к сожалению, эксперимент, чтобы всё принадлежало государству и все при этом хорошо работали. Надоело народу, что от его имени оказывают военную помощь Кубе, чтобы грозить Соединенным Штатам на ближних подступах.

Я понимаю отчаяние некоторых деятелей культуры. Я понимаю крики о помощи нашего старого русского интеллигента Дмитрия Сергеевича Лихачева! Но откуда взять деньги, чтобы отдать их культуре? Ну, откуда?..

Культуру спасать? Накормить народ надо сначала. Да и нет в стране интереса к искусству. Недавно я был на гастролях в Челябинске. Там один органный зал на триста мест — на весь город. Так я вас уверяю — люди в очереди за билетами ночью не записываются.

При нынешней ситуации работники любой отрасли будут против льгот деятелям культуры. Потому что происходящее в медицине, в образовании, в любой отрасли народного хозяйства, в спорте — так же плохо.

Мне искренне жаль министра культуры, который, как рыба об лед, бьется, пытаясь что-то предпринять, но ситуация катастрофическая.

— Вы ощущаете себя продюсером? Для того чтобы в нашей стране организовать свой театр, нужно умение заниматься бизнесом или просто достаточно крепких связей в верхах?

— У меня существует профессиональный штат людей, занимающихся бизнесом. Руководит ими моя жена — директор театра. Так что мне это необязательно.

— Кто же вы в театре?

— Худрук и артист. Я совмещаю две должности. И никто в театре на ставит вопрос о том, чтобы я их разделил.

— Значит, вы счастливее, чем Горбачев?

— Безусловно. И еще счастливее я стал благодаря Горбачеву. Мне перестройка дала возможность чувствовать себя лично абсолютно благополучным. Когда приезжают коллеги из-за рубежа, они видят, что я известный артист, обеспеченный человек. «Да, действительно, вы получаете по труду»,— говорят они мне, обсуждая мой образ жизни. У меня лично ни одной претензии ни к Горбачеву, ни к перестройке вроде бы не может быть. Но я искренне жалею людей — всех нас, вместе взятых, попавших в этот чудовищный водоворот истории...

— Вы говорили, что вы — несвободный человек, но разве это материальное благополучие не дает ощущения свободы?

— Наоборот. Во мне очень много рабства. Я люблю комфорт, я люблю успех. Какая же это свобода?

— Можно ли про вас сказать, что всю жизнь вы боролись с окружающей действительностью?

— Я боролся за себя в окружающей действительности, поэтому ничем не отличаюсь от любого другого конформиста.

— А вы конформист?

— Да. По большому счету я конформист.

— Почему вы говорите об этом с такой гордостью?

— Не с гордостью, а с прямотой. Для меня не конформист — Сахаров! Я же сижу в трехкомнатной квартире в центре Москвы и курю американские сигареты... Не думаю, что я умер бы, если бы жил в однокомнатной квартире или даже в коммунальной и курил бы «Дымок». Но если мне предложат выбор: бороться за идею и умереть или не бороться и жить в трехкомнатной квартире, куря американские сигареты, я бы попытался бороться за идею, но курить американские сигареты. А это и значит, что я конформист.

— Вам не обидно?

— Нет. Меня таким сделала природа. Я такой, какой есть. Я считаю завоеванием то, что я хотя бы отдаю себе в этом отчет.

— Нет желания уехать? Комфорта за границей больше, любые сигареты — иностранные...

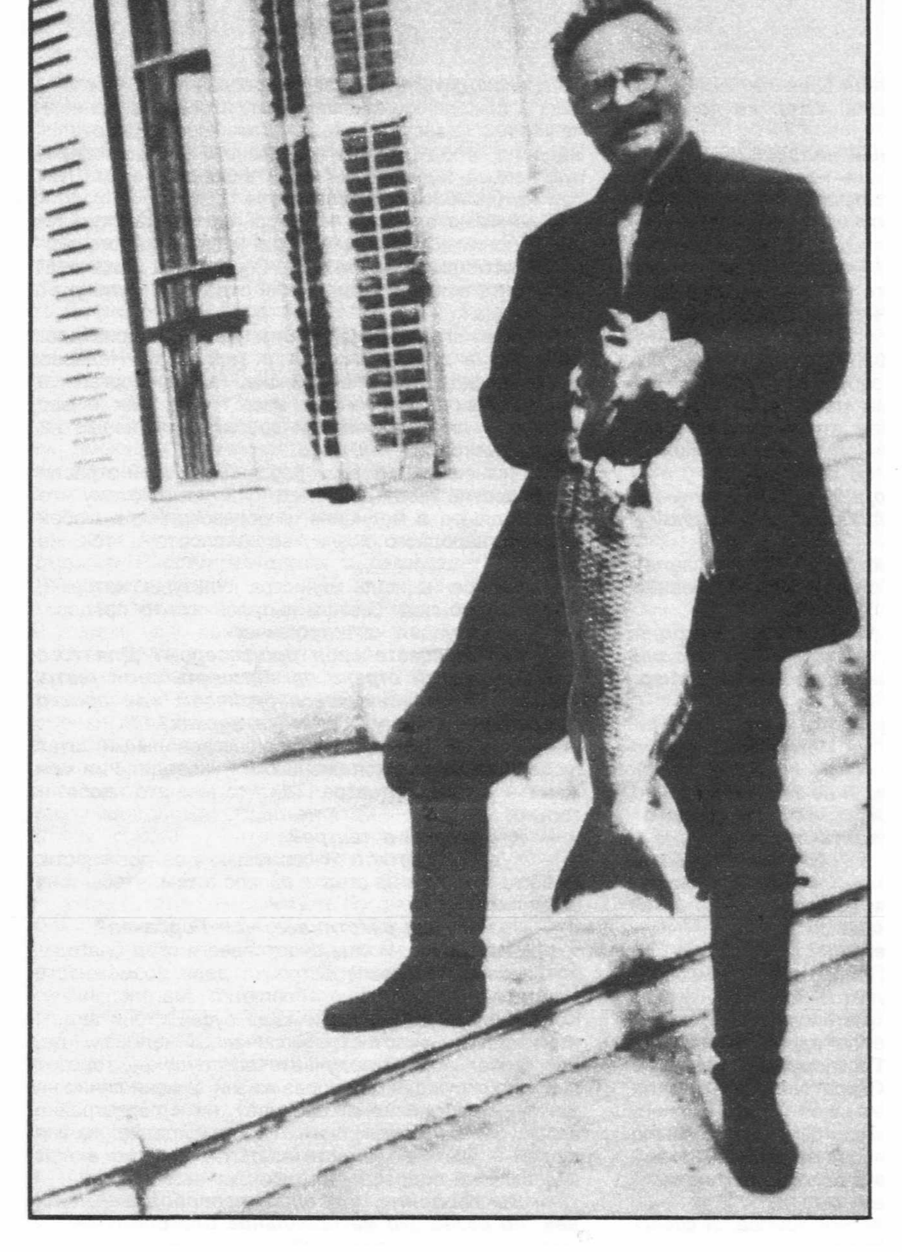
— Кто мне мешает иметь комфорт здесь? Я задаю себе вопрос: «Чего мне не хватает?» Я не знаю ответа. Что я найду, уехав на Запад? В чужой стране, никому не нужный... Здесь я живу не только своим комфортом... Вы же сами говорите, что на моих концертах люди получают радость. Я отдал этому двадцать лет жизни — уже на сцене. И предыдущие лет двадцать, когда мечтал, что я на этой сцене рано или поздно окажусь.

— Вы удовлетворены тем, с чем приходите к своему 45-летию?

— Не знаю... Я жизнь воспринимаю как подарок судьбы, как данность, поэтому... Что получилось, то получилось, и спасибо за это. Ну, на что я могу жаловаться?

— Если бы вам запрещали выступать, не показывали бы по телевизору, вы бы тоже воспринимали это как данность и не жаловались?

— Может, и жаловался бы, но все равно воспринимал бы как данность...

Юрий ПАПОРОВ

ПОКУШЕНИЕ НА ТРОЦКОГО

Часть 2

Все имевшиеся в распоряжении полиции адреса были проверены. Оставалось только разыскать домик неподалеку от деревушки Санта-Роса, где жил электрик Мариано Эррера Васкес, пассивный соучастник неудавшегося покушения на жизнь Троцкого. Начальник тайной полиции Мексики, полковник Санчес Саласар, прихватил с собой лучших агентов и отправился в сторону Десьерто-де-лос-Леонес. На 22-м километре по шоссе от города и метрах в пятистах от шоссе выше в горы стоял одинокий, заброшенный домик, известный в округе как Ранчо-де-Тланинилапа.

Дверь домика была заперта, но это не явилось препятствием для полицейских. Первое, что они увидели,— повсюду разбросанные газеты. Свежие, вышедшие после 24 мая 1940 года. Стало ясно, что некоторые из нападавших на дом Троцкого затем скрывались здесь и, как всякие преступники, хотели знать, что о них сообщает пресса.

В спальне на новой раскладушке лежал матрац, странным образом изрезанный бритвой или острым ножом в изголовье. В соседней комнате оказался мольберт с чистым холстом, рядом на полу лежали нетронутые кисти и краски в тюбиках. Валялось множество окурков американских сигарет, пустой пакет «Лаки» и гильзы от оружия 22-го мелкого калибра. В углу — тюфяк, так же странно изрезанный с одного края. В этой комнате, как и в спальне, пол густо посыпан известью.

Несколько ниже по склону, во дворе за домиком, были сарай и кухня с земляным полом. В одном из ее углов земля показалась рыхлой. Едва начали копать, стало ясно — земля еще не слежалась. На глубине локтя она оказалась смешанной с известью, из ямы потянуло смрадом.

За окнами спустилась ночь, пошел дождь. Полковник остановил копавшего. Следовало пригласить к месту обнаружения трупа представителей судебных властей. Они прибыли в полночь. Вошедшие в кухню натянули противогазы, пожарники начали работать.

Когда труп извлекли из ямы, Санчес Саласар отрезал клок волос, вышел под продолжавший хлестать проливной дождь и промыл волосы в луже. Подозрения подтвердились, волосы имели рыжий оттенок.

— Вот и Боб Шелдон! — сокрушенно сообщил полковник. Преступники хотели, чтобы известь быстрее уничтожила труп.

Тщательный осмотр находки и повторное исследование комнат позволили полицейским и судебным властям сделать вывод: Роберт Шелдон Харт убит во время сна. Последующее вскрытие трупа показало, что смерть наступила от двух выстрелов в голову из мелкокалиберного оружия. Одна пуля застряла в черепе.

— ...Стрелял не я! — сказал Давид Альфаро Сикейрос почти без эмоций. Было неясно, он осуждал или сожалел. И только после паузы: — Все это произошло без меня. Я не причастен. Но так было надо! Таков был приказ, а все мы были солдатами.

— Чьими, Давид? — спросил я тогда и сам удивился вопросу.

Сикейрос немного помедлил, поглядел на Анхелику Ареналь, сидящую рядом, и ответил просто:

— Революции! Твоей революции...

Я кивнул головой и продолжал слушать; в моем сознании «революция» каким-то необъяснимым чудом — не иначе — спокойно укладывалась рядом с преступлением. И все же что-то мешало мне до конца поверить в искренность его слов. Он был «майором». Мог он не знать, что брат его жены Луис Ареналь выпустил в спавшего Шелдона, только-только сделавшего важное дело для «революции», две смертельные пули?..

Ровно месяц и один день прошли со дня покушения на Троцкого. Так же лил дождь, и машина полковника, обдавая тротуары брызгами и жидкой грязью, подъехала к дому, который стал за это время еще более неприступной для нападения крепостью.

Теперь ворота были бронированными, над углами стен поднялись кирпичные башенки с бойницами. Санчес Саласар посигналил автомобильным рожком, и тут же луч прожектора облил светом машину полковника. Он вышел и подал условный сигнал, калитка приоткрылась, но в нее человек мог войти лишь после того, как дежуривший в башенке нажмет на вторую электрическую кнопку. В воротах показался Шуисслер с оружием в руках.

— Доброе утро, Отто.— И полковник прошел во двор.— Мне необходимо переговорить с доном Леоном. Нами обнаружен труп Боба Шелдона.

— Как! — воскликнул Шуисслер.— Не понимаю! Где? Да вы проходите, проходите! Гарольд! Гарольд! Иди сюда немедленно!

Полковник извлек из кармана клок волос и показал их Отто.

— Его! — ахнул Шуисслер.— Боже мой! Его! Что ж это происходит, полковник? Где он?

Подошел Гарольд Робинс, начальник охраны, и у него не было сомнений. Гарольд отправился в спальню Троцкого. Однако тот, приняв снотворное, крепко спал, и ни охранники, ни Наталья Ивановна не стали его беспокоить.

Полковник пригласил Отто Шуисслера проехать с ним, чтобы опознать труп. Когда машина приближалась к деревушке Санта-Роса, начался рассвет. Солнце мгновенно выкатывалось из-за горной цепи, обрамляющей плодородную высокогорную долину, и все вокруг начинало сиять.

...Но теперь Отто не до красот рассвета.

Приложив платок к носу и поглядев на труп, Отто с трудом выдавливает из себя:

— Да, это Боб...

Когда труп доставили в полицейский участок, солнце уже давно рассталось с горами. Прибыл генерал Нуньес, стал отвечать на вопросы обступивших его журналистов. На улице толпился народ. Вскоре во дворе послышались возгласы:

— Троцкий! Приехал Троцкий!

Приблизившись к трупу своего бывшего секретаря, Троцкий долго не мог оторвать от него взгляда. Глаза человека, прошедшего огонь и воду и медные трубы, наполнились слезами...

Пишу и вновь вспоминаю... Образ стального современного Гая Юлия Цезаря. Он сложился в детские годы из рассказов отца. Окончив в 1918 году медфак Киевского университета, отец добровольно пошел в ряды Красной Армии. Вскоре стал ординатором военного госпиталя, стоявшего в Витебске, а возможно, и в Орше, это не очень точно запомнилось. В том же городе находился и штаб Западного фронта гражданской войны. Отец нес ночное дежурство, когда к зданию, занимаемому госпиталем, лихо подкатила тачанка, и из нее выскочил молодой, по всему видно, не знавший препятствий, красный командир. Им оказался порученец наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого.

— Где тут у вас наркотики? — походя представившись, спросил порученец.

— Это на какой предмет? — поинтересовался дежурный врач и подошел ближе к столу, где в одном из ящиков лежал его револьвер.

— Не задавайте вопросов! Нужна срочно порция морфия.

— Вы не ответили, по какой причине и кому понадобилась доза морфина.

После возникшего недолгого препирательства порученец сдался и заявил:

— Самому Троцкому!

— Не положено!

— Как это так? Ему не положено? — возмутился порученец, положил руку на кобуру. Дежурный врач тут же отодвинул ящик своего стола.

— А вот так! Я могу выдать наркотик из аптеки госпиталя только по личному разрешению моего непосредственного начальника, главного врача.— И, увидев неописуемое удивление на лице порученца наркома, продолжил: — Даже если на вашем месте сейчас стоял бы сам нарком...

Порученец кричал, угрожал расправой, но в конце концов был вынужден соединиться по телефону со штабом фронта, а затем разыскать жившего неподалеку главного врача госпиталя.

Отец мой получил разрешение начальника и приказ доставить дозу морфина в порошке по назначению.

В просторной комнате штаба фронта нарком в присутствии командующего Тухачевского, члена РВС Уншлихта и начальника штаба, пощипывая свою бородку, диктовал письма сразу трем машинисткам и то и дело давал указания адъютанту.

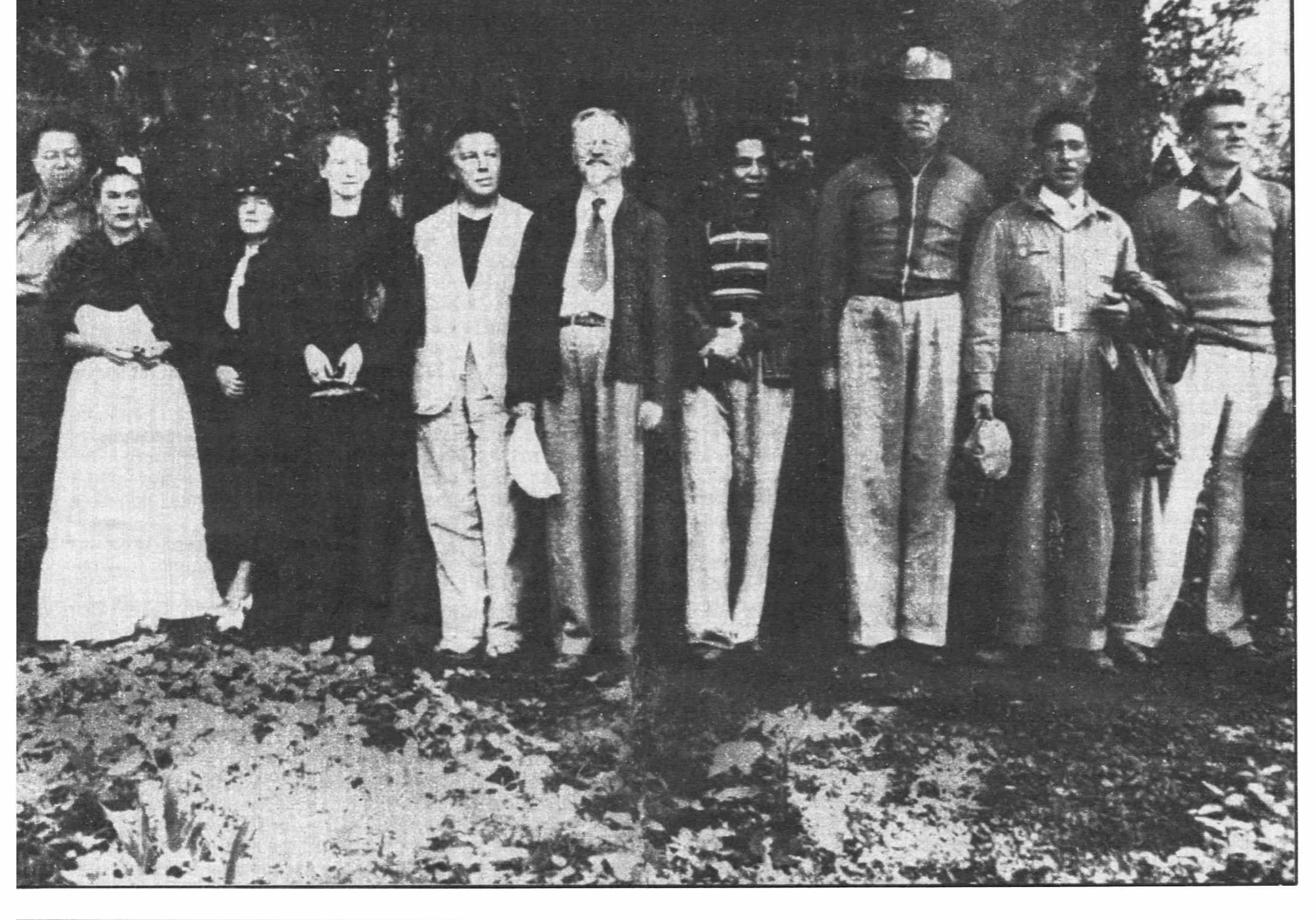
Врач увидел глаза больного и чрезвычайно уставшего человека. Нарком не обратил внимания на вновь вошедшего, и тот терпеливо, с порошком в руке и стаканом воды в другой, стоял несколько минут в ожидании.

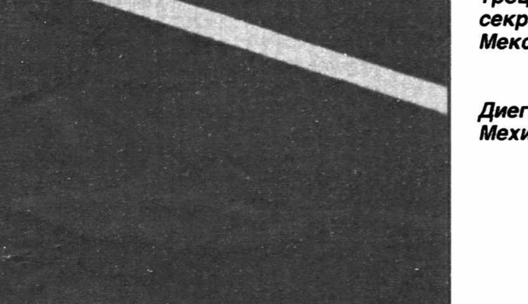
Машинки стучали, фразы наркома хоть и произносились севшим голосом, были отточенными, содержали четкие разъяснения и категорические, ясные приказы. Вошел телеграфист с лентой, подал ее наркому. Троцкий пробежал глазами по тексту, метнул рукой в сторону одной из машинисток, продиктовал ей несколько фраз, попросил заменить ими прежнюю концовку письма. Додиктовал второй машинистке и тут же отдал приказ начальнику штаба фронта.

— Вы согласны, Михаил Николаевич? — спросил Троцкий командующего.

— Возражений нет. Но откуда вам,

Продолжение. Начало в № 34.

Троцкий в окружении соратников, секретарей и охраны. Мексика, 1939.

Диего Ривера и Юрий Папоров. Мехико, 1957.

Лев Давыдович, известно, что в стыке этих двух армий дыра?

— А бывает иначе? Завтра начнем, а противник через нее зайдет к нам в тыл. А вы кто? — Нарком обратился к отцу.

— Врач из госпиталя. Вы просили,— пояснил Тухачевский.

— А! Давайте! Извините, доктор, дело требует.— И, допив стакан до дна, тут же забыл о враче.

— Он был наркоманом, что ли? — спросил я тогда, будучи хорошо наслышан в доме о том, кто такие наркоманы.

— Нет! Человеком, валившимся с ног, которому в ту ночь еще предстояло принять окончательный план начала наступления на белополяков по всему Западному фронту...

Генерал Нуньес изъявил желание отвезти Троцкого в своей машине, тот согласился и протянул генералу газету «Эль Популяр» за 20 июня, где было опубликовано заявление МКП и говорилось, что ни один из арестованных по делу не является членом МКП, что главный виновник нападения на Троцкого — Шелдон Харт и что все это «дело» — выдумки провокаторов-троцкистов.

Через неделю на стене флигеля, где обычно находились дежурные секретари и охранники, Троцкий повесил чугунную доску, на которой были отлиты имя, фамилия, годы жизни погибшего и слова, объявлявшие Роберта Шелдона Харта жертвой Сталина. Эта доска находится на том месте и по сей день...

Полковник занялся розыском убийц Шелдона. Следовало дать точный ответ на вопрос: Шелдон соучастник или жертва?

Когда обнаружили труп, полковник уже знал, что владельцем домика в Санта-Роса был столичный инженер Даниэль Р. Бенитес, постоянно проживающий в Мехико.

Вечером инженер Бенитес давал показания в Главном управлении полиции.

Как-то в начале мая он довольно поздно возвращался домой. Навстречу ему из автомашины марки «Паккард» с нью-йоркским номером шагнул элегантный незнакомец.

— Хочу арендовать у вас домик в деревне Санта-Роса. Вы ведь его хозяин? Всего на три месяца. Я художник...

Они сошлись на 45 песо, и арендатор обещал подготовить необходимую расписку, однако хозяин больше его никогда не видел.

Полковнику было ясно, что арендатором мог быть один из троих: Давид Альфаро Сикейрос, Луис Ареналь или Антонио Пухоль.

...По просьбе защитника Серрано Андонеги и Луиса Матео Мартинеса 2 июня состоялась встреча с Троцким, его адвокатом Антонио Франко Ригальтом, Натальей Седовой и секретарями-охранниками. Разговор, при котором присутствовали судьи первой инстанции района Койоакан, представитель прокурора и журналисты, занял более трех часов.

Интересны ответы Троцкого на вопросы защитника.

— С каких пор вы начали опасаться нападения на ваш дом?

— По-настоящему я готов был к нему два года назад, сразу как только приехал. Однако, начиная с января, а то и с прошлого декабря, я ожидал нападения с большей уверенностью. Я разоблачил захват Россией Польши и части Финляндии, вскрыл и обнародовал причину союза Москвы с Гитлером. Эти мои заявления вызвали шок. Последний съезд мексиканской компартии проходил под девизом борьбы с Львом Троцким, с троцкизмом. Призывом съезда было: «Смерть Троцкому!»

— Вы считаете, что Шелдон был верен вам до последнего дня?

— Шелдон Харт... Я абсолютно уверен, что Роберт Шелдон до конца был верен своим идеям, а значит, и мне, и стал жертвой именно этой верности. Если бы здесь я мог изложить свои соображения более подробно, я бы указал на ряд ошибок, допущенных теми, кто вел расследование. Несмотря на то, что генерал Нуньес и полковник Санчес Саласар энергичные и знающие дело люди, они следовали ложной гипотезе.

Заявление Троцкого вызвало бурную реакцию генерала и полковника. Саласар тут же, как прочел это заявление Троцкого в газете, направился в тюрьму заново допросить Мариано Эрреру Васкеса.

Полковник не сомневался в том, что Шелдон являлся соучастником. Однако почему он был убит?

На этот вопрос могли ответить Сикейрос и братья Аренали. Однако их поиск был затруднен двумя серьезными причинами. В связи с предвыборной кампанией в стране шла острая политическая борьба, а 20 августа 1940 года был убит Л. Д. Троцкий. Только закончив расследование убийства и освободившись от дел, связанных с внутренней политикой,— президентом был избран генерал Авила Камачо и члены нового состава Конгресса заняли свои места,— полковник Санчес Саласар мог вернуться к поискам наиболее активных участников майского покушения на Троцкого.

К этому времени полиция знала, что Леопольдо Ареналь скрылся на Кубе, а Луиса видели в Нью-Йорке. Было известно и то, что жена Луиса Ареналя, узнав об этом, отправилась вместе с детьми в США. Она посетила консульство СССР в Лос-Анджелесе, и след ее пропал. Полиция полагала, что семья Л. Ареналя была направлена на жительство в СССР.

Где же находился Давид Альфаро Сикейрос?

Еще 15 июня Троцкий писал полковнику Санчесу Саласару: «Газеты утверждают, что братья Аренали и Сикейрос находятся в Мансанильо. Я твердо знаю, что в ближайшие дни в порт войдет советский пароход. Якобы за металлом для Японии. Скорее всего на самом деле этот корабль прибудет, чтобы вывезти Сикейроса, Ареналей и других агентов ГПУ».

Все пароходы, город и местность вокруг были осмотрены, но безрезультатно.

Между тем Сикейрос посылал в газеты и журналы статьи с резкой критикой в адрес правительства, и один из журналов даже опубликовал интервью своего корреспондента с художником, поместив серию свежих фотографий.

Полковник нервничал, пока наконец из Гвадалахары, столицы штата Халиско, не поступили сведения, что Сикейроса и его жену следует искать в Осто, так сокращенно мексиканцы называют город Остотипакильо.

В конце сентября, заверив генерала Нуньеса, что он не возвратится в Мехико, пока не обнаружит Сикейроса, полковник и шесть его агентов отправились в Осто.

Два лучших агента под видом продавцов кукол исколесили Осто, но ничего интересного не обнаружили. Тогда наиболее смышленый из агентов пошел в церковь и в исповедальне поведал священнику о своей тяжелой жизни. Сообщил, что собирается уехать в горы, однако там партизанят коммунисты — заклятые враги религии, под предводительством некоего Сикейроса, и верующий боится встречи с ним. Священник подтвердил сомнения исповедовавшегося: он тоже слышал, что Сикейрос находится поблизости в горах и его следует опасаться, так как он пользуется покровительством муниципальных властей.

Полковник должен был действовать быстро и точно и остановил свой выбор на давно не работающем в шахте, страдающем силикозом Кристобале Родригесе Кастильо, с которым Сикейрос еще в 1926 году вместе создавал шахтерский профсоюз в Синко-Минас. Придя в дом к Родригесу Кастильо и оставшись наедине с ним, полковник без обиняков заявил:

— Вы серьезно больны. Вам необходимы отдых, уход и лечение. Тюрьма для вас — верная смерть и несчастье для семьи. Я понимаю и разделяю ваши чувства друга и соратника по партии. Однако так сложилась ваша судьба, вам сейчас предстоит выбирать. Помочь правосудию и сохранить себе жизнь или выдать полиции друга. Иного вам не дано!

После двухчасового разговора, утомленный и измученный, старый шахтер произнес:

— Поезжайте в Ранчо-де-сан-Бласито... у подножия горы...

Сикейрос, обросший до неузнаваемости и в грязной одежде, был обнаружен спавшим на тюфяке прямо в зарослях и задержан. При нем оказалось портмоне, в нем 1600 песо и 100 долларов, охотничий нож, авторучка, тюбик зубной пасты, флакон бриллиантина и несколько маисовых лепешек в походной сумке.

Увидев полковника, Сикейрос явно занервничал, побледнел и стал утверждать, что он ни от кого не скрывается, себя виновным не считает и что никакого участия в нападении на Троцкого не принимал...

Теперь предоставим слово самому Сикейросу — его рассказ я записал сразу, как только услышал.

— Обнаружили меня в горах у Ранчо-де-сан-Бласито солдаты четвертого армейского батальона, которыми командовал знакомый полковник Хесус Очоа Чавес. Я спал в лесу. Солдаты связали меня и бросили в яму, чтобы местные шахтеры не отбили. Начальник тайной полиции Мексики полковник Санчес Саласар прибыл во главе бригады в шестьдесят агентов. Увидев, в каком я нахожусь состоянии, полковник тут же приказал: «Немедленно развяжите пленного! Сеньор Сикейрос преступник и должен ответить по закону, но он и ветеран революции, служил в рядах славной армии Обрегона. Командир вашей части полковник Хесус Очоа Чавес его друг. Кроме того, сеньор Сикейрос великий художник, он слава нашей родины. Сикейрос не пленник, он ваш командир!

— В таком случае, полковник, разрешите солдатам разойтись,— предложил я, и все присутствующие рассмеялись, а затем мы сели по машинам, а жители селения принялись меня приветствовать: «Да здравствует Сикейрос! Ура товарищу Сикейросу!».

Мы отправились в Осто, где в здании муниципалитета уже были накрыты столы. Санчес Саласар, агент, который руководил моим задержанием и хвастался всем, что совершил геройский поступок в день своего рождения, алькальд, представители местной власти уселись за столы, и началось угощение. Все норовили пожать мне руку, сняться со мной на память.

Застолье продолжалось до поздней ночи. Произносились тосты за здоровье Карденаса, нового президента Авилы Камачо, начальника тайной полиции, мое. Потом все в муниципалитете устроились на ночлег. До самого утра под окнами местные музыканты пели для меня революционные песни...

Так все было или иначе, но в итоге следствия прокуратура и судебные власти предъявили Сикейросу и его сообщникам обвинения в девяти преступлениях: убийство Роберта Шелдона, попытка убийства Троцкого, создание группы в преступных целях, стрельба из огнестрельного оружия, присвоение полномочий полицейских и армейских офицеров, незаконное ношение военной и полицейской одежды, похищение двух автомобилей, нападение на чужое жилище, нанесение ему материального ущерба. Любое из этих преступлений предусматривает серьезное наказание, а в совокупности — тяжкое. Сикейрос сумел его избежать.

Через год он добился разрешения выйти на свободу под залог. Однако прежде, думается мне, надо рассказать читателю об одном эпизоде из биографии Сикейроса, как поведал его Давид.

— Как-то,— я уже было загрустил: год в тюрьме,— в камеру ко мне входит не начальник и сообщает, что он получил приказ доставить меня в одно место за пределами тюрьмы. Мы были друзьями еще со времен революции, и я поехал, не беспокоясь, что, таким образом, власти могут разделаться со мной классическим способом: «при попытке к бегству». Я совсем успокоился, когда у выхода из тюрьмы увидел генерального прокурора и группу полицейских агентов. Мы сели в машину и скоро подъехали к загородной резиденции президента Мексики.

Я чуть не спятил, когда президент встретил меня на пороге дома словами:

— Мне доставляет большое удовольствие приветствовать вас! Как вы поживаете?

Тут уж я пришел в себя и подумал: «Какого черта спрашивать меня об этом и держать в тюрьме?». А президент задал очередной вопрос, еще более странный:

— Вы не помните меня, сеньор Сикейрос?

— Я вас не помню, сеньор президент? — сбитый с толку, я ответил вопросом.

— Нет! Конечно, вы меня не помните, а ведь мы с вами вместе спали.

Вот тут я снова опешил. Мексиканцу услышать такое! Потом, однако, оказалось, что во время революции, перед решающим сражением за город Гвадалахару, моя часть стояла на постое у асьенды «Кастильо». На дворе лил сильный дождь, а я и мои бойцы вповалку дрыхли в индейской хижине. Среди ночи в хижину вошел промокший до костей молоденький лейтенант и пожелал устроиться, чтобы обсохнуть и отдохнуть. Мои солдаты принялись прогонять лейтенанта, а я пригласил его на мою походную соломенную подстилку. Он был страшно рад! А теперь он — президент страны. Когда генерал Авила Камачо закончил рассказ, он сделал серьезное лицо и заявил:

— А сейчас перейдем к делу! Я предлагаю вам временно покинуть страну и отправиться в Чили. Там вы сможете заниматься живописью. С чилийским правительством мы договорились. Завтра вы с женой и дочерью на самолете вылетаете в Гавану. Там получите билет до Сантьяго. Не считайте это изгнанием. Примите как меру, предназначенную обезопасить вашу жизнь.

Это, конечно же, было куда лучше, чем представать перед судом. Я тут же согласился, но сказал, что меня собираются отпустить под залог и десять тысяч песо уже внесены. Президент заверил, что эта сумма будет возвращена, а стоимость билетов оплатит государство. Я улетел. Было много разных приключений, но три года я прожил в чилийском городе Чильяне.

В июне 1957 года Давид Альфаро Сикейрос сделал мне очень неожиданное признание... Но прежде должен объяснить читателю ситуацию, в которой я тогда оказался.

В то время, в мае и в июне, Народный Антикоммунистический фронт Мексики использовал страницы ряда столичных газет для открытых нападок на меня, требуя высылки из страны как «персоны нон грата».

Так, 18 мая солидная газета «Эксельсиор» писала о студенческих беспорядках в городе Гвадалахаре, упоминала имена тех, кто будто бы их затеял, и сообщала читателям: «Однако за их спинами стоят два человека, почти никому не известные: Юрий Папоров и Николай Трофимов, оба атташе посольства СССР в Мексике. В действительности же они являются агентами МИДа, то есть контрразведывательной советской организации».

Противник был слаб, коль скоро во имя преследуемой им цели валил в кучу все, о чем имел смутное представление.

Другая, не менее популярная «Новедадес», 20 мая сообщала: «...Мы располагаем неопровержимыми сведениями о том, что Юрий Папоров на протяжении января, февраля и марта месяцев несколько раз бывал в Гвадалахаре... и теперь приезжал в апреле, когда начались беспорядки, в результате которых пролилась кровь местных студентов».

А 10 июня, в понедельник, та же «Новедадес» поместила набранное крупным кеглем «Открытое письмо» руководителей Народного Антикоммунистического фронта Мексики Хорхе Приэто и Артуро Амайи, обращенное к президенту страны, министру иностранных дел и министру внутренних дел с призывом «применить в самое ближайшее время силу 33-й статьи Конституции Мексики к культурному атташе посольства СССР Юрию Н. Папорову, как враждебному стране иностранцу, злоупотребившему мексиканской гостеприимностью. За щитом дипломатической неприкосновенности он принял активное и наглое участие в скандальных студенческих выступлениях в Гвадалахаре».

Все в посольстве знали, что в Гвадалахаре с лекцией я выступал год назад, и последнее время там не бывал, и никакого отношения к студенческим волнениям не имел. Между тем в той ситуации мне следовало чаще бывать на людях, но теперь уже не одному. И вскоре к неприятному ощущению от пребывания под обстрелом прибавилось чувство горечи. Вчерашние друзья и единомышленники «стеснялись» теперь выходить со мною вместе за пределы посольства. А один старший товарищ так просто «в дружеской беседе» заявил: «Если станут предлагать изменить Родине, бей прямо в морду!» Я искренне удивился и не сразу понял, о чем он вел речь, а когда поинтересовался, то услышал в ответ: «Ну, как же? Естественно, если они предложат тебе стать перебежчиком! Они ведь прекрасно понимают, что ты «подмочен» и тебя больше могут не пустить за границу».

Этот разговор состоялся в тот день, когда газета «Эксельсиор» пугала своих читателей: «Как известно, Юрия Н. Папорова, культурного атташе русского посольства, обвиняют в том, что он возглавляет группу коммунистических террористов, угрожающих смертью вдове Льва Троцкого с целью лишить ее возможности сделать заявление перед Конгрессом США, равно как и в организации серьезных беспорядков, имевших место в Гвадалахаре».

Вот такая была обстановка в Мексике, когда мой хороший знакомый Давид Альфаро Сикейрос тайно, через свою жену, совершенно неожиданно назначил мне встречу. Я согласился на нее только потому, что буквально за день до приглашения Сикейроса посол СССР в Мексике В. И. Базыкин посетил МИД Мексики, где сообщил о своей уверенности, что правительству хорошо известна непричастность второго секретаря посольства Ю. Н. Папорова к событиям в Гвадалахаре. Однако при этом посол заявил, что в связи с кампанией в прессе, наносящей вред нормальному развитию советско-мексиканских отношений, если правительство Мексики считает необходимым, посол готов поставить вопрос перед правительством СССР об отзыве культурного атташе посольства на родину. Принимавший посла заместитель министра Хосе Горостиса, после консультации с министром ответил, что советское посольство должно знать: пресса Мексики является свободной и независимой от правительства, потому часто касается тем, по которым у правительства имеется свое, иной раз прямо противоположное мнение, как и в этом конкретном случае в отношении второго секретаря посольства Папорова, к которому у правительства Мексики нет никаких претензий.

В июне мне позвонила знакомая журналистка и сообщила, что со мной срочно хочет свидеться жена Сикейроса. Это известие вызвало у меня недоумение: мы с Сикейросом договорились провести вместе предстоящую субботу, съездить за город. В чем смысл поспешного и столь тайного свидания?

В доме журналистки меня ждала Анхелика Ареналь. Она тут же усадила меня в свой автомобиль и повезла какими-то неведомыми прежде улочками в кафе, где нас ждал Давид.

Когда мы вошли в помещение, он стоял у огромного окна, укрывшись шторой, и внимательно глядел на улицу. Указав нам рукой на занятый им столик, Давид еще минуту-другую явно убеждался в том, не привезли ли мы за собой «хвоста».

Меня эта ситуация несколько начинала волновать, а когда Давид пошел ко мне с раскинутыми руками для объятия, совершенно не так, как он это делал прежде, я понял, что сейчас произойдет что-то важное.

— Наконец! Я ждал этого момента столько лет! — взволнованно и страстно, как умел это делать Давид Альфаро Сикейрос, заговорил он.— Вся наша группа в порядке! Мы можем начать действовать хоть завтра!

Признаюсь, я с трудом не потерял контроля над собой, а Сикейрос продолжал:

— Мы покажем этим писакам! У нас есть силы зажать им рот! Наконец-то, Юрий, наконец! Давай указания!

Я собрался с духом. Следовало немедленно остановить Сикейроса, а то он наговорит такое, что мне потом будет не просто справиться с грузом, наваленным им на меня.

— Давид! О чем ты? Прости, но я тебя совершенно не понимаю. Что такое ты говоришь? — Для вящей убедительности я сделал испуганное лицо и в недоумении развел руками.

— То есть как? — с искренним удивлением спросил Сикейрос и, обмякнув, опустился на стул.

— Просто не понимаю тебя, Давид. Погоди... или... Ты что, всерьез принял газетные публикации? Ну, знаешь! — Я уже обрел спокойствие.— Кто-либо другой, но не ты, мог попасться на эту удочку.

— Не ври! — Сикейрос не хотел поверить в ошибку.— Неужели? Юрий, прошло столько лет. После смерти Троцкого все связи потеряны, и я никак не могу их найти.

— Давид, дорогой, в этом, поверь, и я не смогу тебе помочь. Извини! Однако вот ведь как действуют на людей платные публикации. Над этим надо задуматься.— И далее я постарался перевести разговор на другую тему.

Однако Сикейрос не сдавался, и тогда я попросил его рассказать мне, как было им организовано и совершено покушение на Троцкого. Это до конца остудило заговорщика, потому как он поведал мне без деталей известную из прессы версию, изложенную им во время следствия.

Новым в рассказе сквозила открытая неприязнь к Диего Ривере, который благодаря моим стараниям несколько месяцев провел в Москве, после того как его кожное раковое заболевание отказались лечить американские врачи.

Соперничество двух крупных художников и двух очень своеобразных людей продолжалось...

На прощание я сказал:

— Прошу тебя, Давид, выбрось из головы. В этом деле я тебе не помощник.

Подобным заявлением я лишил себя возможности провести ближайшую субботу в компании Сикейроса. На следующий день в посольство позвонила Анхелика и с извинениями сообщила, что Давиду нужно срочно выехать на несколько дней в другой город.

Я долго не размышлял. Тут же набрал номер телефона Диего Риверы и договорился провести освободившуюся субботу вместе с ним.

Мне было интересно, что скажет по поводу казуса, случившегося между мной и Сикейросом, этот человек.

Продолжение следует.

ОГОНЁК

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПЕС НА ЖЕЛЕЗНОЙ ТРАВЕ

С пятнадцатого этажа кажется, что вся земля — это один большой город. Мир-город. Эти слова удивительно подходят к творчеству Никиты Гашунина, тридцатичетырехлетнего художника, несколько лет назад появившегося на московской художественной сцене и как-то сразу вписавшегося в тесный круг действующих лиц.

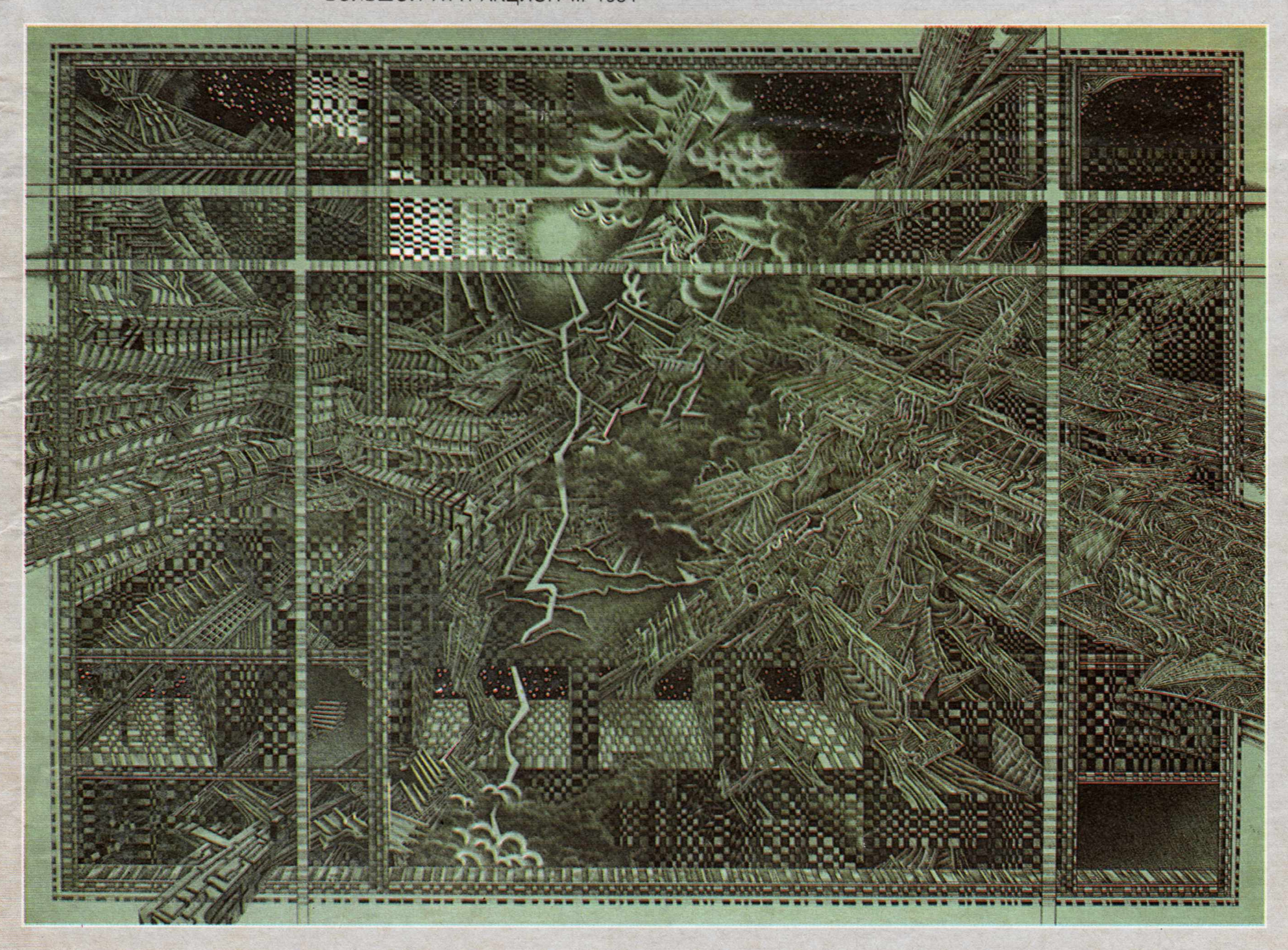
Его однокомнатная квартира, которая служит ему и мастерской, пока еще не ломится от заказчиков, но и в галерее Костаки в Греции, и в московской галерее «Марс», и у наиболее прозорливых коллекционеров он — желанный гость. Порой даже незаконченные работы уже имеют своего покупателя. В отличие от многих своих «модных» коллег, которые, однажды «найдя себя», беззастенчиво тиражируют получивший признание имидж на радость «фирмачам» и семейному бюджету, Гашунин работает «штучно» и по современным меркам долго (до 6 месяцев). Независимо от того, коллаж, рисунок или скульптура покидает его мастерскую, их уникальность гарантирована. Порукой тому — несколько парадоксальный, я бы сказал, талант, принципиально иное восприятие вещного мира. Его «Большой охотник», к примеру, неповторим: «железки», из которых он состоит, собирались в течение 15 лет в самых неожиданных местах. Если написать историю каждой из них, может получиться занимательная книжка не без поучительности.

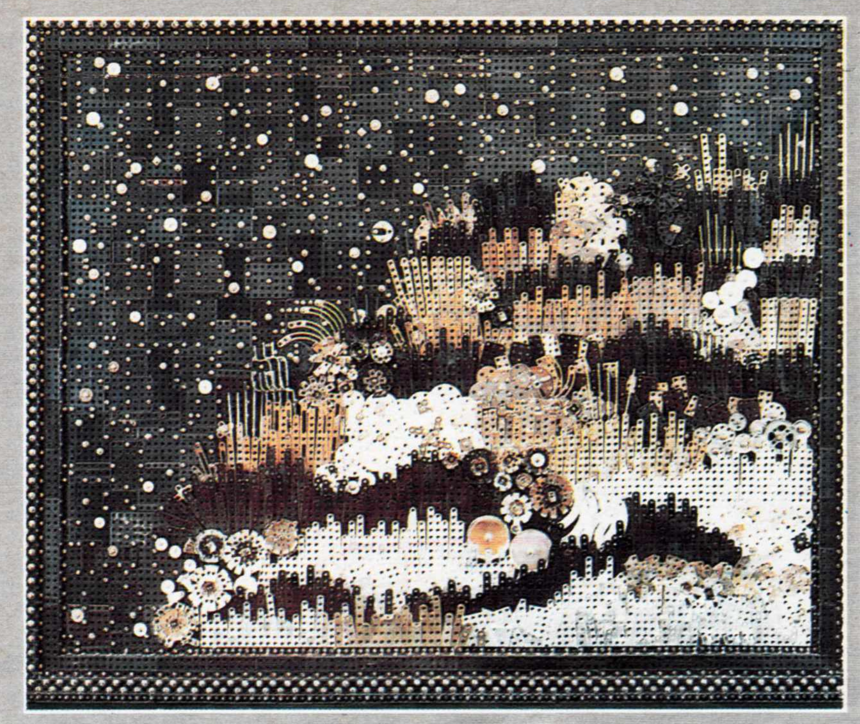
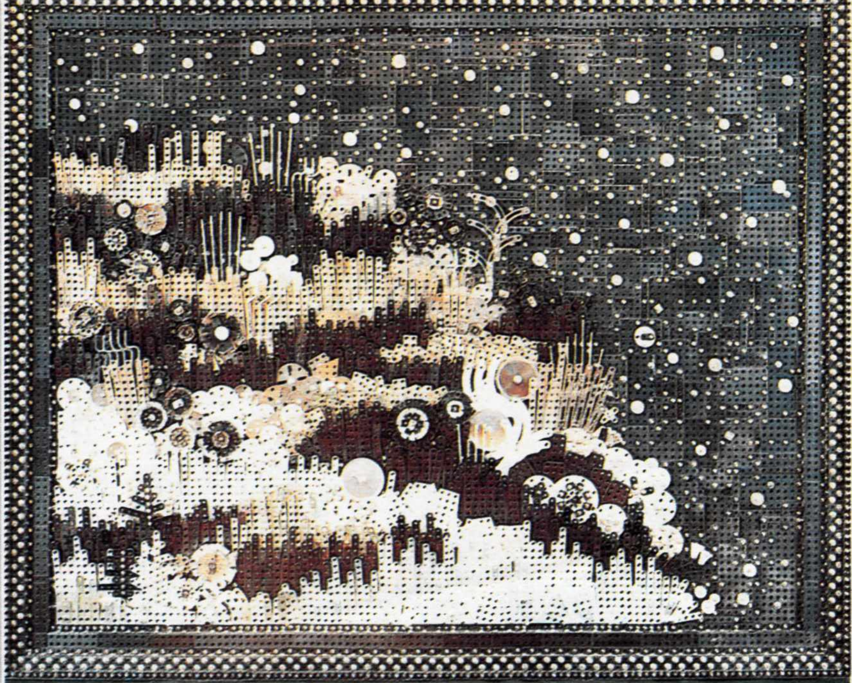
Я употребил слово «Мир-город». Точнее было бы «Железный Мир-город», но не город «желтого дьявола», которым нас долго пугали отечественные любители поездок за океан. И не тот формализованный до абсурда, жестко регламентированный город Замятина или Оруэлла, провидевших ужасы тотальной пролетаризации человечества, лежащей в основе теории мировой революции.

Лирик металла во всех его ипостасях: графической (рисунок), полиграфической (коллаж) и собственно металла (скульптура), в чем-то близкий, быть может, «сокровенному человеку» Платонова. Никита Гашунин в ранних своих работах прошел через эсхатологический ужас грядущей технократической цивилизации, низводящей человека до положения жалкого, но и страшного в своей разрушительной силе пигмея мироздания.

В творчестве Гашунина находит отражение та непрерывная борьба, которую ведет железный Мир-город против «хаоса» природы («Лес»). Мы нигде не встречаем строителей этого железного «математически рассчитанного рая», ибо для них место в «раю» не предусмотрено архитекторами. Вот тут-то и происходит диалектический скачок, не предсказанный ни авторами проекта, ни Оруэллом. Да, город построен. Весь мир стал городом, но люди почему-то остались людьми. Механический человек («Голова») рассыпается в прах, и из хаоса обломков проглядывает лицо человека, имеющего душу, а не набор программных дискет («Автопортрет»). Мертвый город оживает

БОЛЬШОЙ АТТРАКЦИОН II. 1984

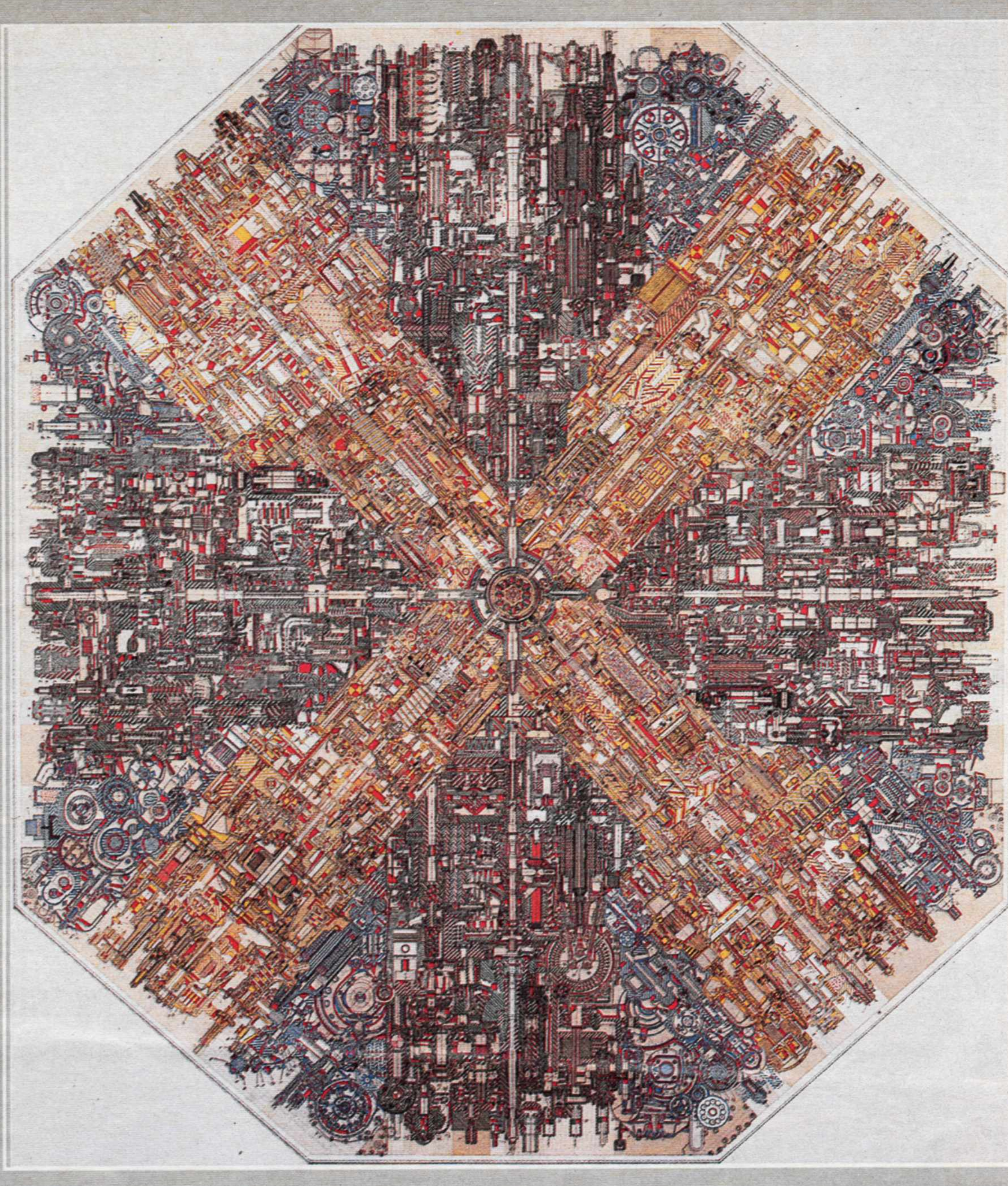
ДИПТИХ. 1990

СИСТЕМА 015. 1987

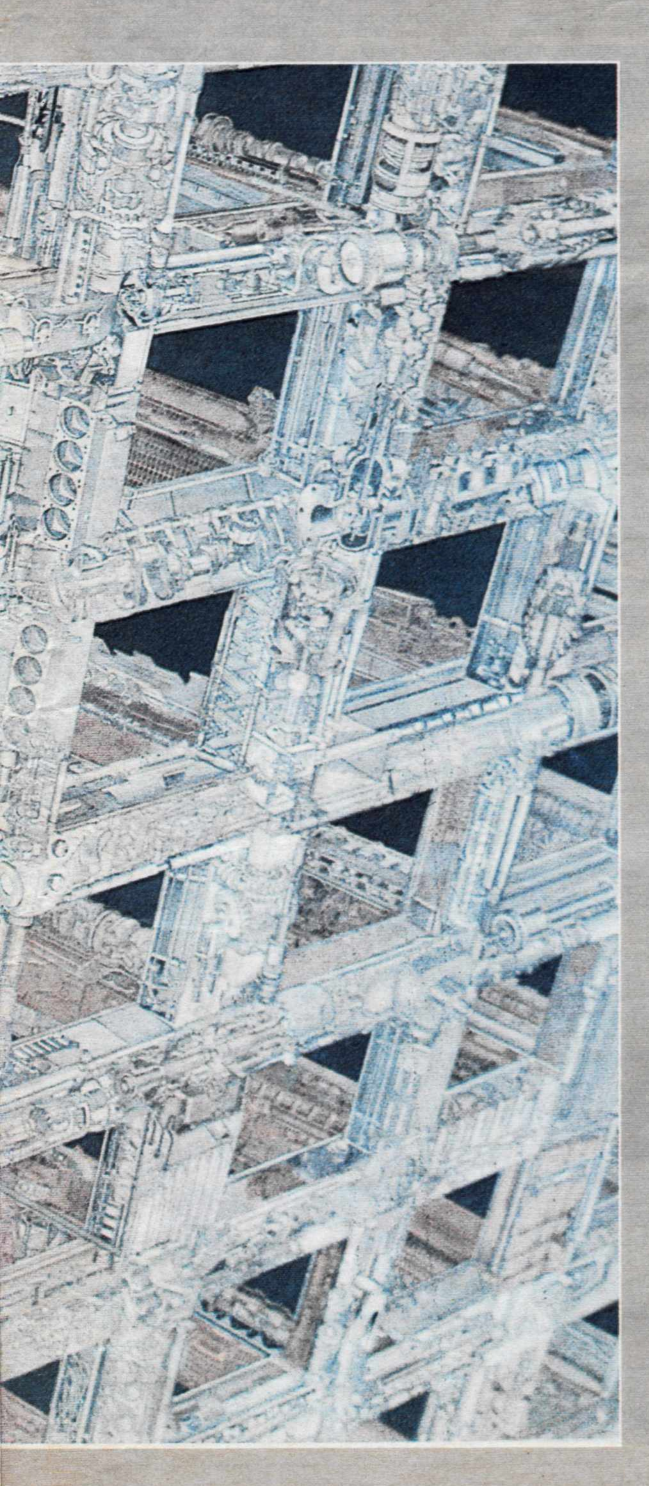
(«Наше и не наше», «Композиция с драконом»).

Нельзя не упомянуть о «Композиции» 1983 года. Это кусок бесконечной плоскости, составленной из одинаковых белых коробочек. Часть из них открыта, и мы видим, что некоторые коробочки пусты, в других — разные, но в то же время и одинаковые своей стерильной белизной фигурки. Знаки? Символы? Или намеки на некий тайный смысл, заключенный в закрытых пока коробочках? Эта работа воспринимается как жуткий символ душного и тесного времени... Коробочки, коробочки — и в каждой мертвая фигурка чьей-то души. Полунамеки, полуобразы, полумысли — мертвящая стерильность одинаковости. Безбудущность. Тупик. Всего несколько лет назад так думали многие. Многие думают так и теперь. Но работы Никиты Гашунина, особенно последнего периода, оставляют надежду на то, что урбанистическая трагедия, разыгрываемая на подмостках «мировой революции», может иметь и оптимистический финал.

С. ТАРАБАРОВ

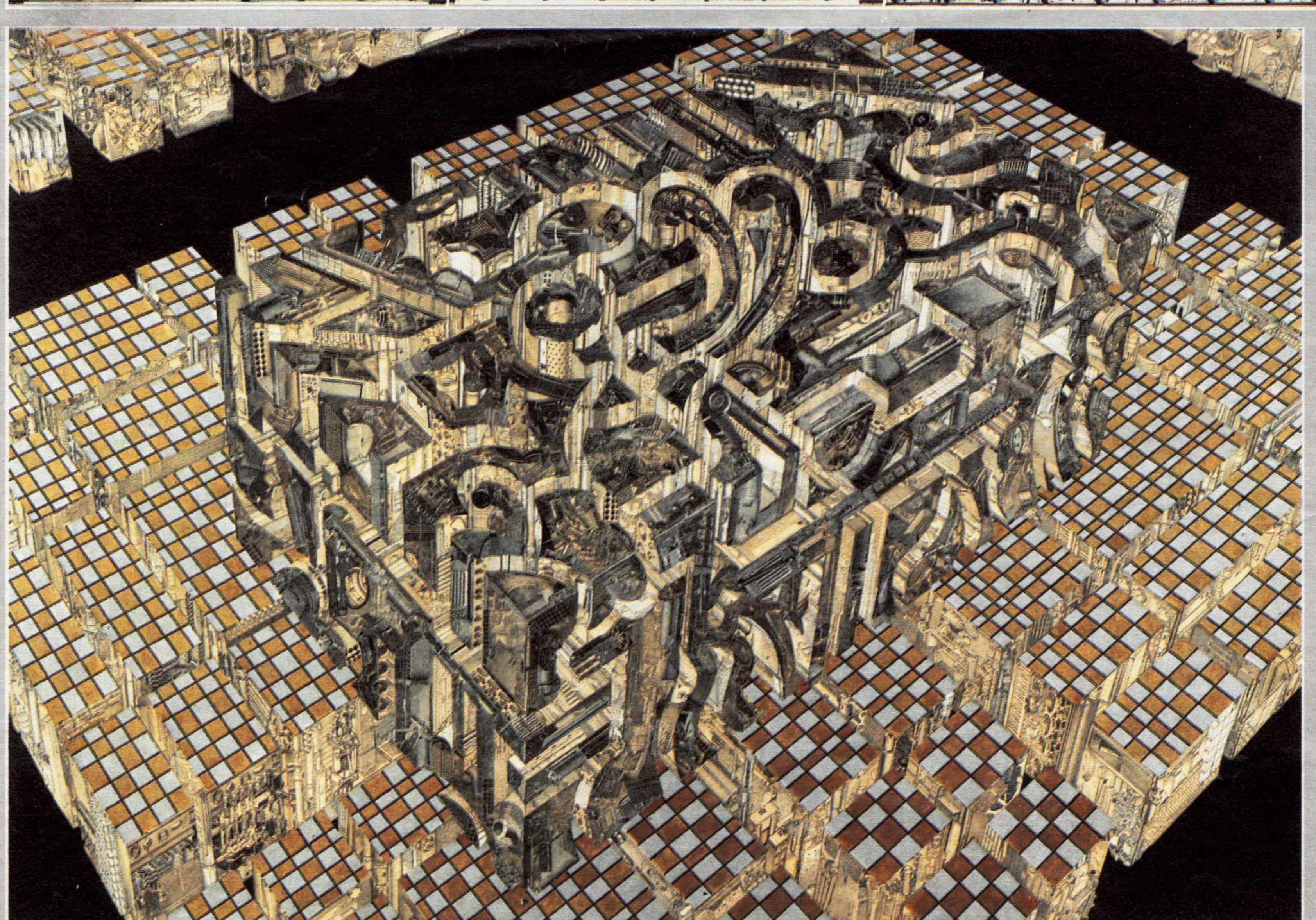
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА. 1989

ГОЛОВА II. 1990

ТРИПТИХ «НОВЫЕ ГРАЦИИ». 1990

АРТЕФАКТ. 1986

К ВОПРОСУ О СВЯЩЕННОМ ДОЛГЕ

«Огонек» — против армии! «Огонек» необъективно освещает роль Вооруженных Сил страны, публикует материалы, дискредитирующие воинскую службу, честь и достоинство ветеранов войны!» — таков пафос писем и запросов, с которыми целый ряд обиженных читателей-депутатов, в основном военных, обратился в Верховный Совет СССР.

Такое же настроение пытались внушить и заседанию Комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан, куда были приглашены представители других комитетов и комиссий, в частности Комиссии по депутатской этике и Комитета по делам ветеранов.

Это видно по печатаемому сегодня сокращенному стенографическому отчету заседания. Естественно, что более 60 присланных печатных страниц стенограммы опубликовать мы не можем (они заняли бы треть журнала), а потому редакция вынуждена дать выступления некоторых депутатов в сокращении или опустить их полностью, особенно в тех случаях, когда они повторяют друг друга или в основном поддерживают позицию журнала.

«Огонек» по-прежнему за перестройку армии. Да, наш журнал за ее перестройку, которая, увы, протекает едва заметно, отставая от перемен во многих других сферах. Наглядное подтверждение тому — статья генерал-полковника И. Н. Родионова, написанная не так давно. Точку зрения генерала оспаривают наш корреспондент и читатели в статье, которую вы можете прочесть здесь же.

Из стенограммы заседания Комитета по вопросам гласности, прав и обращений граждан

КУЛИКОВ В. Г., народный депутат СССР, Маршал Советского Союза.

Я хочу сказать, что товарищ Ахромеев на протяжении многих лет был начальником Главного оперативного управления *, в руках которого все планы стратегического использования страны, ну прямо скажем, и других наиболее важных событий. Я как начальник Генерального штаба работал с ним, представляю, что такое Ахромеев, и последующее его положение дает основание сказать, что товарищу Арбатову следовало бы прислушаться к тому, что говорил Ахромеев, и Ахромеева поддерживают люди, которые заинтересованы в безопасности нашей страны, в защите мира и других вопросов. Так, что касается товарища Арбатова, то он показал свою крайнюю некомпетентность, незнание, я бы сказал, нельзя так говорить здесь, ему нельзя было бы выступать по тому вопросу, которого он не знает. И то, что он возглавляет Институт Канады и США и употребляет порой даже терминологию тех стран, это тоже не годится...

Но за последнее время средства массовой информации, и особенно «Огонек», стали в искаженном виде освещать события, которые происходят в армии.

Это же не только желание Министерства обороны считать себя закрытым институтом. Такой порядок был. И никто не мог его нарушить. Он был утвержден в Присяге.

Я сам очень часто выступал на страницах «Огонька», когда был в другой должности. Это замечательный был журнал. Я вспоминаю, когда описывали рабочий день командующего войсками округа (1967 год). Какие вопросы там поднимались? Жизни, быта, боевой готовности, обеспечения взаимоотношений с местными партийными органами и т. д. Что сейчас мы видим на страницах — недружелюбное отношение к армии.

Подборка материалов идет предвзято. Она вбивает клин между молодыми офицерами, которые только встали на стезю военной службы, и старшей категорией офицеров. Она особо наносит ранимое ощущение старшей группе ветеранов, которых 5 миллионов, и все болезненно воспринимают.

...Я хотел был сказать, да, товарищи в «Огоньке» указывают, что армия не участвует в процессах перестройки, страдает стереотипным, старым мышлением, старыми взглядами. А я хочу вас спросить, а у вас что, взглядов старых нет? Вы что, переродились совершенно в новый материал? Ничего подобного.

Армия была и есть защитница нашего народа, ибо она сама — народная армия. Я высказываю мнение Комитета ветеранов, всех, кто ко мне обращается. Ко мне очень много обращаются, и они просят не унижать честь и достоинство тех людей, которые спасли Родину, отстояли, и как результат все мы с вами существуем и наша страна находится в таком состоянии.

ПОЛТОРАНИН М. Н., народный депутат СССР.

Я, например, вспоминаю случай, когда я работал главным редактором «Московской правды», и в 1987 году была призвана группа парней из Москвы, и их затолкали в телятники-вагоны в Узбекистане, закрыли, без воды, отправили в какой-то дальний гарнизон, когда открыли, то там оказалось несколько трупов, по-моему, я сейчас точно не помню, около 12 или 15. Так вот, нашу редакцию тогда бомбили: что делается в армии? И когда я стал обзванивать руководство, чтобы послать туда корреспондента, мне потребовалась неделя, чтобы дойти до человека, который бы мог принять решение, потому что меня все отфутболивали и отфутболивали.

Необязательно профессионал должен писать об армии, и профессионализм в конце концов нужно проявлять не в спорах, не в дискуссиях на трибунах, а профессионализм проявляется, скажем, в Афганистане, профессионализм проявляется тогда, когда нашу границу пересекают такие летуны, как Руст.

КЛОЧКОВ И. Ф., народный депутат СССР, председатель подкомитета Комитета Верховного Совета по делам ветеранов и инвалидов.

Клевета, неправда, вся грязь, ложь, которая публикуется в «Огоньке», началась не сегодня, не с этого года. А уже несколько лет.

Я, товарищи, хочу сказать, идет противопоставление армии народу, народа — армии. Идет противопоставление старшего поколения молодому поколению, и наоборот. Так что это значит, консолидация в обществе здоровых сил? Нет. Это разобщение нашего общества. Это подрыв нашего государственного, общественного строя страны. Это подрыв перестройки.

Мы с вами отметили 45-летие Победы. Товарищи, в журнале «Огонек», в № 41, на обложке запечатлен ветеран нашей армии, Третьей ударной армии, танкист, полковник.

И я прямо здесь заявляю, что ветераны войны Третьей ударной армии 150-й стрелковой дивизии, водрузившей Знамя Победы, протестуют. И мы рады с вами, что это Знамя Победы 9 Мая 1990 года было пронесено в составе ветеранов Великой Отечественной войны на Красной площади. Это еще раз показало, что ветераны Великой Отечественной войны в строю.

ПЬЯНКОВ П. П., народный депутат СССР, член Комитета по вопросам гласности.

В моем округе есть строительный батальон. Это г. Свердловск. И волей судьбы мне пришлось побывать этой зимой в этой строительной части. Я почему об этом говорю, потому что буквально позавчера у гостиницы «Москва» стояли матери тех солдат, которые служат в строительных частях, с плакатами, говорящими о том, что стройбат — это чуть ли не ГУЛАГ и пр. И в этом отношении я еще хочу сказать то, что, наверное, если журнал «Огонек» печатает темы такие остросюжетные, то нужно освещать и все хорошее, что есть в армии. Есть хорошие моменты. В этой части действительно солдаты живут полнокровной жизнью. И у них прекрасные условия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это вы о своем стройбате говорите, да?

ПЬЯНКОВ П. П. Да. Прекрасные казармы, мне сами солдаты приводили такой пример.

ЛЕЖЕНКО Г. Ф., народный депутат СССР, член Комитета по вопросам гласности.

Соединенные Штаты с каждым годом наращивают свой ядерный потенциал, и непонятно, хоть бы где-нибудь в «Огоньке» или на страницах других изданий прозвучало: ради кого, для кого и против кого 45 лет проклинаем Сталина за то, что не был готов к войне, а сейчас то же самое делаем. Ну нельзя же считать, что так думают все люди. Я встречаюсь с молодыми солдатами, спрашиваю, где ты служишь. А был я, не секрет, на ядерном полигоне. А он мне говорит, я служу там, где солнце достают руками. Вот такое у человека понятие. А мы ему сразу говорим, что это не так.

Как же можно так, уже пошел второй год, как есть у нас народные депутаты, Верховный Совет, три Съезда прошло, и не нашлось 10 или 15 минут, чтобы защитить свою армию.

КОНЬКОВ П. И., народный депутат СССР, член Комитета по делам ветеранов и инвалидов.

Ну давайте прямо скажем, что сегодня определенные средства, часть средств информации держатся в руках определенных людей и проводят определенную политику, в том числе и «Огонек». На протяжении ряда лет идет шельмование истории страны, партии, Вооруженных Сил, ветеранов, КГБ и других правоохранительных органов.

КРИВОРУЧКО Е. В., народный депутат СССР, член Комитета по вопросам гласности.

Уважаемые товарищи! Я сама мать троих детей, трое сыновей. Моему сыну старшему 16 лет, и вот ему через два года идти в армию, и мне хочется поделиться, что же меня сейчас мучает как мать, как и миллионы матерей, которые отправляют сейчас в армию своих сыновей.

Армия должна быть трудной. Сейчас многие говорят, что в армии трудности большие. Конечно, но что это за солдат, если ему там будет с утра каша манная, в обед — котлеты, что он будет спокойно спать, есть, это что за защитник. Мне кажется, мужчина должен воспитываться, чтобы были трудности, чтобы он понимал: тот, кто пересилил трудность, всегда будет человеком, а не будет тем лицом, которое будут грязью только обливать. Даже слова священные у нас: «священный долг». Любого юношу спросите, что священно, разве он скажет, что священный долг — защитить Родину. Он вам скажет: магнитофон, видеокассеты как ему достать, вот что скажет наш сегодняшний ребенок, и не скажет, что я в армию пойду служить и я буду, мама, тебя защищать. Я, как мать, прошу, обращаюсь к вам, военные, не сокращайте расходы. Ну как это так, вот сейчас любая программа — сократите расходы военные. Да что мы будем делать тогда, во что мы будем верить тогда, если мы сократим, ведь сейчас солдатам очень трудно, военным трудно. У меня зять военный, поэтому, когда он приехал, я вам честно скажу, он военную форму стеснялся надевать. Раньше, когда приезжал военный, на него все девчата заглядывались, все девушки на военных как смотрели! Сейчас не военную, лучше джинсовую куртку надеть, и то они больше будут смотреть. Вот сознание наше потерялось, сознание того, что армия есть армия, это все — это наша Родина, это наша честь.

Мне кажется, журнал «Огонек» не плохой «Огонек», я с удовольствием его читаю, но эти статьи можно делать реже, что ли, но не так, как вот сейчас, мне кажется, прямо специально программа такая заложена добить нашу армию, но не помочь.

СУРКОВ М. С., народный депутат СССР, генерал-майор, член Комиссии по депутатской этике.

Мне очень не по душе, что с помощью журнала «Огонек» почему-то начинается противопоставление старших офицеров младшим. Вот лейтенанты пишут: конечно, если бы я был генералом, я бы получал много... И я уверен, что сегодня считать деньги в чужом кармане, сколько получает генерал, нехорошо. Вы не заметили, ни один военный, где бы ни выступал, не спросил, а сколько получает, например, Виталий Алексеевич. Я никогда такого вопроса не задавал никому. Хотя я точно знаю, что он получает не меньше меня, а может быть, в несколько раз больше. Он талантливый человек, он пишет, это вполне естественно. Но зачем мы начинаем заниматься этим вопросом, постоянно говорим, что генеральские дачи, генеральские квартиры, генеральские там то, то, то?

Мы каждый год сокращаем выделения на военную науку. За два года с военного бюджета 17 миллиардов рублей официально снято. Я думаю, что, наверно, нам сегодня надо думать о том, как его восполнять. И в порядке предложения. Я думаю, что самым реальным было бы, если сегодняшний разговор на этом заседании Виталий Алексеевич сумел бы дать в своем журнале как пищу для размышления всем об этом нормальном, человеческом, спокойном разговоре.

ЕРОХИН В. А., народный депутат СССР, майор.

Перед вами на трибуне человек, который до сих пор числится убийцей, это обвинение было предъявлено мне перед строем офицеров полка и до сих пор с меня не снято. Вот вам парадокс. Самое страшное даже не в этом, ну, можно человеку сказать, ну, забыли извиниться, бывает, можно понять. Но представьте положение человека, которому такое обвинение выдвигают, официальные лица причем. Но потом дальше эта история развивается. Весь месяц меня приглашают утром на допрос, а во вторую смену я иду на полеты, летчики меня поймут, что в таких условиях летать практически невозможно. Я до сих пор удивляюсь, как я никого не убил и сам не погиб. Мои заявления, что я летать не могу в таких условиях, не принимались.

...Эта история реально демонстрирует положение личности в армии. Вот о чем нужно сейчас говорить.

А то приезжает комиссия во главе с генералом, и товарищ генерал приглашает коман-

---

* Мы писали о стратегических заслугах тов. Ахромеева, в частности о его вкладе в бесславную афганскую войну, за труды по руководству которой маршал, кажется, и удостоился звания Героя.— **Ред.**

дира полка и заявляет: «Товарищ полковник, я вам приказываю запретить... (Не слышно) журнала «Огонек» и желтой газеты «Аргументы и факты». Как прикажете это воспринимать? Как неумное высказывание этого представителя руководства.

ВАРЕННИКОВ В. И., народный депутат СССР, генерал армии.

У нас действительно, товарищи, подавляющее большинство частей хороших... Ведь сейчас-то подавляющее большинство средств массовой информации только плохое показывает...

Это что, армия сделала так, что там не хотят служить? Нет, товарищи. Это наша общая линия — направленность, которая имеет место в средствах массовой информации, и я должен сказать: не последнее место занимает и «Огонек». И я в связи с этим, конечно, обязан сказать, товарищи. Сейчас трагически складывается жизнь нашего народа. Тяжелые испытания и наша партия переносит, все органы нашего государства, в том числе и армия переносит тяжелые испытания. Но я вам скажу, что армия сегодня — это реальная сила, на которую можно надежно опираться, и в этих условиях, в которых мы с вами сегодня находимся, конечно, нам надо обратить внимание на эту силу.

ПИСАРЕНКО В. А., народный депутат СССР, полковник.

Сегодня медицинское требование к призыву в армию практически снижено до нуля. Сегодня мы в летное училище практически не можем набрать здоровых ребят. Сегодня приходит солдат, через два дня насилует девочку. Через 18 дней после прихода в армию насилует мальчика и убивает, шесть человек, только призвали их, еще не приступили к службе, насилуют своего же товарища. Неужели это мы их призвали, чтобы они эти преступления совершили? Конечно же, нет. И еще. Если мы посмотрим сегодня на офицерский корпус, товарищи, конечно, обидно и печально, что и офицеры у нас сегодня в армию приходят не те, которых хотела бы страна иметь.

И мы анализировали по дедовщине. Знаете, со школьной скамьи в этих процессах, которые связаны с дедовщиной, участвуют в школе примерно 72—76 процентов. А остальная масса — это учащиеся профессионально-технических училищ. О чем это говорит? О том, что действительно идет перенос этой грязи в Вооруженные Силы.

ОЧИРОВ В. Н., народный депутат СССР, заместитель председателя Комитета по вопросам обороны и госбезопасности.

...Даже немножко наивны в том плане, что все сваливаем на журнал. Дело в том, что, мне кажется, есть смысл подумать и над тем, кто попечитель и кто благословляет такой стиль...

Порой толковые и уважаемые люди, офицеры и генералы не заслуживают обобщений и огульного такого подхода. Если говорить, нужны конкретные фамилии, нужна конкретная фактура, причем такая, чтобы она не вызывала сомнений. Вот говорим о протекционизме, дачах и тому подобном. Но ведь Министерство обороны одно у нас. А посмотрите, сколько министерств по стране. И у каждого министра сколько заместителей, а в республиках... И никто почему-то не раскрывает и не говорит, какие у них дачи, как они содержатся, за чей счет. Почему такое пристальное внимание к нам?

ОТ РЕДАКЦИИ. Здесь приведено лишь несколько высказываний народных избранников о нашей народной армии и народной печати. У нас иногда возникает твердое желание прекратить обсуждение вопроса, ведущегося на таком уровне, так как диалогов не получается. Мы о бесконтрольности военного бюджета, а нам — о высоких патриотических принципах; мы о том, что дачи генералам строят солдаты и за народные, а не за генеральские деньги, а нам — о героизме советских воинов в годы войны; мы — о дедовщине, а нам о том, что в энском стройбате случаев дизентерии не обнаружено...

И все же реформа в армии необходима. Нравится это кому-то или нет, но армия должна быть современной. И призыв одного из депутатов: «Военные, не сокращайте расходы!» — авось не исчерпает всего диапазона решений.

ПИСЬМА ИЗ АРМИИ

ЧЕСТЬ МОЛЧАТЬ НЕ ДОЛЖНА

В последнее время «Огонек» получает особенно много писем, в которых читатели поднимают разговор о наших Вооруженных Силах. На разные темы пишут — о политорганах и профессиональной армии, о военной реформе, о трудностях в связи с сокращением и, конечно же, о службе солдатской... Мы публикуем их в рубрике «Письма из армии».

Вот и сегодня нам прислали сразу несколько экземпляров статьи начальника Военной академии генштаба генерал-полковника И. Н. Родионова. Автор, полагаю, всем известен по трагическим событиям в Тбилиси, а с самим трактатом, «имеющим хождение среди высшего состава наших с вами защитников» (а именно так пишут читатели, приславшие этот труд), познакомиться, думаю, небесполезно. Тем более что у приславших возникает много вопросов. К слову сказать, и сам генерал разослал свою работу сразу в несколько изданий, в том числе и в «Огонек».

Называется статья «О чести армии и державы».

Впрочем, самая-самая партийная наша газета уже приняла ее всей душой. Увы, не только «Правда» взяла на вооружение и донесла до народа мысли И. Н. Родионова (хотя и без ссылки на генеральское авторство*) и слова его, которые, не приведи Бог, могут стать крылатыми. Недавняя речь на съезде Компартии РСФСР другого генерал-полковника — Макашова, ставшего внезапно известным, местами буквально слово в слово повторяет трактат. Заимствование? Совпадение мыслей? Бывает, конечно... Хуже, если все генеральские речи обдумываются и пишутся в одном месте.

«Из всех структур общества, — начинают генералы,— *только армия и флот по существу и по форме являются наиболее полными символами государства. Кто хочет разрушить государство до основания, начинает с шельмования Вооруженных Сил. Мысль Клаузевица о том, что народ, который не уважает свою армию, будет кормить чужую, верна и сегодня».*

Стоит ли доказывать, что видеть свою страну сильной и защищенной — желание каждого? Разве не во имя этого десятки лет после великой последней войны мы «кормили» до отвала именно военно-промышленный комплекс, а вместе с ним и армию? Правда, все больше и больше становится свидетельств, что далеко не всегда, как говорит поговорка, в коня был корм, да и распределялся корм этот несправедливо. Что касается намеков на пропитание «чужих» армий, то великий Клаузевиц все-таки жил с лишком полтораста лет назад и, полагаю, так и умер прусский военный теоретик, ничего не зная ни о политике нового мышления, которая все больше и больше завоевывает земной шар, ни о взаимных мирных инициативах, когда, например, сам Манфред Вёрнер, генеральный секретарь НАТО, последовал к нам с визитом, предлагая сотрудничество. Да и предполагали ли мы сами всего 2—3 года назад, что услышим вот такие слова о сокращении численности личного состава и вооружений: «Теперь же мы хотим сократить их до максимально возможного уровня, чтобы у вас была реальная гарантия: что бы ни случилось, никто не сможет напасть на Советский Союз». Слава Богу, не хочется почему-то господину Вёрнеру нашего пропитания...

Ваше дело, товарищ генерал, доверять или не доверять этим словам. И не мне, понятно, судить, сколько и какого следует иметь в новых условиях вооружения и нужно ли кому-либо «требовать уничтожения уже построенного авианосца, куда вложены народные миллиарды». Но зачем же вкладывать так секретно, а затем обобщать так гневно да несуразно?

Юпитер, вы сердитесь... Если мы и алчем разоружения, то по одной, по слишком весомой причине: мы 70 лет голодные, мы смертельно устали «кормить» все и вся, нам не до жиру... Нам, именно нам... Или вы не видели и не слышали (может, не хотите видеть и слышать?), как «кормятся» те, от кого вы так упорно призываете защищаться?

Впрочем, вы не только о военной угрозе, вы — больше о «злой русофобии», о «шельмовании», «журналистах — баловнях застоя и перестройки»... О том, что «самым любимым занятием для желтой сотни» стало «разжигание в себе и читателях низменных инстинктов по поводу генералов». Позвольте процитировать: *«Холуйское смакование генеральской темы должно как бы показать всем, как эти сытые журналисты и гладкие академики пекутся о простых людях после вояжей за океан».*

И правда, дались зачем-то "Огоньку" бравые и боевые генералы. Строят себе дачи на десятках гектаров, на самой лучшей землячке, а то и прямо на братских могилах — и пусть себе строят... Хоть бы один обиделся, пожаловался, что напраслину возвели, ан нет — молчат... Что ж, принимаем молчание, как говорят, за знак согласия. Что же касается генеральской и журналистской сравнительной сытости — и здесь есть о чем поговорить.

Тем более что не молчат солдаты и офицеры, прапорщики и мичманы. Пишут в редакцию о дедовщине, о собственном бесправии, о нищей своей жизни. Не буду приводить примеры — их слишком много. Нет перспектив, нет жилья, нет продуктов, нет медицинской помощи... Это при том, что генерал возмущается любыми сомнениями по поводу миллиардов, вложенных в постройку авианосцев, и умалчивает (случайно ли?) о суммах, в которые обходятся оборонному бюджету страны многосоттысячные дачи для верхушки армейского руководства. Когда же мы показываем, как «и впрямь тяжела жизнь наших офицеров, быть может, самой социально незащищенной части общества», «Огонек» обвиняется в клевете. Ах, как хочется вместо этого — о «подлинном величии», «братстве народов», «прочности», «единстве в мире союза народов»! Так спокойнее, да?..

Вы пишете, товарищ генерал, что *«неуставными отношениями заразило армию общество, и армию же обвиняют».* Думаю, это правда — первопричина здесь в обществе. Равно как и «непрофессионализм офицеров» — он производное от всеобщей некомпетентности, как и «барство генералов», идущее от системы незаслуженных привилегий. Кстати, за тяжелую и самую «жертвенную» службу офицеры и генералы вправе жить лучше. Но нужно действительно быть нравственно развращенным, совсем "пожертвовать" совестью, чтобы жить так, как скомандовали для себя многие ваши товарищи — военные руководители. Когда же, со своей стороны, вы попрекаете «сытых журналистов» после «вояжей за океан», что они «пекутся о простых людях», то позвольте еще раз заметить, что за океаном, к нашему сожалению и стыду, для большинства сытнее, и многие, побывав там, действительно еще вдумчивее начинают печься о наших, доведенных до крайности простых людях. Благородное это занятие, жаль, что вы думаете иначе. Да, за океаном сытно тому, кто умеет и может дело делать. А вот о чем «пекутся» хотя бы те наши военные, у которых Руст за Рустом через границы летают?

Прошу прощения, не сдержалась,— каюсь... Не хотела принимать ваш тон... Нам бы все время помнить, как 70 лет назад наши деды не сдержались, подняли друг на друга оружие — и до сих пор Отечество оправиться не может. Скольких миллионов детей своих оно за эти годы недосчиталось — еще одной гражданской войны Россия не вынесет...

Вот у вас нахожу я новую страшную цифру: *«В 1988 году был убит один офицер в стране. В прошлом году без Карабахов, Прибалтики и Ферганы в своей родной стране убито 59 офицеров. Убито подло и намеренно. Эти невинные люди имели семьи, детей, отцов и матерей. Такой кошмарной мерзости не знала Россия за тысячу лет истории».* (Извините, о жертвах в Прибалтике — не для красного ли словца? Или — предварительная информация?)

Вы считаете, что *«кровь этих офицеров лежит на тех, кто уже пять лет ведет сознательную и грязную травлю армии и флота через средства массового поражения во главе с телевидением, «Огоньком», «Московскими новостями», «Комсомольской правдой», «Собеседником» и прочими органами».* Это — тяжелое обвинение. И еще более тяжкая вина, если таковая доказана. Но ДОКАЗАНА ЛИ? Кем и когда она подтверждена? Если это правда, ее надо рассказать, она должна стать суровым уроком... А если это тоже для красного словца?.. Или от безответственности — той самой, что порождает поток неаргументированной вашей ругани?

Но я спрошу о другой цифре, для меня, матери, не менее страшной: «В армии только за годы перестройки от уголовных деяний и неуставных отношений погибли 15 тысяч солдат — больше, чем за 10 лет войны в Афганистане». Об этом сообщают неугодные вам «Московские новости». Кто же повинен? Сама газета? «Огонек»? «Комсомолка»?

Что делать с этой страшной цифрой? Не поверить? Но не могу, в каждой редакционной почте сотни писем об издевательствах в армии, убийствах, изнасилованиях. Приходят в редакцию

* «Правда» от 2 июля, статья В. Изгаршева «Огонь по своим...»

матери, отцы, не вынесшие мучении призывники. Просто ждать, когда изменится общество? Кивать на других?.. Спросите же и с себя наконец, товарищи генералы! Перестаньте лишь оправдывать себя.

Не «шельмовать», не «клеветать», «не представлять в искаженном виде» жизнь Вооруженных Сил, а вместе с вами изменить, улучшить ее — наша цель. И кто, если не вы, уважаемые военачальники, должны сделать, чтобы прессе стало не нужно обыгрывать «темы дедовщины, непрофессионализма офицеров, барства генералов, бесправия солдат, «жандармских функций» армии»...

«О чести армии и державы» — назвал свой труд генерал. Вот уже военная дальневосточная газета «Суворовский натиск» опубликовала его, озаглавив «По ком звонят колокола?». Еще свежа в памяти история со статьей не поступившейся принципами Н. Андреевой, перепечатанной областными газетами. Не повторится ли она?

И если уж разговор о чести, давайте будем честными. У русских офицеров раньше всегда была и оставалась честь.

Да, державой нашей можно было гордиться, но жить в ней оказалось не так-то счастливо. Сегодня ее терзают выпущенные из-под спуда распри, а на долю армии досталось лечить их оружием. Но именно лечить, а не загонять внутрь. Вы не раз подчеркиваете, что руководствуетесь указаниями, что выполняли и выполняете волю правительства, политического руководства, президента. Да, армия построена на дисциплине и выполнении приказа. Но когда приказ выполнен, честь должна быть ненарушенной. Бесчестные приказы никого еще не украсили.

Позвольте последнюю цитату: *«Растлители не добились своего. Желтая пачкотня только сплотила офицеров и еще теснее сблизила их с солдатами. Они поняли, что выполняют историческую миссию спасения державы одним фактом своего существования»*.

Стараюсь не слышать оскорблений. Но «тайну ларчика огоньковцев» попробую приоткрыть. Она проста: мирной, спокойной жизни желаем себе и своим соотечественникам, и людям всей земли. И дай Бог, чтобы оправдались слова о сплочении офицеров, об их сближении с солдатами. Чтобы скорее генералы нашли общий язык с теми майорами и полковниками, которые отважно спорят с ними с трибун самых высоких съездов.

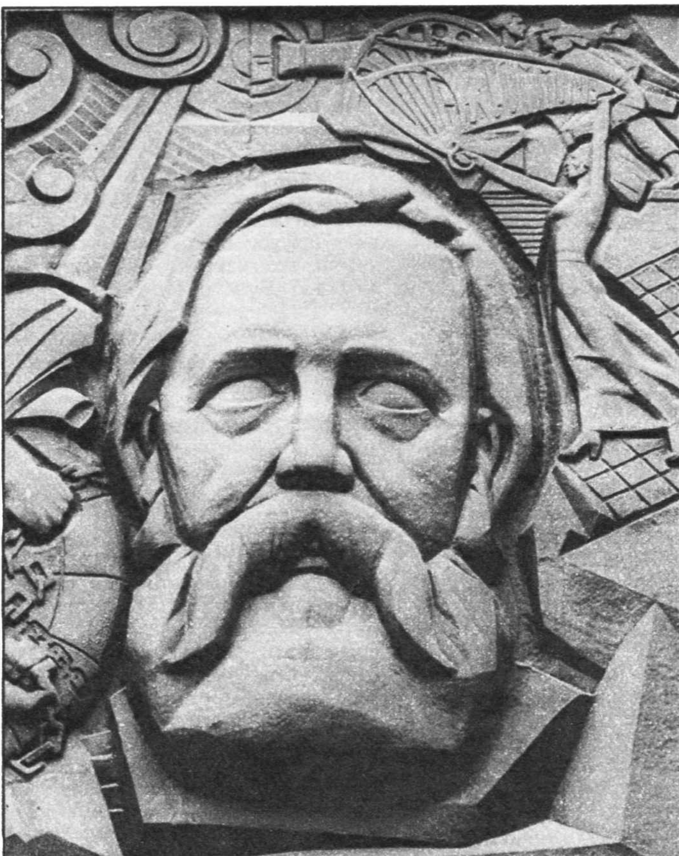
Давайте признаем, что главной заботой нашей должно быть благо Отечества. И старый анекдотический генеральский аргумент: «Если вы такие умные, то почему же строем не ходите?» — устарел. Примите совет — впредь решать вопросы без командного окрика на тех, кто не согласен с вами, уважаемый генерал.

Мы немало говорим о том, что наша армия и дороги строит, и дома, и дачи, и немало еще выполняет обязательств, превращающих ее в отряды самой дешевой, бесправной и мобильной рабочей силы, но никак не в армию, каковой она должна быть. Может быть, и вправду можно сократить ее, возвратив часть здоровых и сильных молодых людей в полевые бригады и дорожностроительные артели? А часть генералов направить в народное хозяйство, где их убежденность, темперамент и знания могут быть использованы. Не любите себя так беспредельно, генерал: благо Отечества тоже стоит заботы.

Мы же, в свою очередь, смеем надеяться, что проект постановления Министерства обороны о сокращении численности генеральских должностей и решение президиума Моссовета о защите призывников были приняты не без участия общественности, в том числе и прессы.

Зоя ЗОЛОТОВА,
корреспондент отдела
морали и писем

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

МЕЧТА О ПРОЗРЕНИИ

Марк ЗАХАРОВ,
художественный руководитель московского театра «Ленком»,
народный депутат СССР

По истечении лет некоторые памятники истории, даже считавшиеся в свое время несносными, прекрасно смотрятся, а другие, сколько бы времени ни проходило, вызывают насмешки, ехидные замечания и даже политическую ярость. Такова в общих чертах терзающая наши души история отечественного искусства и градостроения.

Сколько я ни заставлял себя полюбить каменную даму с развевающейся юбкой на крыше углового дома, что на площади Пушкина,— так и не полюбил. Вместе со мной не полюбили ее и другие москвичи. Поэтому, когда ее (памятник культуры) спустили с крыши, никаких нареканий от населения не последовало. Точно так же не обратили внимания жители столицы и на ликвидацию мраморного пенька, сооруженного в центре Манежной площади, у самого Кремля. Там, помнится, были высечены торжественные слова о возведении на этом месте монумента в честь пятидесятилетия Великого Октября. Уничтожение государственного обелиска осталось незамеченным и ненаказуемым, что меня лично удивило. Если партаппарат столь бурно протестует против ликвидации некоторых скульптурных символов — как и когда можно было замахнуться на такое? Думаю, что ночью. Впрочем, совсем иные эмоции у москвичей вызвал поспешный снос «дома Фамусова» под строительство удручающего по своей архитектурной самобытности здания издательства «Известия». Здесь прозвучали голоса тихого антиправительственного протеста. Однако глухо и неуверенно.

Однако я вознамерился написать о другом, и просто не хватает духу начать сразу, без усыпляющей вводной части, которая хотя и имеет отношение к моим последующим архитектурным размышлениям, но отношение не прямое, а косвенное. Рискну высказать суждения крайне субъективные, дискуссионные, а может быть, с точки зрения печатающего органа, ошибочные.

Сейчас, когда мы часто слышим о печальных случаях осквернения и разорения могил советских воинов за рубежом, я думаю: не расплата ли это за нашу эстетическую топорность, идеологическую неделикатность, в известной степени имперское мышление?

Но я не только об этой печали, я вообще об иностранных захоронениях на чужой территории и о тех неприятельских солдатах, что вторгались на нашу многострадальную землю.

Хочу быть правильно понятым и прошу об одном допущении. Представим себе, что Наполеон умер не на острове Святой Елены, а погиб при отступлении на заснеженной смоленской дороге, и тело его, допустим, не сумели вынести из возможного окружения. Что если бы он был похоронен на Смоленщине? Власти победившей Российской империи сравняли бы его могилу с землей? Или сохранили для потомков с известной долей исторического уважения и христианской веротерпимости? Разрешили бы перенести императорский прах на французскую землю, отдав соответствующие почести? Я уверен в двух последних вариантах.

Мне скажут: некорректный допуск. Император или высший воинский чин — это одно, обыкновенный враг в солдатском звании — другое. Для закоренелого атеиста, материалиста, действительно, это разные вещи. Смерть человека, равно как и ценность его захоронения, эстетика и сметная стоимость могильного надгробия — все зависит от исторической значимости или популярности усопшего. Однако на далеком русском кладбище Сент-Женевьев де Буа, что под Парижем, я наблюдал удивительное разнообразие надгробных памятников, как раз при строгом их православном равенстве и, более того, известном однообразии. Последнее качество обладало особым эмоциональным и даже нравственным воздействием. Не исключаю, что надгробный знак над усопшим есть своеобразный тест на определение истинной культуры, духовной самоценности и христианского миросозерцания. Вопрос о материальных возможностях родных и близких умершего оставляю в стороне: на православном парижском кладбище он, что полезно запомнить, не играет первостепенной роли.

Возвращаюсь к врагам. Сначала к внутренним. Возможно ли было, с точки зрения государственной морали и христианской нравственности, сохранить на нашей земле, к примеру (как предположение), могилу Л. Троцкого? А могилу А. Керенского? А Колчака? Батьки Махно? Григория Распутина?..

Лично я считаю, что допустимо и закономерно, но, во-первых, не мне решать, во-вторых же, опрометчиво претендовать на истину в столь сложном, противоречивом вопросе нашего исторического бытия. А сейчас о самом трудном: возможно ли нам сегодня иначе отнестись к захоронениям гитлеровских солдат на русских полях?

Понимаю: поздно спохватился. Однообразные немецкие кресты с ржавыми касками давно ушли в землю. Но если члены общества «Мемориал» и просто милосердные люди, которым небезразлична память невинно погибших, восстанавливают места сталинских расстрелов, то теоретически возможно определить и места захоронений немецко-фашистских захватчиков. Вот только зачем? Кто поддержит подобные кощунственные намерения? Как я могу допустить, что останки тех и других можно уравнять в их посмертном существовании?..

Можно или нельзя? Я бы не спешил с ответом. Ведь глупо предполагать, что все немецкие солдаты, вероломно ступившие по приказу Гитлера на нашу землю,— сплошь садисты, головорезы и людоеды. Тем и ужасна война! В сражениях любой, справедливой и несправедливой, войны (по старому марксистскому делению) гибнут нормальные люди, которые не имели возможности ее избежать, гибнут вместе со своими достоинствами, слабостями, надеждами и талантами. У большинства из них не хватило сил, чтобы изменить свою судьбу. В условиях тоталитарного государства восставали особо дерзкие одиночки-герои, но и они, как правило, не могли нанести чувствительного удара по своему правительству. Так было и у наших солдат, когда Сталин приказал перейти советско-финскую границу в 1939 году или когда наши Вооруженные Силы в 1968 году обрушились на восходящую Пражскую весну ...

Я не ухожу от поставленного вопроса: возможно ли, сообразуясь с нашими религиозными постулатами, нынешними нравами и идеологическими воззрениями, восстановить некоторые захоронения бывших врагов? И даже разрешить посещение этих мест немецким туристам для скорбных минут, молчаливых раздумий или молитв над могилами их отцов и дедов, угодивших под страшный молох гитлеризма?

Наверное, такие мысли могут вызвать протест у многих уважаемых мною фронтовиков. Да я и сам видел в детстве московские пожары от фашистских зажигалок... Сейчас — не про военных преступников, а про заблудшие души.

Некоторым читателям будет интересно узнать, что в Финляндии есть памятник красным воинским соединениям, сражавшимся и погибшим в борьбе против государственной независимости Финляндии, за ее нерасторжимое единство с революционной Россией.

Финны уже проделали путь, о котором нам только предстоит думать. А может быть, уже пора сделать первые робкие шаги и чуть-чуть, совсем немного, независимо от наших тайных убеждений, продвинуться к православному соборному мышлению, к иной планетарной идеологии, без которой, похоже, мировая история закончится много раньше, чем мы надеемся. Отдав печальный поклон погибшему неприятелю в гражданской и мировой войнах, мы, возможно, с особой целительной болью сумеем оглядеться и, не торопясь, оценить безмерную духовную тяжесть от разорения святынь Отечества.

В первые годы после Октябрьского переворота, когда началось ленинское изъятие церковных ценностей (то есть разрушение храмов), с особым люмпенским ликованием вскрывались захоронения святых деятелей православной церкви, оскверняясь прекрасные лики Христа и Богородицы. В Троице-Сергиевой лавре, как и в других религиозных центрах страны, извлекались святые кости православных подвижников, чтобы доказать ликующей черни: Бога нет, и ничто нам не свято, кроме соединившихся пролетариев. В бывшем святилище преподобного Сергия Радонежского на долгие годы расположилось замусоренное общежитие, и Лавру частично привели в порядок лишь в конце войны, когда Сталин понял, что для союзников необходимы наглядные признаки цивилизованного государства, которые, увы, катастрофически отсутствовали. Известное ленинское распоряжение о массовом расстреле духовенства достигло поставленной цели...

Поэт А. Вознесенский в свое время описал в поэме «Ров» безжалостное надругательство над истлевшими трупами во имя добычи золотых коронок, брелоков и цепочек. Жаль, поэт не имел цензурной возможности проследить генезис отечественных гробокопателей.

Гробокрадство — устойчивая традиция в нашем атеистически развитом социализме, ибо изуродовано было не только сознание, был выработан рефлекс беспредела, когда государство потрошило могилы не только обыкновенных христиан, но и тех, кто составлял гордость российской истории, аристократов духа, служителей муз и воинского долга. Партийные функционеры ликвидировали захоронения выдающегося дипломата и путешественника Н. Резанова в Красноярске и величайшего реформатора П. Столыпина в Киеве. Нет сил и времени, чтобы перечислить все преступления партийно-атеистического мракобесия. Невозможно оценить тот воистину ошеломляющий ущерб, который понесла отечественная культура.

Но при этом меня сейчас волнует совсем иной аспект культурного наследия. Все ли скульптурные монументы последних десятилетий можно отнести к памятникам культуры?

Помнится, я легкомысленным образом подтверждал, что память о человеке с дурной репутацией все же должна быть материализована в традиционном кладбищенском надгробии. А если то же самое, но в центре города? В виде масштабного изваяния?

Никого не призываю в единомышленники, но, признаюсь, с горьким удивлением обозреваю на редкость топорный по своим эстетическим достоинствам памятник Я. Свердлову, недавно сооруженный в Москве: была ли необходимость в увековечении памяти инициатора многих кровавых преступлений, включая убийство царской семьи? Неужели это изваяние украсило центр Москвы? Вместе с тем не призываю к немедленной и обязательной ревизии всех зловещих символов революционного экстремизма. Понимаю, как опасно в нынешний донельзя обострившийся момент социального брожения незамедлительно решать, что есть искусство, а что его имитация. Что есть эстетическая ценность в исторической памяти народа, а что ее идеологический эрзац.

И все же что делать с многотысячными тиражами ленинских изваяний, «украшающих» практически любой населенный пункт страны как городского, так и поселкового масштаба? Так и лицезреть эти, часто уродливые, гипсовые с позолотой изображения человека, которому отказали в захоронении?..

Смотреть на эту дурную множественность одноликих копий как на историческую месть? Не хочется. Вообще никому мстить не следует, как не следует иронизировать над теми, кто дорожит этими языческими символами тупикового исторического пути, отождествляя их по эстетической неграмотности с памятниками культуры. Задам бестактный вопрос: сколько памятников может быть у одного человека, даже не с однозначной оценкой его земного пути? Сколько памятников воздвигнуто Петру Великому? Александру Сергеевичу Пушкину?

Конечно, жаль детей. Визуальные сигналы, поступающие в детский мозг, самым деятельным образом участвуют в подсознательном формировании важнейших черт характера. Я оставляю в стороне выработку художественного вкуса и уважения к истории Отечества. Если ребенок видел хотя бы репродукции скульптурных шедевров Петербурга, Мадрида, Рима, он не сможет серьезно отнестись ни к позолоченным карликам, ни к одиноким исполинам с однообразно вздернутой рукой.

Что было, на мой взгляд, самым страшным на съездах народных депутатов? Не выступление генерала Родионова, и не речь Полозкова, и даже не улыбка Лигачева. Очень страшен был гигантский монумент, возвышающийся над президиумом в обрамлении фанерной декорации. На последнем съезде скульптуру богоподобного вождя заменили железным занавесом с его же барельефом сверхъестественных размеров. Допускаю, что для иностранных телерепортеров это необходимый знак — своеобразная точка отсчета в многопартийном развитии страны. Подавляющее своими размерами изображение партийного творца над президиумом — самый верный показатель того, какую историческую фазу переживает государство. Понятно, что идти — идем, но из цепких лап тоталитаризма пока еще не выкарабкались...

И, может быть, не стоит обижаться на тех людей, кто пытается избавить центральные площади своих городов и поселков от античеловеческих гранитных исполинов? Можно обидеться на поспешные противозаконные действия, но стоит ли обижаться на законные раздумья и обсуждения этого вопроса в органах местной власти? В некоторых регионах людям разных политических взглядов в тягость постоянно созерцать имитацию божества. На таких людей можно разгневаться, выразить им протест, ударить кулаком по столу, но можно и понять. И даже посочувствовать.

«Не всякое творчество хорошо,— писал русский философ Н. Бердяев.— Может быть, злое творчество. Творить можно не только во имя Божие, но и во имя дьявола. И если не будет христианского творчества, то антихристово творчество и строительство будет захватывать все большие и большие районы, будет торжествовать во всех сферах жизни... Никто больше не верит в отвлеченную культуру. Повсюду человек стоит перед выбором».

Эстетика — не до конца постижимая реальность. В нашем сознании она тесно переплетается с психологией, политической и нравственной ориентацией. Человек связан с внешней средой, ее пространственными построениями плотнее, чем он думает. Его визуальные, эмоциональные и духовные потребности нерасторжимы.

Удивительный образ коллективного партийного руководства расположен на стене здания Института марксизма-ленинизма в Москве, на тыльной его стороне, что выходит на улицу Пушкина. На прохожих с серой стены глядят барельефы (анфас) Маркса, Энгельса, Ленина. В соответствии с древнегреческой скульптурной традицией их выпуклые широко раскрытые мертвенные глазницы лишены зрачков. Для небольших старинных бюстов это естественно, а здесь страшно. В контексте масштаба, архитектурного решения и уличного пейзажа все трое выглядят гигантскими слепцами, что жестоко и в целом несправедливо. Впрочем, тут я не берусь судить о всех возникающих эмоциях, могу лишь утверждать, что это феномен нашей монументальной пропаганды. Здесь можно заподозрить, как злой умысел (вот, мол, к чему приводит марксистско-ленинская эстетика), так и скульптурное невежество. Все трое мне несимпатичны как философы, но проявлять по отношению к их изваяниям надругательство я бы не стал. Не по-христиански. Если их невозможно убрать (хотя это произойдет рано или поздно), то «открыть» им глаза все-таки следовало бы.

Пора становиться зрячими. Но здесь я призываю к непременной осторожности. Открывать глаза на то, что нас окружает, надо постепенно. Не торопясь. Иначе можно ослепнуть.

Александр ЭКШТЕЙН

ДНЕВНИК СТУКАЧА

Если бы Вы знали, сколь трудно будет писаться эта исповедь.

Договор.

Я, Экштейн Александр Валентинович, 1956 года рождения, русский, осужденный по ст. 117 ч. 3; 146 ч.2; 218 ч. 1 к 12 годам л/с с содержанием в колонии усиленного режима, находясь в здравом уме, добровольно, без принуждения, обязуюсь сотрудничать с оперчастью в местах лишения свободы, то есть давать сведения о готовящихся преступлениях (побег, убийства, подготовка массового выступления против администрации) в среде осужденных. А также о случаях нарушения служебного долга среди контролерского состава и администрации. Обязуюсь сохранять оперативную тайну. В случае ее разглашения предупрежден об ответственности. Для подписи своих донесений буду пользоваться псевдонимом «Назаров».

11.77 года. Экштейн А. В. — подпись —

...Натаскивание, вернее втаскивание в шкуру «искариотины», велось профессионально и деликатно. Бедные оперуполномоченные, сколько возни с двадцатилетними стукачами!

...Источник сообщает, что 7 ноября подследственный Желтков определил, что подследственный Иванов А. является педерастом. Желтков этой же ночью вступил с ним в половую связь в извращенной форме, предварительно избив его. Примеру Желткова этой же ночью последовали подследственные Рычков, Амосенко и Тосиков.

«Назаров»

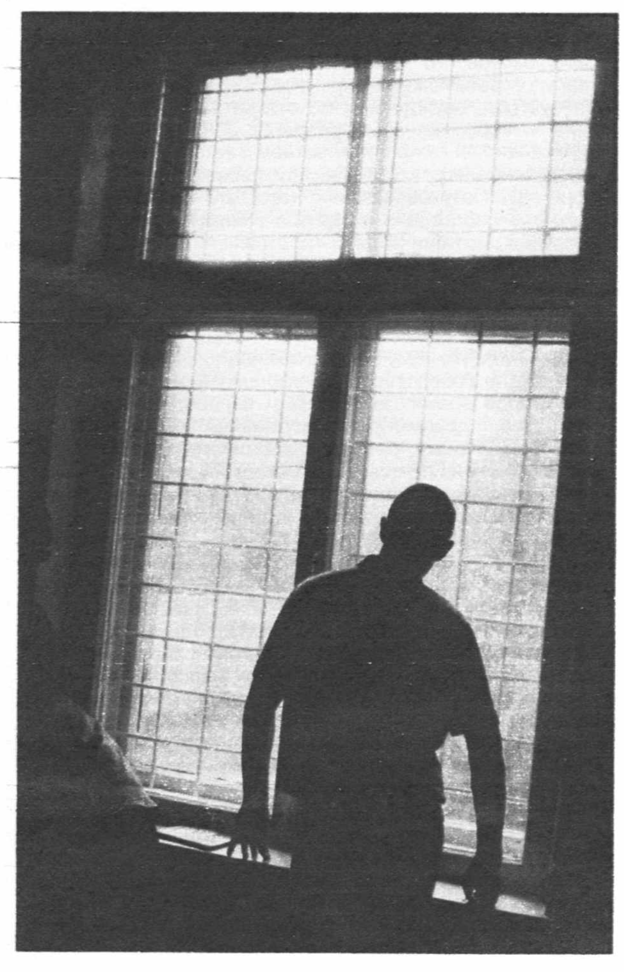
«Саша, ну какая нам разница? Для нас все одинаковы, но лучше, конечно, когда изнасилованных больше, ведь они быстрее идут на контакт с администрацией и, главное, работают как трофейные кони, потому что им больше делать нечего, как забыться в работе и искать у нас помощи от «волков»... В общем, черт с ними, «петухами», ты больше в отрицаловку погружайся, будь с ними, прими их законы, а мы поможем...» — терпеливым и спокойным голосом давал мне урок оперуполномоченный капитан Катаев, а я дрожащим от волнения голосом отвечал: «Я сделаю все... Сделаю все, чтобы помочь Вам в борьбе».— Я СДЕЛАЮ ВСЕ!!!

...Толика Мамченко убили в рабочей зоне, ночью, во время второй смены, убили «петухи», за то, что он взял у них деньги для покупки водки и послал подальше. Убив, они, а их было трое, бросили его в котлован, который был вырыт в цеху для нового штамповочного пресса и забросали строительным мусором. В зоне очень трудно остаться незамеченным, так и в этот раз нашлись те, кто видел, как убивали и куда бросали, поэтому через некоторое время труп был извлечен контролерами из котлована, а затем... А затем была совершена ошибка. Оперативникам нужно было извлечь тело, не привлекая внимания з/к, нужно было немедленно вывезти из колонии тех, кто видел, как убивали Мамченко, и скрыть все обстоятельства этого убийства. Но этого не было сделано, напротив, тело Мамченко более трех часов пролежало возле вахты как раз во время съема второй смены с работы. И зона начала ШЕПТАТЬСЯ...

...Источник сообщает, что в связи с убийством осужденного Мамченко опущенными в колонии через некоторое время произойдет массовое избиение «петухов». Уже в цехах «Гранита», «Сельмаша» и «ОПР» затарено большое количество заточек и железных прутов. Все начнется, видимо, завтра, возможно, и сегодня ночью.

«Назаров»

...Совсем неожиданно, сразу же по подъему, с утра, меня вызвали по селектору в санчасть и там сказали, что сегодня я буду отправлен в областную больницу для з/к на обследование, так как у меня подозревается туберкулез. В десять утра я и еще несколько осужденных, в основном пожилые и два молодых, совершенно цветущего вида, тряслись в воронке. А на следующий день, в больнице, я узнал от вновь прибывшего этапа, что побоище в зоне состоялось, с кровью, разбитыми черепами, трупами. А также узнал, что почти четыре часа в ход событий никто не вмешивался, солдаты стояли вокруг зоны, предварительно выведя родственников осужденных из комнат личного свидания. И лишь когда основной всплеск побоища кончился, солдат ввели в зону. «Но ведь они знали, что побоище состоится?..» — заметался в моих мыслях вопрос без ответа.

...Источник сообщает о том, что в колонии, среди отрицаловки, идет разговор о том, что Армик и Манел (ростовские) являются осведомителями оперчасти. В колонии резко произошел раскол внутри отрицаловки. Ростовские поддерживают Армика и Манела, таганрогские, шахтинские, сальские и залетные — против. Возможно, и с большой вероятностью, столкновение между ними.

На мой взгляд, Армика и Манела нужно этапировать из колонии.

04.79 г. «Назаров»

...Армика убил Нефед из Азова, или азовский, как принято говорить в зоне. Убил профессионально. Этому двадцатилетнему, невысокого роста убийце нельзя отказать в хладнокровии и непомерном самолюбии. Армик, пользовавшийся авторитетом среди ростовских, которых было в зоне около 800 человек, был умен, статен и высокомерен. Именно в случае с Нефедом его и подвело высокомерие. Когда Нефед зашел к Армику в каптерку, находящуюся в рабочей зоне и которую тот превратил в свою «квартиру», обставив роскошными для зоны вещами, Армик отдыхал в самодельном кресле, сделанном ему из уважения, а точнее, из-за обыкновенного «боюсь» и угодничества.

Нефед спросил его прямо в лоб: «Почему идет базар, что ты, кумовка?.. И вообще, что это ты как барин живешь и менты тебя не трогают?..»

Армик не мог ничего умнее сделать, как плюнуть Нефеду в лицо. Это последнее, что он сделал в жизни. Нефед убил его с первого удара отверткой, которая лежала у Армика на столе в каптерке, после этого он этой же отверткой нанес ему еще шесть ударов, после чего, тщательно вытерев ее от следов своих рук, положил на место, затем взял напильник без ручки, этого добра в каптерке было много, ибо она вместе с жилуглом Армика была также инструментальной кладовой, и воткнул его острым концом еще пять раз в тело, вытерев и вернув его на место, он взял электрод и выбил трупу глаз, вновь протерев и оставив его, взял молоток и несколько раз ударил мертвого по голове, после чего, наведя в каптерке порядок, покинул ее. Начали искать не одного убийцу, а четверых...

Имя Армика невозможно было произнести вслух. Стоило в разговоре упомянуть его имя, как мгновенно срабатывал стукач или «козел». Человека сразу же вывозили в Новочеркасскую тюрьму и протягивали сквозь систему изощреннейших камер, от простых, где концентрировали до 10—20 стукачей, до камер пыток, где находились рецидивисты — «шерсть», которых уголовный мир уже давно приговорил к смерти и у которых в камере были наркотики, вино, ножи и даже наручники. ЭТИ ЛЮДИ ЖАЛОСТИ НЕ ЗНАЛИ!

Человека также могли кинуть в камеру, где сидели по 40—50 опущенных, которые могли изнасиловать, могли и просто попугать, исходя из того, какой приказ получил их лидер в оперчасти. Парень в этом случае должен кого-то порезать или убить из стаи, уйдя на второй срок, или резать лезвием себя, вены, живот, чтобы вынесли на крест, то есть в больницу. Новочеркасская тюрьма в 1977—1982 годах была своеобразной лабораторией по выращиванию античеловеческих, безнравственных методов пыток. В 1977—1982 годах в Новочеркасской тюрьме функционировало до 30—40 спецкамер с разными методами издевательств, вплоть до убийства. Опыт этой методики затем распространялся по другим тюрьмам и СИЗО страны. Спросите у тех, кто был в Верхнеуральской, Златоустовской, Тулунской, Вологодской, Андижанской тюрьмах. В Ростовской области нарушителей режима содержания собирали в этапы по 30—40 человек и регулярно вывозили в Новочеркасскую тюрьму со всех колоний, на «профилактику». Специально обученные группы контролеров избивали привозимых, причем били так, что становилось ясно — они уверены в своей безнаказанности и правоте. После избиений осужденных раскидывали по камерам, дабы определить степень увечий и возможность огласки. Пока люди находятся в «отлежниках», со всех колоний «слетаются» оперативники и начинают дергать из камер своих людей, получая информацию о настроении прошедших «профилактику». Если кто сломался, вербовать, кто не сломался, продолжить «профилактику». Из «отлежников» на прогулку не ходили, так как это означало, что бить дубинками будут до прогулочного дворика, в прогулочном дворике и от прогулочного дворика до камеры. Самыми страшными камерами считались по праву те, где сидели приговоренные к вышке и которых помиловали, дав взамен смерти пятнадцать или десять лет тюремного режима.

Эти заслуживали себе жизнь и тюремный комфорт (жратва, водка, наркотики) еще более страшными делами, чем те, за которые их приговорили к высшей мере.

...На одной из таких прессхат Нефед признал себя убийцей. Суд проходил в колонии, в клубе-столовой. Когда суд спросил у матери Армика, желает ли она смерти убийце ее сына, она ответила: «Нет, не желаю»... Нефеда приговорили к высшей мере, объявив приговор по зоновскому радио... Правда, потом довольно-таки часто возникали слухи, что его не расстреляли и видели то во Владимирской СТ, то в Златоустовской СТ, но не знаю, не знаю.

О том, что Москва, я имею в виду ГУИТУ СССР (Главное управление исправительно-трудовых учреждений МВД СССР), знала обо всем, что происходит в Новочеркасской спецтюрьме, можно не сомневаться.

По пальцам не пересчитать, сколько всевозможных чинов из столицы побывало в ростовских колониях и тюрьмах. После их отъезда, как правило, появлялось нововведение, еще более бесчеловечное. Однажды, через несколько лет, уже в Оренбургской колонии № 1, капитан Огородников (ныне майор) ДПНК, поправил Карла Маркса, сказав: «Не бытие, а битье определяет сознание».

...Какую роль я играл, будучи прямым исполнителем государственной гнусности?..

«Сашок, у вас в отряде очень уж быстро Пятак авторитет набирает... И ведь хитер, повода не дает, чтобы его затарить... Давай-ка придумаем зацепку»,— попросил у меня шеф, капитан Горбань, оперуполномоченный Ростовского ИТУ 398/10. «Что?» — был короток я.

« Вот тебе пару пачек этаминала, вот анаши возьми,— он дал мне пакет.— Сам особо не кайфуй...

С Пятаком вмажешься «этилом», курнете, а затем, когда в откат пойдете, отдай ему анашу и уходи спать... Как только уйдешь, мы позаботимся об остальном».

Пятака захватили с анашой и водворили в ШИЗО, а затем осудили на тюремный режим.

...Источник сообщает, что между ростовскими и таганрогскими группировками возникли трения, которые могут окончиться поножовщиной.

«Назаров»

...Поножовщина произошла, были убитые, покалеченные и много шума. За все это в зоне был приговорен к расстрелу один человек, на 8—15 лет особого режима было осуждено 5 человек, на срок 3—5 лет строгого режима было осуждено 14 человек, на тюремный режим было отправлено 30 человек, вывезено за пределы области 200 человек. Удар по отрицаловке был сделан мощный, и в зоне стали у «власти» козлы, то есть активисты.

Потом, когда я уже сам находился на тюремном режиме, куда свозятся нарушители со всех колоний страны, я заметил закономерность: именно в те годы, когда произошла в Ростовской колонии поножовщина, начала действовать лагерная статья 77 прим, направленная против отрицаловки, и именно в эти годы по колониям страны, почти одновременно, прокатилась волна междоусобиц, а также так называемых случаев массового волнения. Именно тогда начали «закручивать гайки», очень сильно заработали в зонах жестокие методы «исправления». Появились локальные зоны между отрядами, слово «исправительная» в аббревиатуре ИТК потеряло даже приблизительный смысл. Режим колоний принял карательный уклон, достаточный для создания сильной и волевой элиты преступности — воров...

Одновременность междоусобиц по колониям страны, которые как-то странно напоминают нынешние национальные столкновения, ясно говорила о том, что пока такие, как я, молодые стукачи, давали сведения о готовящихся столкновениях, другие, более опытные, их подготавливали по заданию оперативников, которые, в свою очередь, имели задание из Москвы, что не может вызвать сомнения умных людей, но что никогда не докажешь. Я-то знаю методы работы ГУИТУ СССР. Как стукач я «рос» от агента зоновской оперчасти до агента, непосредственно работающего на ГУИТУ СССР, то есть стучал на всех подряд. В зоне стучал «куму» на з/к и контролеров; в управление стучал на «кума», а на управление стучал в ГУИТУ...

...Вскоре мне стали платить за доносы деньги, поощрительные, от 40 до 60 рублей. Зам. по оперативной работе начальника Ростовского УИТУ был тогда подполковник Евдокимов. Это он предложил мне работать на управление, и он же, лицемерно пуская слезу умиления, благодарил мою бедную мать за меня такими словами: «Какого сына вырастили, спасибо». Жесточайшая ирония, я осужден за грабеж, изнасилование, и мою мать благодарят за это...

...Я чувствовал свою безнаказанность и наслаждался ею. Мне было уже двадцать два года. Абсолютно безнравственный, сил много, я чувствовал, что мне разрешено делать то, что другим нельзя. Я мог разбить голову активисту, употреблять и иметь безнаказанно наркотики, вести разговоры о воровской жизни, не работать, все время чувствуя мощную защиту оперчасти. Я, конечно, не знал, что это длится до той поры, пока меня не раскрыли...

...Когда вывезли из зоны наиболее убежденных, целенаправленных на воровскую жизнь з/к, моя деятельность приобрела мелкий характер.

...Источник сообщает, что контролер Пашиков занес осужденному Стоянову водку и продукты питания за деньги, полученные от Стоянова.

«Назаров»

...Источник сообщает, что контролер, работающий на приеме передач для осужденных, за 25 рублей пропускает передачи с продуктами питания не 5 кг положенных, а 10 кг.

«Назаров»

Изменилось и отношение ко мне. На первое место, руководящее, выступила режимная часть и политчасть.

...Я вышел покурить в локальную зону отряда, оторвавшись от книги и от слежки за Цыганом, который спал в углу секции. Шеф сказал, что там бывает травка, и я поэтому не спускал глаз с Васи. Он меня уважал и всегда угощал анашой, если она у него появлялась, а я всегда на него после этого стучал. Выходя из ШИЗО, он матерился: «Опять какая-то гадина стуканула!»

...Так вот, я вышел покурить и увидел, что какой-то немолодой осужденный прижимал к груди трехлитровую банку с водой и осторожно выглядывал из-за угла. Я выкурил сигарету и ушел в секцию читать и наблюдать, не придав значения этому стоянию с банкой. Часа через два я вновь вышел покурить и вновь увидел его в той же позе выглядывания и с той же трехлитровой банкой в руке. «Что он там?» — подумал я. Как раз появился замполит колонии и стал озирать зону. Активист встрепенулся, вышел из своего укрытия и, держа банку на вытянутых руках так, чтобы банка и повязка на рукаве были видны замполиту, подошел к небольшой клумбе и стал поливать куст роз. Замполит одобрительно, с умиленным видом кивал головой.

...Однажды в колонию назначили капитана Овчинникова, или, как его окрестила зона, Стаса. Это был, по сути, очень жестокий человек, более того, в нем был воплощен идеал режимника.

Его предшественник — подполковник Петухов начал неплохо. Обычно при всех акциях по «закручиванию гаек» в колонии администрация не трогает бывших боссов, то есть бывших высокопоставленных хапуг, всевозможных директоров, заведующих и замминистров, осужденных по статье 93 прим — хищение в особо крупных размерах. Они и в колонии пользовались покровительством с воли, да и долго не задерживались в неволе, при первой же льготе на свободу. Петухов начал с того, что приказал всех «боссов» подстричь и одеть в зековское х/б общего образца, ибо они ходили не стриженными под ноль, и одетыми были не в зековское, а под зековское, вольное, питались хорошо и не страдали. Петухов заставил их ходить в столовую, как всех, есть то, что все, и вести образ жизни, как «основная масса осужденных», что само по себе выглядело смешно. «Боссы» стали собираться в кучки, шептаться, и... через некоторое время Петухов был переведен в другую колонию, с другими обязанностями. А «основная масса осужденных» с удовлетворением увидела, что «боссы» вновь повели более привычный образ жизни для них, исправно платя дань блатным, так как те за невнимание к ним могли и башку расколотить...

С приходом Стаса зона почувствовала «тиски» системы. Этот энергичный, жестокий человек установил драконовский контроль за зоной. Считали зону поголовно во время хождения на завтрак, во время вывода на работу, во время хождения на обед, во время съема с работы, во время хождения на ужин, плюс к этому две проверки, утром и вечером, пофамильно. Любое недовольство режимом каралось водворением в ШИЗО, а по ночам из ШИЗО дергали в оперчасть, где «кумовья» во главе со Стасом избивали недовольных метровыми отрезками телефонного кабеля, то есть «ломали». Хотя в зоне уже не осталось сильных «бродяг» — их осудили или вывезли в другие колонии,— избиениями насаждался страх. Стас подчинил себе оперчасть, они заплясали под его дудку, и он принялся за агентуру, понимая, что без нее плохо, но и лишние ни к чему.

...Случайно у меня оказался этот кухонный нож с красиво отделанной ручкой для передачи на волю. С утра на всю зону загрохотал селектор и объявил, что будет травля тараканов, что все матрасы в свернутом виде следует вынести из секций на улицу. Я, чертыхаясь про себя, свернул матрас и вынес на улицу, положив нож в наволочку подушки, мне не страшен был шмон, даже если бы нож изъяли, и пошел для вывода в рабочую зону...

Каждый отряд строился в колонну по пять человек в ряд, возле вахты, и контролеры, считая по пятеркам, пропускали отряд через вахту в рабочую зону. Дежурила смена контролеров, старшим в которой был прапорщик Пальчиков, самый виртуозный после смены Молдована сшибатель пятерок. Молдован, если дежурил в ночь, сам заносил блатным вино целыми канистрами по 10 литров, каждая канистра по 100 рублей. А во время съема с работы второй смены стоял на вахте, а его приятель по смене — контролер Слава Мотыль нюхал пьяных, как выражался Молдован. От кого пахло вином, тех Молдован заносил в список, где против фамилии «провинившихся» ставил черточку, это означало, что до конца его смены нужно принести пять рублей, тогда вместо черточки появлялся крестик, а на тех, кто предпочел крестику черточку, составлялся рапорт о задержании в нетрезвом состоянии и передавался отрядным, а это — ШИЗО или лишение личного свидания. Молдован имел знак «Заслуженный работник МВД». Я стучал на него раз десять — бесполезно! С контролерами редко ссорятся.

...Я снял кепку и постукивал ею по ноге, ожидая, когда пойдет на вывод наш отряд. Пальчиков проходил мимо меня, по лицу его было видно, что он не в духе. Он остановился возле меня и, глядя поверх головы, процедил: «Ты, бычара, одень кепку, а то щас на вахте тренироваться заставлю, одевать и снимать...» Я со всей силы втер Пальчикову прямо в переносицу, тот взвизгнул и прокричал: «Смена, ко мне!..» Я подбежал к свернутому матрасу, выдернул из середины подушку, а из нее нож, прапорщики прыснули в сторону вахты, откуда через некоторое время вышел Стас и, став на почтительное расстояние от меня, крикнул: «Отдай нож!» «Да пошел ты...» — заорал я... Стас удалился на вахту, в отдалении маячила группа контролеров, наблюдая за локалкой, где находился я...

«Неужели шеф не отмажет?.. Я ведь сделал это для поднятия своего качества в роли агента, для завоевания авторитета среди блатных...» — прокручивал я в голове. Сзади меня находилась глухая стена пожарки, слева — локалка другого отряда, справа — барак нашего, впереди — ворота локалки, выходящие на плац, где находились контролеры и созерцающая зона. В это время к железному забору со стороны другого отряда подбежал з/к и, кинув мне сверток, убежал обратно... Развернув сверток, я обнаружил в нем папиросу с травкой и 4 таблетки этаминала натрия. «Блатные...» — понял я и быстро кинул горькие таблетки в рот, проглотив вместе со слюной, после чего прикурил папиросу. В это время возле вахты появились солдаты в зеленых защитных жилетах и с длинными спецдубинками, их было пятеро, они, не секунды не раздумывая, быстрыми шагами направились в мою сторону... Но меня уже охватила смелость, дарованная наркотиком. В это время из толпы з/к крикнули: «Делай себе что-нибудь, а то убьют!» «От пуповины спичечный коробок влево по животу и спичечный коробок вниз живота, жизненно важных органов не заденешь...» — вспомнил я. Быстро и хладнокровно, отмерив на животе нужное, я приставил острие ножа к этому месту и со всей силы ударил ладонью другой руки по рукоятке...

В больнице 398/19 г. Ростова я впервые и в полной мере почувствовал, что такое Авторитет. Восхищенные взгляды и готовность повиноваться во всем тех, кто был моложе меня по возрасту. Уважение с налетом зависти сверстников. Изучающая внимательность старших по возрасту и зоновскому стажу рецидивистов. И осторожная, с затаенным коварством корректность администрации плюс к этому вольная пища, деньги, водка, наркота.

Стас наводил порядок круто и жестко. По ночам из ШИЗО выдергивали «борзых», и кабель «отплясывал» по спинам и почкам з/к, которого предварительно заключали в наручники и завязывали рот тряпкой, чтобы «не дрыгался и не верещал», как говорил режимник Бесседин из ИТК-398/10. Жестокость вошла в норму. Били в контролерской, били в кабинете ДПНК, били в оперчасти и в режимной части, били за нарушение режима и просто за злобный взгляд в сторону администрации. Не били лишь в кабинете хозяина, кабинет был за зоной, и в кабинете замполита, из него уводили бить в контролерскую, так как в кабинете было много агитационных, правовых застекленных стендов и книжных шкафов с работами Ленина, Маркса, Макаренко и прочих, так что бить в нем было просто неудобно... Жестокость, возведенная в ранг закона, который осуществляли люди в погонах, называя это исполнением долга, была принята уголовным миром как естественность и неизбежность бытия...

Такое ли это нормальное и естественное явление, Жизнь? Есть в ней что-то незаконное, выпадающее за рамки нравственного, что-то угрожающее чему-то такому, что больше ее самой. Жизнь — это какая-то опасность, тайная злонамеренность против чего-то необъяснимого — Высшего. Так поселилась во мне мысль, которая философствующей угодливостью оправдывала меня, мое гаденькое существование в той жизни, которая именуется ИТУ, то есть само ИТУ несет в себе потенциал этой мысли. Ненависть к ней... Эта ненависть проявляется в з/к своеобразно, прихотливо и неизбежно. Человек, переживший длительное время «исправления», может выглядеть на первый и даже последующий взгляд и добрым, и оптимистом-жизнелюбом, может обладать энергичным даром преобразования жизни, но где-то там, в глубине, даже сам не зная об этом, он будет излучать ненависть к жизни, не говоря уже о тех, кто эту ненависть проявляет конкретно...

* * *

...Вены трудно резать только в первый раз, затем легче. Все, кто лежал на наре, лениво наблюдая и лениво отговаривая резавшегося, оживленно вскакивают и тарабанят в двери камеры, вызывая начальство и крича: «Довели, псы!.. Крови захотелось!... Вызывай хозяина!.. Доктора давай! Человек умирает!..» В надежде на то, что будет хотя бы небольшое смягчение режима в ШИЗО, то есть рассадят людей посвободней в камеры, уберут заглушки с окон, если лето, или пустят отопление, если дело происходит зимой, да мало ли... Для пущего эффекта можно лужицу крови поднять за один край (венозная кровь сворачивается, и лужица от нее становится словно недопеченный блин.— **А. Э.**) и бросить оторвавшийся от этого «блина» кусок себе на лицо и размазать... Иногда начальство идет на уступки, не желая лишней канители, а иногда начинает раздавать по камерам лезвия, предлагая и горло самим себе перерезать. Вскрывшего вены вытаскивают в коридор из камеры, берут в наручники, слегка бьют,

ставят на порез скобки и кидают в одиночку, добавив еще 15 суток ШИЗО за «членовредительство с целью уклонения от наказания». Тем не менее режут себе вены в ШИЗО и ПКТ довольно-таки часто.

...Нас везли на профилактику в Новочеркасскую тюрьму, а если соблюдать точность, то нас везли бить. Воронок (автозак) нещадно трясло. К этой тряске примешивалась тряска внутренняя, все знали, что бьют сильно, но вида не показывали... Шестеро, и это было плохо. Если везут на «профилактику» сразу человек 15—20, то есть шансы отделаться незначительными побоями, так как ударная группа контролеров устает бить долго. Попробуй помахать дубинкой на такую ораву, да так, чтобы дубинка прилипала к телу куда надо и как следует. А нас было шестеро, это хуже, это побьют от всей души, и мы знали об этом... Мы — это Крокодил, затем Сом, Худой, Боча, Сынок и я. Сом на воле работал шофером в колхозе, однажды в поле он с дружком выпил столько, что был в «зюзю», впрочем, как и его друг. Друг лег спать позади машины, в холодке, а Сом улегся в кабине. Проснувшись часа через три, он завел машину и стал сдавать назад, при этом машина наехала на приятеля и задавила его насмерть. Испугавшись, Сом закопал его в поле и два дня пил мертвую, а на третий явился в милицию с повинной. Его посадили, затем осудили и дали десять лет л/с.

...Худой же был наркоша. На воле забрался в аптеку, там наглотался колес, да так в ней и остался. Приехала милиция, а он в витрине аптеки встал и салют им пионерский отдает, зажав в салютующей руке двухкубовый шприц. Из витрины его, смеясь, милиция и забрала. Семь лет лишения свободы. Ну, а Боча, так тот за крупный рогатый скот сидел. Угонял, продавал заготовителям через какие-то макли. Несколько лет этим занимался и получил в итоге тринадцать лет л/с. Сынок, тот по форточкам специалист. Сел в 16 лет за совершение 63 квартирных краж, «работал» в паре со взрослыми, получил пять лет, и теперь его везли с нами на профилактику. 19-летний заморыш, пацан, маленький и уже опасный... Ну и я, грабитель и насильник, еще и стукач вдобавок, шестой.

Едем, и чем ближе к Новочеркасской тюрьме, тем зловещей и неопределенней в своей определенности страх. Впрочем, мой страх оказался напрасным, меня не били.

Источник сообщает, что осужденный Дубровников (по кличке «Боча») после «профилактики» в Новочеркасской тюрьме выглядит психологически подавленным и напуганным. На мой взгляд, он «отойдет» от отрицаловки к «мужикам». Можно попробовать его для вербовки.

«Назаров»

Зарубина в этот день, точнее, в первый вторник месяца, когда в колонию приезжает суд, освободили условно досрочно, на стройки народного хозяйства, и этот же суд осудил «Шеву» на три года тюремного режима за злостное нарушение режима содержания.

Зарубина было за что отпускать, всегда послушный, дисциплинированный, член секции правопорядка, он был безотказен и умел в работе, исполнителен и честен. Ну, а «Шева», конечно, заслужил свой трешник. Нарушитель, грубиян, начальника отряда капитана Клишу «псом» назвал, да и руки распускал, тому же Зарубину в морду заехал, и благодаря этому тот выглядел на суде «очень положительно», как пострадавший от отрицаловки.

Зарубин снес топором руку семилетнему парнишке, когда тот залез к нему в сад за персиками. «Шеву» осудили в колонию за то, что он в пьяном виде разбил стекло в милицейской машине, и ему за «нападение во время исполнения» втерли почему-то шесть лет... Зарубину дали пять лет л/с...

Полищук был «боссом», или, как еще называют в зоне, «маслокрадом», умный, толстый, без болезни. Окончил ВПШ при ЦК КПСС, работал где-то в обкоме. И где-то, видимо, он «не по уму» повел себя, в пейзаж не вписался. Его выгнали из партии, естественно, турнули с поста и дали ему двенадцать лет л/с. Еще бы, партийные взносы налево определил. И это при том, что его брат также в обкоме и при важной должности состоял. Когда братик вляпался, он при ней все равно остался, непоколебимо... Начал писать осужденный Полищук во все инстанции. Писал, писал, и сбросили ему шесть лет, а он не успокоился, начал в ЦК писать, его взяли и на свободу выпустили, но он и на свободе не успокоился, начал писать, добиваться, чтобы его в партии восстановили и на прежнюю должность поставили. Дело вновь приняли к рассмотрению и... вернули ему те, прежние, двенадцать лет лишения свободы... Когда я в колонию пришел, он уже десятый год добивал. Не пиши, дурачок...

1977 г. ИТК-398/10, г. Ростов.

В ЗАЩИТУ СТАЛИНА

Существует такой древний жанр, как анекдот. Бывают анекдоты остроумные и глупые, приличные и похабные, но все они всегда представляют собой предельно лаконичные юмористические или сатирические истории, состоящие буквально из нескольких фраз. Короче них только пословицы и поговорки. И вот на наших глазах этот жанр трансформировался, обрел, можно сказать, новое дыхание и силу. Родилась книга-анекдот! Вы можете себе представить анекдот на 270 страниц? Да, да, один анекдот, растянутый на целый «роман».

В этой удивительной истории главный ее герой выступает под именем Николая Алексеевича Лукашова. «Он хотел, чтобы была эта фамилия»,— замечает в самом начале своего повествования автор книги *. При этом он подчеркивает, что за Лукашовым стоит вполне реальное лицо, с которым его познакомили в свое время два прославленных полководца Великой Отечественной войны — маршал Г. К. Жуков и генерал П. А. Белов. Они же подтвердили автору достоверность необычной, можно сказать, уникальной биографии Лукашова. Используя его мемуары, В. Успенский и рассказывает совершенно сенсационную историю, к ней и перейдем.

Итак, Николай Алексеевич Лукашов, подполковник царской армии, кадровый военный, в 1916 году после ранения попадает в Сибирь, где случайно знакомится с молодым большевиком Иосифом Виссарионовичем Джугашвили, который впоследствии вошел в историю под именем Сталина. Лукашов вспоминает, что молодой Джугашвили был большой сердцеед и пользовался успехом у женщин, особенно пожилых. Еще Николай Алексеевич приводит версии о происхождении Сталина (сын грузинского князя или же известного путешественника Пржевальского). Свое «открытие» он выдает за сенсационное откровение, хотя эти весьма сомнительные легенды широко известны. Отметим сразу, что подобных «открытий» в книге множество, хотя они давно известны, но не со слов Лукашова. Что же касается подлинных исторических фактов, открывателем которых претендует быть все тот же Николай Алексеевич, то все они взяты из школьных учебников. Не наша задача в этой короткой заметке оценивать, как их толкует (верно или нет) все тот же Лукашов. Это дело специалистов-историков. Мы же хотим обратить внимание только на одну главную сюжетную линию, на которой держится все повествование.

«В полном распоряжении Иосифа Виссарионовича было два ума — его собственный и мой»,— скромно утверждает царский подполковник Лукашов, который, по его словам, в годы гражданской войны стал «негласным советником Сталина, в первую очередь по военным вопросам». Подполковник также свидетельствует: «Кстати, и на себе испытал я такое вот полное, открытое, безоглядное доверие Сталина, очень располагавшее, привязывавшее к нему. Такому доверию просто невозможно изменить, его невозможно не оправдать».

И Лукашов оправдывает это доверие! Он составляет планы победных военных операций и осуществляет их, именем Сталина руководит Ворошиловым и Буденным и его же именем отчаянно сражается с Троцким.

Лукашов глубокомысленно обобщает для Сталина (или за него?): «Пуще всего боялся Лев Давыдович сильного государства с крепким славянским ядром. В таком государстве ему и его сообщникам просто нечего было делать». Не без гордости подводит он итог своей деятельности в гражданскую войну: «...Троцкий не добился своей цели. В смутное время, в период болезни и смерти Ленина, когда обострилась битва за власть, Иосиф Виссарионович имел такую реальную и послушную вооруженную силу, какой не имел никто».

За все это доверчивый, благородный и благодарный Сталин приблизил к себе Лукашова еще больше. К самому Ленину с собой возил! Так, Лукашов подробно описывает встречу Сталина с Лениным в Горках, их долгую беседу по национальным проблемам. «Зачем Сталин взял меня в ту поездку?» — спрашивает он себя и сам же отвечает: «Наверно, ему требовалась моральная поддержка». Вот как далеко дело зашло у тайного советника со Сталиным! Постепенно Лукашов и Сталин превращаются как бы в сиамских близнецов. Лукашов свидетельствует: «За мной числилась тогда большая четырехкомнатная квартира неподалеку от Кремля со стороны Боровицких ворот. Но занимал я только две комнаты, остальные, за капитальной стенкой, использовал для своих нужд Иосиф Виссарионович». Подполковник лично (по своей военной карте!) выбрал место тогдашней дачи Сталина. Не без ложной гордости Лукашов замечает: «Просто очертил прилегающую к дачам и довольно известную мне территорию, совершенно не предполагая, что примерно определил зону, в которой долгое время, не только при жизни Сталина, но и потом, будут вынашиваться и приниматься важнейшие партийные решения».

Дальше — больше. Екатерина, жена Лукашова, родила ему дочь, и он по этому поводу вспоминает: «Иосиф Виссарионович поздравил одним из первых, прислал Кате большой букет, а мне — ящик коньяка. Надежда Сергеевна (жена Сталина.— **В. Н.**) позвонила по телефону, предложила помощь няни, которая кормила Светлану» (дочь Сталина.— **В. Н.**). Это еще не все! «Кормилица и няня маленькой Светланы,— продолжает Лукашов,— деревенская женщина с щедрым сердцем, уроженка рязанских краев Шура Бычкова, очень помогла мне в самом начале пестовать дочку. Надежда Сергеевна постаралась, нашла степенную, образованную, а главное — заботливую воспитательницу, жившую прежде в хорошем дворянском доме, а после революции пробавлявшуюся случайными уроками музыки и французского языка».

О близости царского подполковника к «вождю народов» свидетельствует множество приводимых мемуаристом фактов, слухов и сплетен, вплоть до самых интимных. Даже такой несуразный и бесконечно затянутый анекдот, каким является эта книга, должен, по мнению автора, иметь свою неприличную кульминацию. Так, Лукашов подробно повествует о якобы имевшем место «преступном романе» между Надеждой Сергеевной и ее пасынком Яковом, сыном Сталина от первого брака. Лукашов по этому поводу пишет: «Я трясся рядом со Сталиным в машине, с ненавистью думая о том, сколько сил и здоровья отнимают у него многочисленные милые родственники — пропади они пропадом вместе со своей мелкотравчатой возней и бессмысленными переживаниями!».

А между тем годы шли, всесильный государственно-политический тандем Лукашов — Сталин вел страну дальше. Разумеется, в присутствии Лукашова состоялся у Сталина решающий разговор с Троцким, который вскоре был выслан. Резюмируя свои богатые воспоминания на эту тему, Лукашов пишет, что если бы Троцкий не боролся со Сталиным, то «мы не испытали бы, вероятно, страшных репрессий тридцатых годов».

И чем только ни занимался бывший офицер! Всем, чем занимался Сталин. Вот они вместе принимают Тельмана, Берия и многих других, строят мавзолей, обсуждают проблемы коллективизации... И постоянно, вежливо, но настойчиво Лукашов гнет свою линию, наставляет Сталина. И в итоге:

«А Иосиф Виссарионович в тот раз сам явился ко мне с извинениями. Редко, очень редко такое случалось с ним, он признал собственную неправоту! Произнес проникновенно:

— Дорогой Николай Алексеевич, я допустил промах. Понимаю основательность и верность ваших суждений.

Раскаяние было искренним».

В тот раз Николай Алексеевич учил Сталина любить Россию и бороться с «расплывчатой космополитической стихией».

Нет, тут самое время заступиться за товарища Сталина! Защитить его от наветов Лукашова и пропагандирующего их автора книги Успенского. Очень многие наши беды оттого, что Сталин всегда жил своим умом! Нужно обладать очень больным воображением, чтобы этого не понимать. Зачем отнимать у вождя его лавры и снимать с него ответственность? Ведь сам Лукашов приводит такое высказывание Сталина: «Убегание от ответственности — первый признак загнивания руководства».

Кстати, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слова «убегание» нет. Но здесь мы уже вторгаемся в оценку книги с точки зрения ее литературных достоинств, вернее, недостатков, поскольку достоинств не обнаружишь и под микроскопом. Вот только одно суждение: «Мы были потрясены и увлечены своим физиологическим взаимочувствием. Мы с ней соединились в одно целое». Понятно, о чем речь? Опираясь на подобные перлы, можно написать пространную рецензию. Но стоит ли?..

Остается только подчеркнуть, что книга издана педагогическим вузом. А зачем? Может, затем, чтобы восполнить отмену сталинских учебников истории?

В. НИКОЛАЕВ

* Владимир Успенский. «Тайный советник вождя». Книга 1-я. Москва. Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина. 1989. 270 стр Цена 5 руб.

КОНВЕРСИЯ САМОТЕКОМ

Среди густых зарослей берез и осин стояли незаметные для постороннего глаза строения. Незаметные оттого, что были покрыты дерном. Вдали виднелись вроде бы самые обычные образцы барачной архитектуры, только выкрашенные в маскировочные цвета.

Находилось все это на территории колхоза «Черский» на Псковщине.

— Конечно же, соседство опасное,— рассказывает председатель колхоза В. Р. Сидоренко.— Иной раз холодок по спине пробегал при одной мысли: случись что... Чувствовали себя заложниками секретности.

Бояться было чего: все-таки рядом ракетная база с самой совершенной начинкой, сродни чернобыльской.

Сейчас мы идем по рассекреченной местности. Председатель колхоза, волнуясь, показывает, где находились ракетоносители, где хранились боеголовки...

— А вот там, на возвышеньице, прыгают дети. Там стартовая площадка ракет СС-20, направленных на ФРГ, Францию... то есть была стартовая площадка,— поправляет Сидоренко.

А вокруг все мирно! Шумит лесок, цветут ромашки. Куда ни глянь — лужки, перелески, поля. Одним словом — Псковщина с ее былинным спокойствием и какой-то потаенной силой непокорного духа, который так и чувствуется в упрямой стойкости трав, шуме густого ветерка и еще бог весть в чем.

Ракетчики любили порядок. Деревья зря не ломали, поля не топтали. «Объекты» содержали в образцовом виде. Полтора года назад база закончила свое существование. Люди в мундирах ушли, строения и землю оставили: пользуйтесь, миряне. А миряне нынче на сход не собираются, сообща судьбу земли не решают, а предоставляют это право начальникам.

Но прежде чем начальники взяли дело в свои руки, международная комиссия проверила, не отравила ли природу бывшая здесь армия. Дозиметры работали исправно, вывод оказался более чем утешительным. Радиация ниже допустимого уровня в два раза: всего 7—8 микрорентген. Экологический курорт! Значит, так может быть, когда есть порядок и дисциплина. Но именно они-то и кончились. Хозяйство осталось бесхозным всего-то на каких-нибудь два месяца. Но и этого было достаточно, чтобы многое пришло в упадок и было разворовано. Начальники между собой никак сначала не могли договориться, кому же принадлежит свалившееся чуть ли не с неба богатство. По первости обрадовались колхозники: почти 400 гектаров земли и 46 строений переходят в их распоряжение! Квартиранты-то были на их, колхозной, земле, колхозу и должна она возвратиться. Логично? Логично!

Но... ничего подобного. Военное ведомство решило иначе. Передать все заводу «Вектор». Директор завода Л. К. Голиков, видно, оказался милее. И заводу бывшее военное хозяйство, можно сказать, досталось бесплатно. Его передали с баланса на баланс. Только зачем? Этот вопрос директор завода задал себе потом. А задав, поразмыслил и решил: не нужно ему это хозяйство, отдам, пожалуй, его колхозу. Крестьяне, поди, как умоляют... Отдать — дело нехитрое. Ныне все выгоду ищут. Вот и заводской начальник порешил свой подарок «продать» крестьянам: получайте, владейте, только платите мне мясом, да еще по цене в полтора раза ниже закупочной.

Накладно, конечно, колхозу. Но селяне и этому рады. Бог с ним, что многое разрушено, бог с ним и с миллионом рублей убытка. Зато какие строения будут, какие травы для скота! Если все начинать с нуля — обойдется миллионов в десять.

Когда на базу прибыли инспектора из США, их удивлению не было предела: бедные люди так разбрасываются богатством. Поистине богач-бедняк! Почему бы не использовать строения под холодильники, хранилища, кормоцеха?

Трудно было объяснить несмышленым американцам причины...

Тут и напрашивается вывод: продумана ли политика конверсии? Неразбериха какая-то получается. Кто распоряжается хозяйством, переданным военным? Неужто в этом важном деле не участвуют местные Советы и у государства нет органа, разумно распределяющего появившиеся «клады»? А получается, кто первым подсуетился, тот и съел. И в нашем случае судьбу земель и строений решил военный начальник, которому все равно было, кому и что отдавать.

Хорошо, что хоть и на кабальных условиях, но крестьяне получили принадлежавшее им с самого начала по праву. И тоже по воле не трудящихся, а по решению директора завода «Вектор».

Кстати, скоро американцы снова посетят эти края. На сей раз бывшая оборонка встретит их в виде строительной площадки. Переоборудуются ангары, казармы, склады. Здесь будут выпускать колбасу, сосиски, ветчину и давно забытую всеми буженину. Прибывает новое оборудование для деревообрабатывающей фабрики. Совместно с ФРГ начнется выпуск паркета. Большинство новых цехов колхозники возьмут в аренду. Сюда приехали на постоянное жительство почти 90 семей из пострадавших от чернобыльской катастрофы районов. Им дали двух- и трехкомнатные квартиры. Эти люди составили костяк строителей. Полностью переоборудование бывшего секретного объекта будет закончено в следующем году. Тогда строители превратятся в обладателей всевозможных других профессий, которые будут необходимы в этих краях.

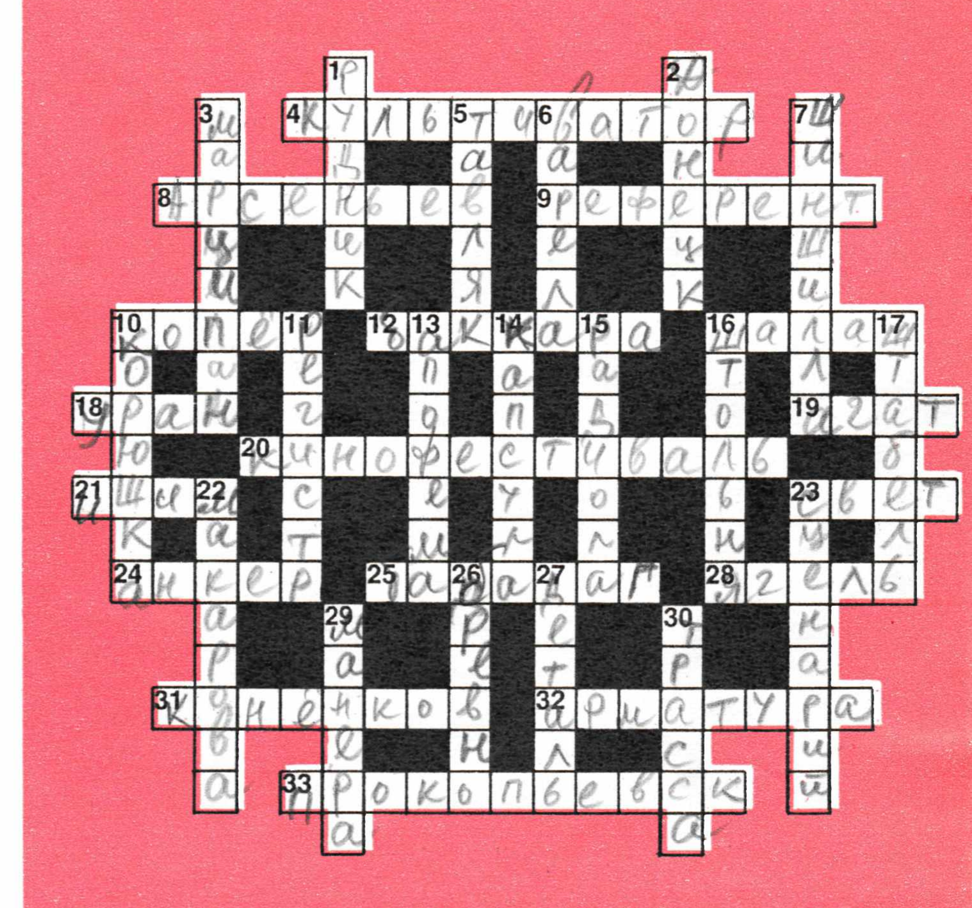
Вроде бы все налаживается. Но не оставляет мысль, что нет, «не ладно в датском королевстве». Увы, пока не нашлось настоящего хозяина с перспективным мышлением, могущего разработать стратегию и тактику конверсии. Где люди, которые по-деловому, экономно и бережливо распорядились бы тем, что когда-то съедало баснословные суммы государственного бюджета, наши с вами денежки? А ведь на то и нужна конверсия, чтобы вернуть нам с вами продукцией потраченные миллионы и не растерять по дороге к «светлому будущему» ни одного, пусть пока еще не конвертируемого рубля.

Эдуард ЭТТИНГЕР
Фото автора

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Сельскохозяйственное орудие. 8. Советский исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель. 9. Докладчик или консультант по определенным вопросам. 10. Сооружение над шахтным стволом. 12. Ценный сорт хрусталя. 16. Памятник-музей В. И. Ленина в Разливе. 18. Планета. 19. Минерал, разновидность халцедона. 20. Смотр, творческое соревнование в производстве фильмов. 21. Приток Иртыша. 23. Электромагнитное излучение. 24. Деталь часов, регулирующая их равномерный ход. 25. Вершина главного хребта Большого Кавказа. 28. Олений мох. 31. Скульптор, Герой Социалистического Труда. 32. Стальной каркас железобетонных конструкций. 33. Шахтерский город в Кемеровской области.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Предприятие по добыче полезного ископаемого. 2. Областной центр на Украине. 3. Кондитерское изделие. 5. Таджикский ударный музыкальный инструмент. 6. Аргентинский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 7. Порода кроликов. 10. Небольшая промысловая рыба. 11. Список, перечень, учетный документ. 13. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 14. Отделяемая часть космического аппарата, достигающая поверхности небесного тела. 15. Устройство, объединяющее приемник и электропроигрыватель. 16. Горизонтальная или наклонная горная выработка. 17. Ровно сложенный ряд строительных материалов, дров. 22. Киноактриса, Герой Социалистического Труда. 23. Литературное произведение, по которому создается фильм. 26. Гимнастический снаряд. 27. Часть механизма, машины. 29. Образ действия, внешние формы поведения. 30. Направление линии дороги, канала, трубопровода.

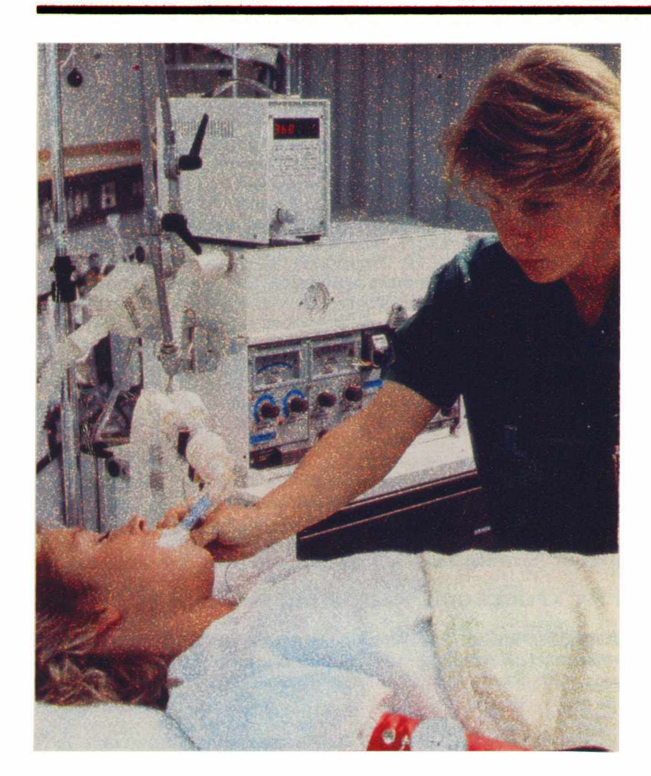
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Цефей. 6. Сухой. 7. Клотик. 9. Стамиц. 10. Пенал. 11. Линней. 12. Истра. 14. Стабилизатор. 18. Лазер. 19. Иматра. 20. Объем. 21. Деепричастие. 28. Сюита. 29. Домино. 30. «Рудин». 31. Форсаж. 32. Плакат. 33. Лабаз. 34. Филин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Беллини. 2. Вертолет. 3. Буратино. 4. Монисто. 8. Куляб. 9. Сайка. 10. Параллакс. 13. Аквамарин. 14. Стенд. 15. Измир. 16. Зурна. 17. Рабле. 22. Еланская. 23. Падеж. 24. «Столп». 25. Иордания. 26. Пилотаж. 27. Аджария.

SIEMENS

Intensive Servo

ЗАБОТЛИВОЕ ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ

Порой в борьбе за нежный цветок человеческой жизни приходится сражаться с превосходящими нас силами.

Аппарат искусственной вентиляции легких «Серво» предоставит вам возможность выбрать оптимальные варианты лечения. Он откроет вам доступ к уникальным и наиболее безопасным методам лечения, хорошо зарекомендовавшим себя у взрослых и новорожденных. Среди них назовем лишь некоторые:

Вентиляция по давлению с меняющимся соотношением вдоха и выдоха.

Независимая вентиляция каждого легкого.

Комбинированная вентиляция с высокой частотой дыхания.

Вспомогательная вентиляция.

Познакомьтесь поближе с аппаратом ИВЛ «Серво». Он откроет перед вами необычайные возможности по спасению и поддержанию жизни.

Siemens-Elema AB, Life Support Systems Division S-171 95 Solna, Швеция.

СИСТЕМЫ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ЖИЗНИ

40 коп. Индекс 70663